

НАТ РЕЙВЕН

A photograph of a woman with dark hair, seen from the side, embracing herself. Her hands are on her chest and back. The background is dark with a subtle lens flare effect.

ПОСЛЕ ТОГО, КАК НЕ СТАЛО ТЕБЯ

ВНУТРИ МЕНЯ ГАСЛИ ЗВЕЗДЫ

16+

Нат Рейвен

Внутри меня гасли звезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55894980

SelfPub; 2021

Аннотация

Известная в США танцовщица, владелица студии Мередит Коуэн покончила жизнь самоубийством. Семья пережила ужасный шок. Но больше всего досталось старшей дочери – Дакоте. После трагических обстоятельств ее словно подменили. Из доброй, спокойной, подающей большие надежды девушки, она превратилась в неуправляемую фурию и встала на скользкий путь. С чем ей придется еще столкнуться? Что будет дальше? Сможет ли Дакота исправиться? Сумеет ли побороть демонов своего прошлого, чтобы не очернить будущее? И что делать, когда единственная причина саморазрушения – ты сам?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	47
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	81
Глава 8	93
Глава 9	106
Глава 10	118
Глава 11	133
Глава 12	147
Глава 13	159
Глава 14	173
Глава 15	188
Глава 16	199
Глава 17	210
Глава 18	220
Глава 19	234
Глава 21	257
Глава 22	267
Глава 23	275
Глава 24	285

Глава 25	298
Глава 26	310
Глава 27	319
Глава 28	328
Глава 29	339
Глава 30	351
Глава 31	361
Глава 32	370
Глава 33	380
Глава 34	390
Глава 35	404
Глава 36	413

Нат Рейвен

Внутри меня гасли звезды

Глава 1

Внутри меня гаснут звезды. Я задыхаюсь, разрушаюсь, горю. Мне больно.

Моя жизнь – сплошной страшный сон. Обычно от кошмаров избавляются, открыв глаза. И только я все еще не могу проснуться.

Я разгромила его комнату. Разворотила все, что попало мне на пути. Разбила дорогой стеклянный стол, чертов светильник. Разорвала шелковое постельное белье. Разбросала его обожаемые книги редких изданий. В зеркало во весь рост полетела его довольная физиономия в рамке. Теперь здесь одни осколки и рваные куски бумаг.

Битое стекло затрескалось под подошвой туфель и мерзко закрипело. Это место за считанные секунды стало жалким и убогим.

Так ему и надо! Это меньшее, что он заслужил.

Я разозлилась. Опять. Гнев стал уже привычным состоянием.

Год. Почти год. Он смог вытерпеть только жалких 357

дней!

Подонок. Предатель. Подлец.

Ненавижу его, ненавижу весь мир. Ненавижу!

Я слышу уверенные шаги. Он поднимается по лестнице и скоро окажется в своей спальне. Он ничего мне не сделает. Глубоко в душе он знает, что виноват. Но я не хочу видеть эти собачьи глаза, слышать деликатно тихие слова успокоения. Меня тошнит от того, что я вижу и слышу всякий раз, когда выхожу из себя:

– Ничего страшного. Ты в порядке?

Каждый раз, когда происходит что-то подобное, он невозмутимо поднимает руки, показывая, что не станет ругаться и пытается подойти, чтобы обнять меня. Он думает, что это успокоит. Но кого, черт возьми, это успокоит? Именно из-за такого хочется врезать ему по лицу со всей силы, чтобы остался синяк, напоминающий о его тупых действиях. Меня нельзя трогать в такие моменты.

Секунда, и он будет здесь.

Я быстро выбегаю из комнаты, едва не сбив его с ног и, спускаясь по лестнице, затыкаю уши, чтобы не слышать:

– Милая, вернись. Нам нужно поговорить. Не оставляй меня вот так!

Я проношусь мимо обеспокоенных охранников, готовых в любую секунду схватить меня в охапку и, выталкивая дверь, оказываюсь на улице.

Легкий ветер жжет лицо. Противный воздух противного

города вбивается в легкие противной ночной свежестью и заставляет задрожать как осиновый лист.

Вот оно – продолжение. Точнее, начало моей слабости. После агрессии всегда наступает слабость. Она словно предательница принуждает меня остановиться посреди пустынной дороги и начать выть. Реветь во все горло. Моя враждебность исчезает, как туман, в залитый солнцем день. В такие минуты я думаю, что грудь разорвётся на части, не оставив ни одной живой клетки.

Становится нестерпимо больно и гадко. На душе скребут тысячи кошек, омерзительно мяуча в унисон. А после этой серенады появляется *ЕЕ* нежный сахарный голос. Родной, любимый, самый красивый голос.

Нет, нет, нет! Только не это!

Останавливаться нельзя. Иначе меня догонят и вернут домой, чтобы просто по-хорошему попытаться выйти на разговор. Ничего нового я не услышу, именно поэтому необходимо бежать как можно быстрее. Этой ночью я точно туда не вернусь.

Ослеплённая слезами и ненавистью продолжаю свой путь в неизвестность. Я в прямом смысле без понятия, куда прусь. В этом городе я всего неделю, и за все время не выходила дальше конца улицы, но я уже явно за ее пределами.

По скудному свету фонарей можно понять, что меня занесло в дешевый район большого муравейника. Оборванные афиши и ошметки газет «Филадельфия инкуайрер» валяют-

ся под ногами; вонь от мусорных баков такая, что хочется рефлекторно зажать нос. Малоэтажные дома с обшарпанными фасадами молчаливо пялятся на единственную прохажую, заблудшую волею судьбы в гетто.

Идиотское вечернее платье до пят волочится по земле и расходится по шву в подоле. Вконец раздражённая тем, что оно мешает нормально передвигаться, я разрываю дорогое кружево до колен и выбрасываю его прямо на чью-то машину, мирно стоящую у обочины.

Я зла, но все же бессильна, потому что позволяю слезам оставлять мокрые дорожки от глаз к губам. Его предательство словно булавками прицепилось к сердцу.

Боже мой, за что мне все это?!

Зачем он так поступил?

Какое право он имел на это?

Я не прощу его. Не прощу. Он будет гореть в аду.

Яркий ослепляющий столп света привлекает внимание, оглушительный скрежет тормозов бьет по мозгам. Секунда. Мгновение. Свист мимо ушей. Я падаю. Падаю на колени прямо в лужу, больно раздирая кожу на чашечках. Висок встречается с шершавой поверхностью холодного асфальта.

Что за урод?!

Я с трудом размыкаю тяжелые веки и приглядываюсь к расплывчатому силуэту, подсвеченному недалёким светом фар. У этого человека слишком большая голова. И лишь потом до меня доходит, что это из-за байкерского шлема. Он

снимает его, но я не вижу лица из-за неудачного положения теней.

Он что-то говорит, но до меня дотекает лишь глухая вибрация, смешанная с нестерпимым шумом в ушах. В голове мелькают тысячи ругательств, но я не могу сказать и одного. Пытаюсь встать, но это больше похоже на бесполезное ёрзание по земле пьяного в стельку подростка.

Его крепкая рука цепляется за мое запястье и переводит в вертикальное положение. Я отталкиваю байкера и стараюсь взглянуть в незнакомые глаза, наполненные диким удивлением. Картинка нечеткая из-за того, что мои веки предательски дрожат, словно крылья подбитой птицы!

Не отпустившая до сих пор злость запускает в кровь новую порцию норадреналина, и я начинаю месить кулаками, скрытую под кожаной курткой, грудную клетку этого парня. Я кричу что-то невнятное и бью, просто бью. Он ни в чем не виноват. Но он стал последней чашей, в которую я выливаю остатки своего гнева и ненависти.

На месте байкера должен был быть совсем другой человек.
ОН.

Удар, еще один. Кулаки болят от напряжения. Незнакомец неизвестно зачем на пару секунд позволяет выместить на себе агрессию, а после, хватая в охапку, крепко и настойчиво прижимает к себе.

Пять коротких вздохов, три бесполезные попытки вырваться, и я снова плачу. Горячие слезы поджигают до мучи-

тельного зуда красную кожу на щеках, но это длится недолго. Моя измотанная нервная система предательски позволяет слабости взять управление, и я теряю сознание.

Падаю, как мелкая монетка из кармана.

Отстой!

Около года назад

Раннего «доброго» утра мне сегодня пожелала боль. Нет на свете такого физического мучения, сравнимого с мучениями душевными. Если и давать им хоть какое-нибудь описание, то можно остановиться на ощущениях обуглившейся до костей плоти.

Колет, печет, режет, лихорадит, сводит с ума.

Здесь слишком много копов и медиков. Бесноватый свет сине-красных мигалок раскрасил бледный сумрак летней зари. Столпилось куча зевак. Всем интересно узнать, что же произошло. И, судя по выкатанной тележке с простыней, это не ограбление или слишком бурная ссора, а убийство. В данном случае – самоубийство.

Это тот самый момент, изменивший меня. Все во мне. Все встало с ног на голову. Каждый, кто идет следом за носилками на колесиках, с данной секунды перестает быть тем, кем его привыкли видеть.

Мы уже не будем такими, как прежде. Никогда.

Сегодня последний день, когда я была тихой, спокойной девушкой. Когда я была нормальной. Воющая сирена разде-

лила мое существование на две части. Располовинило так, что жёстче некуда.

Случилось страшное. Самое ужасное, что могло произойти, потому что больно, как сейчас, ещё никогда не было. Впереди меня парамедики катят тележку с телом. С мёртвым, бездыханным телом моей матери. Она покончила с собой. Наглоталась таблеток.

Рядом идёт сонная пятилетняя сестренка и перепуганный до чертей отец. Он только недавно приехал домой после очередной удачной сделки, поэтому одет весьма представителью. Как на похороны. Ага. Именно он обнаружил уже неживую мать. Именно он закричал во все горло от раздрающей душевной боли так, что проснулись не только его дети, но и пара домов в квартале.

Маленькая Ив вцепилась мне в руку, словно я спасительная ветка над топким болотом, и если ее отпустить, то можно провалиться в тягучую пасть. Но именно ее крепкая хватка – единственное, что держит меня в рассудке. Поправочка: в ложном рассудке. Пока я медленно плетусь, моя жизнь преступает к перезагрузке, после которой нынешнюю Даки сотрёт с лица земли вместе с мертвой матерью. Ведь то, что стало пеплом, возродить невозможно...

«Завтра» без нее – это как «Сегодня» без кислорода. Тщетно.

Мне часто снится именно этот период прошлого. Сложно

сказать, сколько раз я видела одно и то же. Сбилась со счета. Это не игра сознания, а действительно произошедшее. Именно оно окрасило в черный цвет мои полосы жизни. Она стала такой дерьмовой и бессмысленной. Все стало дерьмовым и бессмысленным.

Голова трещит, словно я надралась текилы в дешевом баре, – знакомое состояние. Ноет все тело. Я поднимаюсь с дивана, и только спустя секунду понимаю, что не со своего. Вокруг все чужое: обстановка, гранжевые фотографии на кирпичных коричневых стенах, полуразваленный столик, захламленный стопками бумаг.

Где я?

Мне не впервой просыпаться не в своем доме. За последний год я часто оказывалась за его пределами, но всегда знала, кто являлся хозяином места, ставшим мне ночлегом. И должна заметить, что утро встречало меня в разных обстоятельствах, но всегда в моей одежде и никак не в мужской футболке.

Что вчера произошло? Я с кем-то переспала?

Уж чего-чего, а этого я себе не позволяла. Я стала стервозной тварью, но отнюдь не шлюхой.

– Есть кто-нибудь, кто объяснит, что я здесь забыла? – блуждая по просторной комнате с высокими потолками и разглядывая огромное фото, валяющейся на полу своеобразно одетой девушки, громко спрашиваю я.

В ответ – тишина. Похоже, здесь я совсем одна. Что ж, это

тоже не в первый раз.

Выглядываю в чуть распахнутое окно, открывающее вид противного города. Без понятия, где я, но примерно в четырехстах футах от земли. Как я уже говорила, я ни разу не выбиралась за пределы своего богатого района. Скорее всего, это центр. Мегалополис шумит жизнью. Рев машин, голоса прохожих, безостановочное движение. Утро вцепилось в каждого своими рутинными обязанностями. Стройные высотки прикрывают кровавую бойню палящего солнца; люди, как муравьи, снуют в хаотичном порядке; где-то вдалеке тянется ровная полоска реки Скулкилл. Филадельфия проснулась.

Ненавижу этот город. Всей душой, всем сердцем, каждой клеткой.

Мой родной Нью-Йорк, как же я скучаю и хочу вернуться!

Там осталось все, там осталась *Она*...

– Ну что, Его Величество выспалось? Изволите чего-нибудь или обойдетесь?

Высокий брюнет в кожаной куртке и порванных джинсах оценивающе уставляется на меня. Его то ли голубые, то ли зеленые глаза с некой хищностью таращатся на мои неприкрытые ноги. Меня ни капли это не смущает. Чувство стыдливости продалось нехорошей стороне еще давно, как и многое другое...

Уголки его рта немного приподнимаются, и вместе со скудной улыбкой на правой щеке вырисовывается глубокая

ямочка.

– Ты кто такой? – забывая о всяком такте, грубо спрашиваю я.

– М-да, это самый главный вопрос...

Он нетерпеливо закатывает глаза и садится на диван, закидывая ногу на ногу.

– Отвечай. И вообще, что я здесь делаю?!

– Стоишь и смотришь в окно, как я успел заметить.

– Слушай, будешь острить с какой-нибудь наивной дурой, а со мной, будь добр, отвечай по делу.

– Быть добрым? К тебе? – Раскат неуместного смеха. – С чего вдруг? К бешеной, которая ходит по проезжей части в час ночи, а потом накидывается на незнакомого человека, желающего помочь? Заслуживаешь ли ты? Не думаю.

Он не так прост. Обычно всякий пугался моего напора и отступал, а этот, похоже, даже не собирается. Сказать честно, я не привыкла к подобному.

На его лице открыто заиграла насмешка.

– Окей, я, наверное, должна извиниться? – строя невинные глазки, с напускным пафосом выдаю я. – Не дожدهшься. Какого черта я нахожусь неизвестно где, неизвестно в чем? Какое право ты имел меня переодевать?

– Твое порванное недоплатье было все в грязи и крови. Я не собирался пускать тебя на свой диван в этом.

Он тычет в угол, где валяется уже половая тряпка, а не дизайнерский наряд за пару тысяч.

– И почему ты просто не отвез меня в больницу?

– Чтобы там вызвали копов? Проблем из-за какой-то неуравновешенной оборванки еще не хватало. Ты просто отрубилась. Скажи спасибо, что не оставил там, где все и произошло.

– Оборванки? Ха-ха-ха! Так меня еще никто не называл. Будешь моим первым... Что ж, если честно, мне плевать, кто ты. Дай мне телефон, я вызову машину и наконец покину этот клоповник.

– Ты со всеми ведешь себя как надменная тварь? – Брюнет встает, цепким взглядом выдавая раздражение.

– Со всеми.

– Поучись хоть базовым правилам хорошего тона!

– Поучись не лезть со своими наставлениями к незнакомому человеку.

– А я никуда и не лезу, это ты находишься в моем доме.

– Это ты принес меня сюда.

– Уже давно пожалел об этом.

– Впредь будешь более рассудительным.

Он внимательно смотрит в мои глаза, стараясь что-то понять, найти хоть каплю благодарности. Бесплезная попытка. По его лицу скользит недовольство, но он все-таки протягивает телефон, а после, хлопая дверью, уходит в другую комнату.

Машина приезжает через десять минут. Даже скорая не появляется так быстро, как охрана, узнавшая мое текущее

местоположение.

Последний раз оглядываюсь по сторонам квартиры, ставшей мне очередным незапланированным пристанищем на ночь, а затем в одной футболке, едва прикрывающей бедра и в расцарапанных лаковых туфлях, спускаюсь вниз.

Еще одна дурацкая ночь в копилку.

Глава 2

Молчаливый Стив, верный и преданный телохранитель везет меня домой. Он, как и все охранники, не позволяет себе лишних эмоций, но его мудрый взгляд, как у мастера Йоды, бороздит укором. Хоть у кого-то... Папаша побаивается на меня так смотреть, стараясь лишний раз не задевать мой пылкий нрав.

Уверена, меня уже ждет мистер Уэйд Коуэн с очередной порцией поучений. Терпеть его не могу! Мой отец – огромная заноза в заднице. А после того, что мне довелось вчера увидеть, – еще и предатель.

Прошел почти год после того, как маму закопали в земле, а он уже нашел ей замену в лице мерзкой блондинки и по совместительству партнера по бизнесу – мисс кошмарные кривые ноги. Он представил ее как свою спутницу, намекая на то, что в будущем она может стать моей мачехой. И не нашел места лучше, как на приеме у своего инвестора. Лучше бы он не брал меня с собой, придурок. Надеюсь, я заставила его краснеть перед напыщенными толстосумами и их расфуфыренными женушками. Я закатила знатную сцену, о которой еще долго будут судачить.

– Мисс, ваш отец ждет вас в гостиной, – открывая дверь, сразу же заявляет экономка.

Я лишь бросаю на нее недовольный взгляд и поднимаюсь

к себе в комнату, игнорируя все ее попытки обратить на себя внимание.

Нервный топот ножек преследует меня до лестницы.

– Дакота, я прошу вас, вернитесь. Мистер Коуэн очень переживает, он ночь не спал, обзванивая все больницы. Пожалуйста.

Экономка становится впереди, преграждая путь, но она одна из немногих, на кого я никогда не вымещала и не вымещаю свой гнев.

Пышнотелая милая миссис Данн с добрыми, как у собаки, глазами всегда была снисходительна ко мне. Именно она поддерживала меня первое время, когда я горестно оплакивала великую потерю всей своей жизни. Это потом я сорвалась, и даже ее чуткая натура не смогла уgomонить взбесившуюся девчонку.

– Вы видите, в каком я состоянии? Не думаю, что отец обрадуется, если заметит, что на мне надето.

Я вру, на самом деле мне плевать, что он скажет или что подумает. Он видел меня и в обстоятельствах похлеще. Но чтобы не заваривать очередной конфликт, я все же прибегаю к подобной уловке.

– Хорошо, милая. Я скажу, что вы спуститесь чуть позже.

Прохожу мимо отцовской комнаты и замечаю, что после вчерашней разрушительной вакханалии и следа не осталось: все убрали. Мебель вернули на свои места, заменили постельное белье. Вот только зеркало и стеклянный столик уже

не вернуть, они пали жертвой ночной разборки.

Ах, какая досада! Шутка, конечно же.

В своей жизни я устраивала всего лишь два погрома, и вчера был второй. Впервые это случилось еще в Нью-Йорке. Спустя пару недель после похорон я вернулась домой и наткнулась на коробки с вещами матери. Ее потихоньку принялись стирать из моей памяти. Начали с простого. Тогда я разгромила свою спальню так, что не осталось ничего уцелевшего. Это был мой первый приступ агрессии, в будущем переросший в диагноз.

Скорбь не должна переходить в гнев, потому что тогда человек становится монстром. Я стерла границы и превратилась в неуправляемое больное чудовище. Сначала были мелкие выходки, что-то наподобие побегов из дома, сильного алкогольного опьянения, невероятной раздражительности. Дальше – больше: аморальное поведение, драки, крупные скандалы. Я забросила учебу, пустилась во все тяжкие. Сложно представить хорошую девочку в такой ситуации, но, поверьте, возможно. Я действительно была милой, успешной, доброй, я была золотым ребенком таких же родителей. Но злость – это темнота. А в темноте очень легко заблудиться. И я заблудилась.

Доктора говорили, что это деструктивное поведение после психической травмы, совместившее в себе все виды агрессии. Обеспокоенный отец притащил самого лучшего психолога, для которого я стала лишь очередной подопыт-

ной мышью. Как вы уже поняли, он мне ничем не помог, а еще больше разозлил.

Не сказать, чтобы я тащусь от всего происходящего, скорее, мне даже плевать. Мне на все плевать! Индифферентность не коснулась только одного – мертвой матери (1). Мысли об ее отсутствии вызывают плохие эмоции и управляют моим буйством.

Ее не стало – не стало и какой-то части меня. Она утащила ее с собой.

Я зла на нее, на отца, на этот мир. Все из-за них. Они виноваты в том, что уничтожили во мне человечность. А теперь я постоянно слышу мольбу, которая должна побудить меня сжалиться. Но я не смогу, а главное, не захочу этого сделать.

Стук в дверь. Легкий, неуверенный. Папаша пожаловал.

Я вздыхаю так, словно кричу: «Больше не могу!» Мое шаткое терпение и правда на исходе.

– Дакота...

Он стоит возле порога, боясь начать разговор. В красных, от бессонной ночи, глазах читается усталость, боль, страдание. Я знаю, ему осточертело мое отвратительное поведение, но он ни разу так и не сорвался, не крикнул, не упрекнул. Железная нервная система. Все-таки он тот еще крепкий орешек! Я бы уже давно сослала такую дочурку на другой конец света.

– Мне нужно принять душ, – холодно говорю я.

– Где ты была? Почему у тебя царапины на ногах? Ты

опять с кем-то подралась? С тобой все хорошо?

– Ох, как много вопросов, не знаю даже с какого начать.

Может, ни с какого?

– Доченька, пожалуйста, поговори со мной.

– Я тебе еще вчера все сказала.

И тут я впервые вижу что-то новенькое во всей этой знакомой ситуации, знакомой беседе. Он усаживается на пол возле моей кровати и, ухватившись за волосы, начинает тихонько лить слезы. Капли соленой жидкости стекают по его щекам, цепляясь за подбородок, чтобы потом уйти в небытие.

Твою макаронину! Вот это поворот!

Он ни разу не плакал при мне. Похороны я не считаю, тогда была действительно серьезная причина. Но вот сейчас я откровенно в некоем шоке.

– Господи, я думал, что с тобой что-то случилось...

– В который раз? – надевая халат, устало спрашиваю я.

– Я не знаю... сбился со счета. Я боюсь даже представить, что будет, если с тобой что-то случится. Я не смогу жить с этим.

– Маме ты тоже так говорил? Ну ничего, живешь же как-то, даже новую избранницу себе нашел.

Зря я это начала. Горячие вспышки искр в глубине души начинают прокладывать губительные дорожки, ускоряя пульс моего эмоционального состояния до предела. Уже чувствую, как меня снова трясет от злости.

– Я живу только ради тебя и Ив.

– Ага, а еще ради любовницы.

– Она не любовница.

– Ой, давай не будем! Я не маленькая девчонка. Она неплохо целуется? В постели хороша?

– Даки!

– Я прошу тебя, отстань от меня. Или ты ждешь, что я буду извиняться?

– Нет, не жду.

– Правильно. Пап, уходи, а?

– Я не уйду, пока мы серьезно не поговорим.

– А сейчас мы говорим не серьезно?

Отец утирает последние капли со щек. Мне ни сколько его не жалко. Я бездушна, моя глубина пуста. И никакие слезы и слова не заполнят ее. Как говорил Конфуций: «Из всех преступлений самое тяжкое – бессердечие». И я преступница. Я больше не способна чувствовать других людей. Из меня вырвали это гребанное сердце.

– Я знаю, что ты обо мне думаешь.

– Сомневаюсь! – Я повышаю голос. – Хочешь правду? Я думаю, ты мерзкий предатель. Через неделю будет ровно год, как не стало матери. Через неделю! Семнадцатого августа. А ты уже нашел ей замену. Но только кривоногая партнерша никогда не станет частью этой семьи, понял?

– Родная, послушай...

– ... не перебивай меня! Раз уж я начала, то скажу все. Не смей ее сюда больше приводить. Пожалей. Я устрою ей здесь

адскую жизнь, если ты не прислушаешься. Поверь мне, я сделаю все возможное, чтобы она забрала свои шмотки и укатила как можно подальше отсюда. Ей еще долго будут сниться кошмары.

– Почему ты так меня ненавидишь, а? Разве ты злишься именно из-за того, что я нашел кого-то другого? Скажи правду, давай! – Его лицо кривится в гримасе отчаяния.

Он задал очень опасный вопрос. Рискнул по-крупному. Мы дошли до финальной точки. Я никогда не говорила об этом. Все это время я молчала, но подсознательно знала, что именно во мне заставило ненавидеть близкого человека с первых же дней утраты.

– Ах, ты хочешь знать первопричину? Ты сам захотел, милый папочка. – Теперь меня точно не остановить. – Во всем, что произошло с мамой, виноват только ты. Она наглоталась таблеток из-за тебя. Из-за твоего невнимания к ней, черствости. Думаешь, я не слышала, как иногда поздними ночами, когда ты был на очередной «делке», она плакала. Она чувствовала что-то, и теперь я знаю, что именно. Она поступила очень плохо, но ты причина этому.

– Вот оно что... Значит, такого ты обо мне мнения. Самого низкого?

– Понадобился год, чтобы это понять?

Он содрогнулся и сел на кровать, сжимая кулаки. Когда он так делает, это значит, что боль в его душе достигла максимальной отметки. Его губы вытягиваются в прямую линию,

а глаза загораются задумчивостью. Сейчас он на перепутье мыслей, и только ему известно их содержание.

– Дакота, ты ошибаешься, – пару раз глубоко вздохнув, спокойно говорит отец.

– Не успокаивай себя.

– Я никогда не изменял твоей матери. Я любил ее. Хочешь понять, почему она так поступила? Об этом знают немногие, потому что она сама этого пожелала!

– Что ты имеешь в виду?! Не смей мне сейчас врать, понял? Хорошо подумай, прежде чем открыть рот.

– Она была больна. Мередит решила уйти только потому, что не смогла смириться с уже поджидающей ее смертью.

Мне кажется, снаружи, среди ясного неба грянул сильнейший громовой раскат. Барабанные перепонки завибрировали так сильно, что стало нестерпимо больно. В ушах встал неприятный шум. Меня бросило то ли в жар, то ли в холод. Впервые за долгое время я почувствовала что-то другое, кроме злости. Растерянность.

Сама не замечаю, как оказываюсь у стены, прижатая неприятно-болезненным открытием.

– Ранняя стадия бокового амиотрофического склероза... И болезнь стремительно прогрессировала. Она не могла больше выступать. А ты же знаешь, что танцы для нее значили многое, но не больше чем ты с Ив. Мередит не хотела, чтобы вы, привыкшие видеть ее в хорошей форме, страдали от того, что могли бы увидеть ее в плохой. Она не хо-

тела быть обузой. Она не хотела быть овощем, за которым постоянно нужно следить. Ты же сама знаешь, какой она была неугомонной, вечно в движении. Мы посетили десяток врачей, даже начали лечение, и я думал, что она смирилась. Мередит прошла несколько процедур и немного приободрилась, перестала плакать, даже меня успокаивала. Мы хотели вам рассказать, но она все решила сама. Я не заметил, что на самом деле у нее было на душе. И если винить меня, то только за это.

На меня как будто вылили все помои мира. И от этого я почувствовала еще большую злость на отца, весь белый свет и на нее – собственную мать.

Какое право она имела на молчание?! Какое гребанное право она имела на то, чтобы не сказать мне об этом?! Она поступила максимально эгоистично, убив себя. Но если бы только я знала о болезни, я бы не позволила случиться подобному. Я бы из кожи вон вылезла, но не дала ей уйти вот так.

«Если» – ужасное слово. Не будь этого «Если», все было бы хорошо. Это «Если» дает ложную надежду, а потом же оно и растаптывает ее, злостно смеясь прямо в лицо.

Как же больно. Господи, как же мне сейчас больно! От некоторых травм нет никакого лечения. Ни одна способность, ни одно лекарство в мире не сможет затянуть рану, которая навсегда отпечаталась рваной полосой на груди. За что мне все это?! За что?

– Тебе сейчас лучше уйти, – стараясь не разреветься у него на глазах, почти мертвым голосом шепчу я.

Отец впервые за долгое время не задает вопросов и делает то, что я прошу. Дверь закрывается, укрывая весь дом от того, что сейчас произойдет.

Вот так я и живу. Паршиво правда?

Чуть больше года назад

– Милая, как все прошло? – Мама встречает меня на пороге дома, изведясь в томительном ожидании.

Только что я закончила свой экзаменационный проект в Джулиард. И как всегда – на отлично. Я в числе лучших студентов хореографического факультета академической программы, талантливая, амбициозная, стремящаяся к совершенству. Этим я пошла в свою мать, знаменитого хореографа, владелице прославленной танцевальной студии Нью-Йорка – Мередит Коуэн. Она известна в США и в тесных кругах считается чуть ли не кумиром. Она стала примером, на который многие ровнялись, и я не была исключением, с самого детства заручившись добиться такого же успеха. Я шла к нему уверенно, упорно, ловко преодолевая трудности.

Сияющей улыбкой я отвечаю на ее вопрос, на что получаю такую же реакцию в ответ.

– Моя девочка, я так горжусь тобой!

– Все благодаря тебе.

– Не говори глупостей! Ты талантлива и даже больше,

чем я. Исполнительная техника у тебя на высшем уровне, в этом ты переплюнула всех. И ты добьешься большего. Мне будет приятно потом слушать, что моя дочь превзошла своего первого наставника!

– Ага, только дай мне еще пару лет, и так точно будет! – хохочу я.

– Не сомневаюсь!

Мы идем на кухню, чтобы отпраздновать это маленькое событие, маленький шагок к огромной цели. Вопреки строгой диете, мы наваливаемся на брауни. Сегодня можно. Сегодня есть повод.

– А как у тебя успехи? Что в студии?

– Все по-старому. Дела идут хорошо. Скоро конкурс штата, готово три группы. Думаю, мы всех сделаем. Программу, которую я придумала, вряд ли кто-то сможет переплюнуть!

– Кто бы сомневался. А твое выступление на Бродвее когда? Хочу заранее знать, чтобы не планировать ничего в этот день.

Подавившись куском, мама заходитесь кашлем, а после мрачнеет. Ее лицо сразу же приобретает серый оттенок. Почти незаметные морщинки у глаз и губ светятся, словно гирлянды на рождественской елке.

– Ох, калорийная зараза, не в то горло пошло. Что ты спрашивала? Ах, да... Я не буду выступать, – затяжно кашляя, мимолетно заявляет она.

– Что?! Почему? Что-то случилось?

Впервые слышу из уст матери нечто подобное. Сколько я себя помню, она не отменила ни одного концерта. Причина должна быть, мягко сказать, серьезной.

– Да ничего страшного, просто все перенесется на август.

Там вставили что-то другое на этот месяц.

– Понятно. Ну что же, буду ждать с нетерпением.

– А давай сегодня вытащим всех на свежий воздух? Может, в Парк Пелхэм Бэй? На байдарках поплаваем, посидим, как в старые добрые времена?

– Неплохая идея! Давно мы там не были, года два точно.

– Да, все такие занятые, что на семейный отдых времени не хватает. Эту ошибку нужно устранять.

Это был конец июня. Я вспомнила тот момент. Если бы я только знала, что на самом деле происходило, настоящую причину отмены выступления...

Она уже была в курсе, что больна и молчала.

А эта совместная поездка в парк...

В памяти всплывает солнечный теплый день, мама, Ив и отец. Мы так весело провели время, катаясь на байдарках, а после устроив пикник у пролива. Мы болтали, рассказывали шутки, танцевали, Ивонна пыталась нарисовать наши портреты. Я помню ярко-синее небо, лениво плывущие взбитые облака, щекочущий ноздри запах зеленой травы и... знакомый задор матери с едва заметными грустными глазами. Она

иногда задумывалась о чем-то, но я и представить себе не могла, что мысли в ее голове были страшными.

1. Индифферентность – безразличное отношение к чему-либо.

Глава 3

Битое стекло мелкими осколками усыпало всю комнату. Я опять выместила свое гневное недержание на мебель. Хотя лучше уж так, чем на чью-нибудь физиономию. За мной помнится много разбитых чужих носов и челюстных травм. Признаться честно, уже надоело веселиться в полицейском участке после драк. Надоело видеть адвокатов отца, отмазывающих меня от очередного загула.

На-до-е-ло!

Вокруг меня одно дерьмо. Мне жить не хочется, но и умирать я тоже не собираюсь. Я не повторю «геройский подвиг» своей мамы. Это она поступила, как отчаянная трусиха, я же такой не являюсь. Поэтому я все еще дышу и порчу всем существование своим поведением. И, думаете, меня это волнует? Нет, не волнует. Пускай терпят или уходят.

А ушли многие. Все мои друзья в Нью-Йорке за прошедший год вычеркнули меня из своей жизни. На каждой из четырех стадий скорби меня кто-то оставлял. Вы спросите, почему не из пяти? Ответ на поверхности – до последней я так и не дошла.

На первой, когда я все отрицала, с дистанции сошли двое, самые отвязные и взбалмошные, им стало скучно.

На второй, когда все во мне начало дышать злостью, ушла одна ранимая девочка, не выдержавшая агрессии.

Третья была самой короткой. Я осознала невозвратимость произошедшего, поняла, что моя мать неизбежно ушла, но принять так и не смогла. Я сидела у могилы, торгуясь с Все-вышним, и молила, чтобы это все было страшным сном, забытым при пробуждении. Решившие, что я свихнулась, еще два человека из моего окружения тихонечко закрыли свои двери.

И самое веселенькое осталось на десерт – депрессия, но не обычная, а с примесью раздражительности, нервозности и той самой агрессии. К этому состоянию я уверенно приросла и по сей день так из него и не вышла. Самые стойкие друзья терпели все, поэтому я сама их вышвырнула. Как ненужные шмотки, они оказались на помойке моих воспоминаний.

Меня больше не волновали чьи-то жизни, не интересовали чьи-то проблемы и радости, даже свое будущее не беспокоило, что уж о других говорить. Я не вернулась в Джулиард, чтобы продолжить ранее намеченный путь к мечте. Те цели построила другая девушка вместе с матерью. Но ни той, ни другой не стало. Так в чем смысл что-то продолжать?

К черту выпускной курс, к черту успешное будущее. К черту все.

Весь год я паразитировала. Изводила нервную систему отца, его адвокатов, наших охранников и экономку; связалась с мутной компанией на темных улицах Нью-Йорка. Потом мы уехали из родного мегаполиса, оказавшись в Городе братской любви и моей сильнейшей неприязни к нему.

Отец надеялся, что с переездом все изменится, я изменюсь. Он даже предложил мне восстановить курс хореографии в университете искусств Филадельфии. На что был мягко послан куда подальше. Я не хочу больше танцевать, а уж тем более возвращаться туда, где фамилия «Коуэн» более чем известна и значима.

Начать снова заниматься танцами – сродни распаривать ноющий шов всякий раз, когда он начинает затягиваться.

Я устала открывать глаза утром и придумывать причины, чтобы встать.

Сегодня семнадцатого августа. Позади неделя молчания. Я ни с кем не разговаривала, никуда не выходила и почти ничего не ела. Я даже не вымещала свой гнев! Мнимое равнодушие внутри клубами свинцового тумана прилипло к телу. Я забила все эмоции в гроб и надежно заколотила крышку прочными гвоздями.

Я каждый день открывала фотографии, видео матери и бесчувственно смотрела на кусочки прошлого. Если раньше они вызывали страдания, то теперь от них ничего не исходило. Пустота.

Каждый день я изучала сайты, описывающие болезнь и безотрывно пялилась на экран с жалкими изображениями несчастных, чью судьбу безвозвратно изменил страшный недуг.

Прикованные к инвалидному креслу немощные тела,

обездолено свисающие ослабшие руки, странное и даже в каких-то местах пугающее выражение лица... Я старалась представить мать в этом положении, и, честно, не могла. Кого угодно, но только не эту, полную жизни и энергии, женщину.

Вероятно, она тоже искала информацию о диагнозе и чувствовала себя зверем, угодившим в смертельный капкан. Вот ты есть и одновременно тебя уже нет. Ты не умираешь стремительно, но уже и не живешь. Ты медленно и мучительно таешь, сгораешь, испаряешься. Вот она и приняла решение. **НИ СКАЗАВ МНЕ ОБ ЭТОМ АБСОЛЮТНО НИЧЕГО!**

Ночью она мне приснилась в красивом бордовом платье, исполняющая соло. В ее изящных плавных движениях сквозило бессилие и усталость. В глазах блестели молчаливые слезы. На ее губах застыла вымученная ассиметричная улыбка. Это был танец отчаяния, танец принятия непростительного решения.

Бешеное гроыхание в груди принуждает разомкнуть веки. Втянув истерично воздух, я не ощущаю грани реального и вымышленного. Я вижу ее призрачный силуэт, витающий по комнате и выглядывающий из окон. Она пришла сюда, чтобы напомнить о себе, о том, что она сделала, о том, что бросила меня.

– Убирайся, убирайся, убирайся!

Мой крик полирует горло наждачкой и заставляет всех проснуться в глухое летнее утро. Спустя минуту врывается

отец, позади которого уже стоят наготове телохранители, решившие, что сюда пробрался вор.

– Милая, что случилось? – Он подбегает ко мне и внимательно присматривается, пока Стив с каким-то парнем обшаривает каждый уголок комнаты. – Ты такая бледная! Почему тебя трясет? Ты заболела?

Да какая к черту разница, что со мной?!

На шум прибегает миссис Данн со стаканом воды и таблеткой успокоительного.

– Выпей, маленькая моя, выпей, зайчик. – Она заботливо убирает волосы с моего мокрого лица. – Все хорошо, мистер Коуэн, она будет в порядке. Ей всего лишь приснился кошмарный сон. Правда, детка?

Я лишь холодно смотрю на них всех, побуждая негодующим взглядом оставить меня в покое. Они знают, что если послушаться, будет истерика, поэтому молча выходят.

Я уже привыкла держать всех на расстоянии. Малейшая попытка нарушить его причинит другим кучу проблем и пробудит боль в глубине моей черствой души. Мне не нужно ни того ни другого.

– Сегодня же ровно год... Бедная девочка, – причитает экономка за дверью, думая, что я ее не слышу.

– Заткнитесь! Я не хочу, чтобы меня жалели! – ору я, кидая стакан воды в стену.

Я не бедная, а разбалованная истеричка.

Так и настал очередной гребанный день. Уровень парши-

вости моей жизни близится к критической отметке. Еще пару событий и датчик взорвется, а всех накроет ударной волной. И черт его знает, насколько эта волна станет губительной для окружающих.

Уже два часа я трясусь в машине на пути к кладбищу Грин-вуд. Холодные капли разрисовывают стекло, выстраивая незамысловатые узоры. И именно сегодня дождь решил поплакать, ветер протяжно позавывать, а свинцовые облака со скорбью понаблюдать. Природе приспичило побыть на подпевках у горя, устроив очередные похороны.

Теперь я не понаслышке знаю, что когда тебе плохо, все вокруг начинает строить декорации к твоей трагедии. Тучи прогоняют солнце, над морем властвует шторм, мрачные лица прохожих появляются на каждом шагу. Да, судьба полюбила надо мной издеваться. Чувствую себя школьницей, которую чмырят занозы-старшеклассницы. Вот сейчас меня явно окунули башкой в унитаз.

Малышка Ив смиренно сидит на заднем сидении, уцепившись в свою куклу и напевая ей какую-то глупую песенку. Она единственная в семье, кто не понял, что толком произошло. Она лишь знает, что ее любимая мамочка уехала в прекрасную сказочную страну и больше оттуда не вернется. Бедная девчушка, ее ждет взросление без материнской поддержки. Ее волос никогда не коснется теплая рука родной женщины, а переживаний никогда не успокоит мягкий голос. Надеюсь, это не помешает ей стать хорошим человеком, а не

той, кого из себя теперь представляю я.

Темно-красные розы, которые она любила, упали на кладбищенскую землю, ставшую ей последним пунктом назначения.

Не знаю, зачем я сюда приехала. Что я здесь забыла?. Смотреть туда, где разлагается ее тело; на понурые лица тех, кто решил почтить ее память? Это же добровольное глумление! Все говорят, какой талантливой и хорошей была Меридит Коуэн, но никто и рта не раскрывает, чтобы заметить, как мерзко и подло она поступила.

Все знают, но молчат. Показуха.

Стоя отрешенно вдали ото всех, я не плачу, ревет во все горло моя душа. Я не кричу от пустоты, кричат мои трясущиеся руки, сердитый взгляд и учащенное горячее дыхание.

Дождавшись подходящего момента, я незаметно покидаю место вечного упокоения.

Идти по знакомым улицам единственное, что приносит удовольствие. Последний год я часто зависала в Бруклине, сбегая из Верхнего Ист-Сайда. Здесь самые нормальные ночные клубы, куда не ходит опостылевшая манхэттенская элита. Здесь основная тусовка плохих девочек и мальчиков. Здесь разбивались рандомные морды. Здесь центр всех сумасшедших событий моего агрессивного периода жизни и здесь до меня никому не было дела. Я была вольна творить все, что вздумается и не вздумается.

А вот и один из зачуханных баров, в котором я часто за-

висала, – Блэк Кэт. Грех не зайти!

Я распахиваю скрипучую дверь, и паб окутывает меня знакомым запахом жженой карамели и хмельного пива. Приглушенный, словно в подвале, свет пляшет по кирпичным стенам, содрогаясь от топота.

Людей не много, как и принято в такое время: сейчас еще около шести. Но дайте этому месту пару часов, и здесь будет целая толпа желающих надраться и выплеснуть свою энергию в неумелых танцах.

– Даки, ты ли это?! – Басистый голос бородача Джексона встречает меня прямо у порога, как старую добрую приятельницу.

– Привет, дровосек!

Я усаживаюсь на высокий стул и по-хозяйски закидываю ногу на ногу.

– Ты куда пропала-то?

– Меня затащили в Филадельфию.

– Во дела! Так ты что, как всегда, сбежала?

– Типа того.

– Что ж... – Почесывая свою жесткую растительность на лице, меняется в голосе он. – Давай угощу чем-нибудь за счет заведения! Как обычно, джин с колой?

– Без колы.

– Ты сегодня по хардкору, малышка.

– Ну а чего тянуть?

– Действительно. Вся суть Коуэн в одном выражении.

Бармен внимательно смотрит, как стремительно пустеет стакан и смеется.

Горчащая ядреная жидкость проникает в горло. Вкус можжевельника и пряных трав пробивает нос и вызывает слезы. Джексон уже протягивает стакан с колой, но я трясую головой и громко взвизгиваю, от чего все посетители сразу же обращают на меня внимание.

Несколько пар хищных глазищ местных альфа-самцов задерживают свой взгляд чуть дольше. Я знаю, о чем они думают – проходила. И я знаю, что их ждет, если они попытаются завязать со мной контакт. Разбитая рожа и урок на всю жизнь – вот что.

А вот и папаша спохватился. Мне не хочется принимать очередную волну беспокойных отцовских возгласов с просьбами вернуться обратно. Я выключаю пиликающий от непрерывных звонков телефон и громко кладу его на столешницу, одновременно показывая жестом бородачу повторить заказ.

Да, тварь я еще та.

– Лихачи спрашивали про тебя.

Бармен имеет в виду одну банду, с которой я «имела честь» связаться. Они мотогонщики, а еще дилеры. За шлемами скрываются тупоголовые имбецилы, не знающие ничего, кроме гонок, продажи, употребления наркотиков и беспорядочных драк с их злейшими врагами. Я понравилась главарю, вот они и разыскивают меня повсюду. Даже но-

мер пришлось сменить, дабы не названивали. Не то чтобы я одумалась, просто мне с ними быстро наскучило. Источник азарта иссяк, а потребность в нем чувствовалась значительная. Но в их компании я была достаточно времени, чтобы набраться гадостей. Зараза хорошо ко мне прилипла.

– И что им было нужно?

– Интересовались, куда ты подевалась.

– Пусть и дальше интересуются.

– Правильно. Хантеру будет зажирно. Он не заслуживает такой красотки.

Я не достаиваю его комплимента ответом и лишь делаю еще пару глотков. Я привыкла, что меня считают «красоткой». Я действительно не серая мышь. Природа меня сполна одарила прекрасной фигурой и смазливый личиком. Только такая внешность притягивает всяких моральных уродов, жаждущих заглянуть под юбку. Я часто натыкалась на придурков, на которых и вымещала весь свой гнев.

Благодаря танцам, мышцы у меня в тонусе, руки, ноги сильные. Этого хватало, чтобы влезать в драки или зачинать их. На самом деле достаточно врезать пару раз и меня отпускает, поэтому до смертельного состояния я никого не доводила, но в полиции бывала частенько. Там не соскучишься. Доставляло особое удовольствие общаться с копами, с пеной у рта угрожающими заключением. Но их слова – лишь вода, которая только и может, что плескаться в стакане. Благодаря прекраснейшей работе адвокатов, меня отпускали почти

сразу же.

Проходит час, два. В крови уже блуждает достаточно джина. Народу становится больше, воздуха меньше. Отовсюду разит дешевым парфюмом и примитивными разговорами. Мне становится скучно. Поэтому, попрощавшись с Джексонном, я покидаю Блэк Кэт.

Такси привозит меня на Мэдисон-авеню. Прямиком в жерло вулкана, а если быть точнее, то в танцевальную студию имени Мередит Коуэн.

Какого черта я тут забыла?

Спросите что-нибудь попроще. Видимо, мне требуется еще больше, чем есть, издевательств над собой.

Просторное здание с шикарнейшим фасадом, от каждого кирпичика веет благородством. Я здесь занималась. Это место было мне вторым домом. Каждая ступенька родная.

За студию взялся друг нашей семьи, небезызвестный хореограф Брайан Хатчерсон. Он многое сделал, чтобы она не провалилась к чертям собачьим после смерти ее прежней владелицы. Может и хорошо, что ее не закрыли. На улицу полетело бы много действительно талантливых людей.

Свет горит лишь в двух оконцах на втором этаже.

Там раньше был кабинет матери.

Я вспоминаю ее, сидящую за столом и увлеченно что-то пишущую в блокноте. В глазах начинает неприятно щипать, будто в них кинули щепотку перца.

Захожу внутрь неизвестно зачем. Что меня сюда потянуло? Я не была здесь ровно год и обходила это место стороной всякий раз, когда была неподалеку.

Прямо в фойе у лестницы воссоздали постамент мамы в красивой балетной пачке и с розами. Рядом стоит много зажженных свечек, оплакивающие горячим воском годовщину ее смерти. Бесконечное количество всяких милых записочек а-ля: «Мы вас помним», «Вы в нашем сердце навечно» и в том же духе так и напрашиваются на то, чтобы их сожгли прямо в этом пламени скорби. Она все равно этого не увидит, эти почести – лишь бесполезная условность.

Открываю первую попавшуюся дверь в зал. Я так отвыкла от этой обстановки! От станков с дубовыми поручнями вдоль панорамного окна, открывающего шикарный вид на улицу и бутик Джорджа Армани. От зеркал во всю стену, величественных рельефных потолков и огромных люстр, источающих яркий свет. Все такое родное, но в то же время далекое. Каждый дюйм этого помещения ассоциируется с его мертвой хозяйкой.

– Дакота, что ты здесь делаешь? Тебя отец повсюду ищет! – Мужчина в деловом костюме разбавляет одиночество, появляясь передо мной.

– И тебе привет, дядя Брайан.

Давно я его не встречала. Он постарел... Мельком скользну взглядом по поседевшим волосам, отчетливым морщинкам у губ.

Куда делся тот самый человек, которого мама в шутку называла молодым перцем?

– Я, кажется, тебя сто лет не видел. Ты так изменилась!

– Для целого века я довольно неплохо сохранилась, да? Папаша рассказал, каким монстром я стала?

– Дакота Мерси Коуэн, не говори так о себе!

– А что тут такого?! Монстры живут в каждом из нас. Некоторые их годами удерживают в голоде, некоторые прикармливают, а некоторые устраивают для них знатные пирушки. Как думаешь, к какому типу отношусь я?

Дядя ничего не отвечает, а просто подходит и зачем-то меня обнимает. Я же все равно ничего не почувствую. Его руки крепкие, как и ведется у танцоров, но я ни черта не ощущаю, ни тепла, ни приятных мурашек по коже.

– Твой монстр кофе не хочет? – похлопывая меня по плечу, сочувственно предлагает он.

– Нет, не хочу мешать его с джином. – Я оглядываю зал. – Как успехи в студии? Процветает?

– Хм, да не сказал бы. После смерти Мередит дух этого место истощился.

– Да, мамаша и здесь знатно подгадила...

– ... что ты такое говоришь, милая?

Хатчерсон шокировано таращится. Ну да, он же не привык к моим перлам. Да это и хорошо, хоть кому-то не пришлось видеть всего кошмара.

– Да так, не бери в голову, Брайан. Приятно было тебя

увидеть.

На самом деле мне пофиг. Ну, вы поняли.

– Уже уходишь? – разочарованно спрашивает он.

– Нет, это вы уходите.

– В смысле? – Следует нервный смешок.

– Я хочу побыть здесь одна, если позволите.

– Хорошо, Дакота, но ты обещаешь не пропадать?

Боже правый, к чему эти слащавые манеры? Кому они нужны? Лишняя обязаловка. Я нафиг ему не сдалась, как и он мне. Единственное связующее нас звено покоится под семью футами земли.

– Отцу не спешите звонить, – поворачиваясь к нему спиной и встречаясь со своим напряженным отражением, лишь отвечаю я.

Брайан уходит. У меня остается максимум двадцать минут спокойствия, потому что потом сюда вломятся охранники, обчесывающие до этого весь город в поисках меня.

Четыре года назад

– Дакота, повтори последнюю связку. Она какая-то грязная!

– Мам, я уже ног не чувствую... – чуть ли не воюю я от усталости, сидя на полу.

– Приемной комиссии в Джулиарде ты тоже так скажешь? Девочка, соберись!

Я готовлюсь к поступлению. Одного таланта для этой

школы мало, там важен результат многолетних усердий. Программа репетиций жесточайшая. Мать меня не щадит. Оно и понятное дело: дочь известного хореографа не должна ударить в грязь лицом. Именно она стала моим первым наставником, она научила меня двигаться, она заложила базу.

Ко мне всегда было больше требований, больше замечаний. Но через боль и слезы я добивалась высот, поэтому не злюсь на нее. Я знаю, что каждое ее слово небезосновательно.

Я поднимаюсь. Сто раз про себя повторяя, что танец – не набор движений, а смесь эмоций. Важно не только правильно двигаться, важно вложить в это действие себя. Джаз-модерн – танец баланса между полетом и гравитацией. Это момент возвышения и падения навзничь. Здесь важна каждая деталь.

Четыре восьмерки (2). Вступление. Спина прямая, руки во второй позиции. Резкий выпад в сторону с зависанием одной ноги в воздухе. Вперед...

Я должна отточить каждое движение.

Помню каждый кусок хореографии того номера. Я выстроила в нем определенную политику движений и чувств. Все было идеально. Меня приняли, похвалив отличную технику.

Помню счастливые и гордые глаза мамы, когда она узна-

ла, что я поступила в самую лучшую школу искусств. Тогда весь мир заиграл яркими красками, засиял светлыми лучами, закипел жизнью. Я была счастлива. Я обожала танцевать и только в этом деле видела свое будущее.

В ушах зашумела кровь. Перед глазами встала мутная пелена. По холодной щеке скатилась скупая слеза боли. В зале эхом пронесся родной голос матери, вылезший из глубин памяти. Дрожащие руки сжались в кулаки. Ногти вонзились в кожу, прокалывая внутреннюю сторону ладони.

Она была моим воздухом, но потом исчезла, а я получила кислородную недостаточность.

Не смей реветь.

Это все равно не поможет.

Легче не станет.

Вместо того, чтобы поддаться слабости, неожиданно для самой себя, я начинаю двигаться, повторяя движения того самого танца. Как сахар в кипятке, все вокруг растворяется, перестает быть видимым.

Прыжок. Нога вытянутая. Прогиб. Ее лицо.

Ох, моя спина!

Кажется, там что-то хрустнуло. Только идиот станет танцевать, не размявшись перед началом. Мой длительный перерыв сказался на форме. Я заостенела. Впрочем, это касается не только растяжки...

Услышав шорохи за дверью и тяжелый голос Стива, я оборачиваюсь.

За мной приехали.

Точно в срок. Слишком ожидаемо.

2. Счет – немаловажное понятие, без которого трудно разобрать танец на составные части. Чтобы просчитать музыку, нужно услышать ритм. Обычно на восемь счетов приходится одна строчка куплета песни.

Глава 4

Я устал. Я правда устал. Она сводит меня с ума. Каждая её выходка стоит многого: нервов, бессонных ночей, финансов. Мне не жаль денег для дочери, но когда они уходят на оплату ущербов, нанесённых в порыве гнева...

Проще ограбить банк, нежели достучаться до нее. Она уничтожает себя. Медленно, но уверенно двигается в сторону бездонной пропасти. И я боюсь, что однажды не смогу ее спасти, не успею подать руку помощи. Я боюсь, что однажды потеряю ее так же, как потерял Мередит.

Ее уход для многих стал болезненным. Я не исключение. Я горевал, не спал сутками, вспоминая наше счастливое, полное радости и любви, прошлое. Но я смог совладать с собой и справиться. У меня был стимул продолжить жить, не простаивать на месте, упиваясь болью, и этот стимул – две мои дочери. Но Дакота... моя маленькая девочка потерялась, заблудилась так далеко, что я уже не знаю, где и как ее найти.

Это не она.

Ее нет рядом.

В ее, казалось бы, знакомых глазах нет ничего родного. Единственное, что в них отражается, – это ненависть. Ненависть ко всему. И никакие способы вернуть ее в прежнее состояние не работают.

Я часто вспоминаю ее прежнюю. Задорную, веселую, ини-

циативную, уверенную в себе девушку я видел каждый день до того самого момента... Потом он стер из нее эти качества. Во мне еще теплится надежда, что они не исчезли бесследно, что однажды она сможет перебороть свою темную сторону.

После того, как мы вернулись из Нью-Йорка, она опять замолчала. Она и раньше уходила в себя, но с каждым разом эти путешествия затягивались все дольше и дальше. Уж не знаю, что лучше – животные крики или храм тишины за дверью.

О чем она думает? Что ее тревожит? Что она хочет сказать, но не может?

Дакота просто там сидит и ничего не делает. А ведь и дня не было, чтобы она не проводила его в движении. Она постоянно танцевала. Это занятие всегда помогало ей в трудные минуты. Кажется, что когда включалась музыка, и она начинала двигаться, то все плохое, посетившее ее душу, тут же испарялось. Но только не в этот раз. Она уже как год забросила все, что связано с танцами. Переехав в Филадельфию, я даже оставил одну комнату для хореографического зала, но она туда так ни разу и не заглянула.

– Милая, открой! – Я стою под дверью, стараясь достучаться хоть до какого-нибудь чувства дочери. – Я принес твою любимую пиццу с морепродуктами.

Но в ответ, как обычно, тишина.

А вдруг она что-нибудь сделала с собой?!

Эта мысль неожиданно въелась в мозг и заставила сердце

забиться в два раза быстрее.

Тело покрывается холодным потом. С колющим страхом в душе я начинаю неистово колотить в дверь, пинать ее ногами, выбивать. Она не сдерживает напора и срывается с петель, с грохотом падая на паркет.

– Стив, немедленно сюда!

Дакота, зачем ты так со мной? Что же ты творишь?

Иногда кажется, что мое путешествие по этому миру закончилось. Моя душа отправилась в свободный полет, оставив искалеченное тело на произвол судьбы доживать остатки дней.

Мост Бенджамина Франклина, конечно, не Бруклинский – жалкая замена, но тоже ничего. Яркая подсветка отражается в водах реки, усыпая ее голубыми и желтыми пятнышками. Небо сейчас такого глубоко темно-фиолетового цвета, что хочется протянуть к нему свои руки и дотронуться, а еще лучше устремиться ввысь. Взлететь, как птица или, на худой конец, как кленовый лист, гонимый ветром. Мне хочется туда, где не будет ни одной живой души, ни единого звука. Я хочу отдаться пустоте, как моя никчемная душа. Я хочу почувствовать невесомость. Я хочу стать невесомостью.

Окруженная сотнями разных звуков городской суматохи, я сижу на одинокой скамейке возле ветвистого дуба. Его темные ветки по-хозяйски протягивают свои длинные лапы. И, думаю, если бы они могли двигаться, то удавили бы меня,

подняв над землей за шею.

Все вокруг незнакомое и чужое. А я сбежала из дому. На этот раз незаметно. Вылезла через окно, как мелкий воришка или строптивый подросток. На это раз мне не хотелось выбивать мнимую свободу скандалом. Я просто тихонько ушла.

Не знаю, куда держать путь. Я устала. Я очень устала. Может, взять и уехать отсюда? Сменить не город, а страну? Свалить в какую-нибудь Канаду или Мексику? Денег у меня достаточно, я была не душой и переводила все, что давал мне отец, на левый банковский счет. Там накопилась приличная сумма. Жить на нее можно спокойно год. Но только вот есть ли смысл в том, чтобы сесть в самолет и покинуть все? Оставить прежнее, забыть? Есть ли смысл хоть в чем-то?

– Жизнь – дерьмо?

Устремив свой взгляд вдаль, погрузившись в размышления, я и не заметила, как мое одиночество нарушила молодая женщина, одетая так, словно бросить вызов всему обществу – идея фикс. То ли юбка, то ли брюки до пят никак не сочетаются с фетровой жилеткой в цветочек. А шляпа, как у Гендальфа, вообще стала бы последней каплей к сердечному приступу какого-нибудь модного кутюрье.

– Это вообще-то моя скамейка, но, так уж и быть, сегодня я разрешу тебе здесь остаться, – продолжает она.

– Разве это твоя собственность? Ты ее купила? – сухо замечаю я, отведя от нее глаза.

– Ишь ты какая! Сразу видно – стерва. Но только меня

этим не спугнешь, я знаю, почему такими становятся, и тебя не сужу.

– Мне плевать.

– Мне тоже.

Она замолкает и бесцеремонно усаживается рядом, снимая с плеча мешковатую сумку, в которой начинает дребезжать все ее барахло.

– Я пришла в твой дом? Ты живешь здесь что ли? – Раздраженно отодвигаюсь от нее, благо скамейка не маленькая.

– Я что, на бомжиху похожа? – заряжается смехом она.

– Похожа.

– Не суди человека по одежке.

– У-у-у, древней мудростью запахло.

– Раз хочешь сидеть здесь, то придется нюхать.

– Кому придется? Мне? Если я захочу, то тебя к этой скамейке на пушечный выстрел не подпустят!

Незнакомка ничего не отвечает, а лишь про себя ухмыляется и достает из саквояжа вечного странника бутылку виски. Я слышу, как она делает пару глотков, затаенно вдыхая воздух, словно закуску.

– Пей! – протягивая мне емкость, твердо говорит она.

– Еще чего!

Я резко отмахиваюсь. Бутылка чуть не падает, но все-таки не встречается с землей, спасаясь ловкостью своей хозяйки.

– Я знаю твой диагноз.

– Ты что, доктор Хаус?

– Хочешь, скажу, кого ты из себя представляешь?

– По мне видно, что я питаю желание? Повторюсь, мне плевать. А на твои мысли, так по-прежнему.

– Твоей стервозности можно монумент поставить. Ты избалованный ребенок папашки с толстым кошельком. Тебе позволено в этом мире все. Уверена, что даже если ты прикончишь кого-нибудь, то выйдешь сухой из воды. Но это неважно. Деньги тебя не греют. Суть вот в чем: ты больна. Понимай это как хочешь, но ты всего лишь психопатка. И причина этого заключения лишь одна – боль. Не знаю, может это рак или что-то другое, да и плевать.

Она делает еще пару глотков и затыкается.

Рак. Неплохая метафора. Все, что со мной происходит, – это злокачественное новообразование. Оно появилось год назад, дало метастазы и медленно ведет меня к тетке с косой. Когда-нибудь опухоль коснется жизненно важного органа, и никакая химиотерапия или операция не спасет этого тела.

– Ну что? В точку?

Я впервые бросаю на нее внимательный взгляд. Из-за того, что она сейчас близко, я могу рассмотреть ее лицо. Она не красавица, да и страшилищем тоже не назовешь, но есть в ее внешности что-то уродское, грубое. Скорее всего, это длинный горбатый нос, как у вороны, встретившейся с лобовым стеклом. Ей и тридцати не дашь, но шмотки все-таки знатно прибавляют возраста.

– Больная здесь только одна, и я с ней сейчас разговари-

ваю, – закатывая глаза, язвлю я.

– Не отрицаю первого, но с последним не соглашусь: нас двое.

– Да пошла ты!

Я резко встаю, собираясь покинуть ненормальную, но она напористо хватает меня за запястье и рыком усаживает обратно.

– Надо же как! Послала меня, а сваливаешь сама. Противоречивая или глупая?

– Да что ты от меня хочешь? Денег? Сколько тебе нужно, чтобы ты свалила отсюда на ночь?

Она начинает меня бесить не на шутку. Ненавижу людей, сующих нос не в свои дела, как собаки в тарелку с кормом. Лишь бы нажраться чужого дерьма, чтобы потом казалось, что свое не такое вонючее.

– Откупиться хочешь? Мне твои бабки к черту не нужны!

– Ошибаешься! Еще как нужны. Может, хоть одежду нормальную себе купишь, а то ходишь как пугало.

– Лучше как пугало, чем как стадо. Слушай, я не хочу ругаться. Глупо рамсить с тем, кого видишь впервые. Если не хочешь говорить – молчи, только не уходи. В таком состоянии ты можешь дров нарубить.

– Тоже мне, нашла дровосека!

– Прости, если обидела, я же не хотела. Мне просто стала интересна твоя жизнь, не более, вот я и предположила. Ты вообще местная или туристка?

– Местная. – С этой бабой бесполезно припираться, да мне и надоело. Не хочу себе портить еще больше и так поганый вечер.

– Тогда что ж ты тут делаешь?

– Пока ты не пришла, всего лишь сидела. Спокойно, мирно, молча.

– Богатенькие здесь не тусуются.

– Я уже заметила.

– Да и ты, судя по всему, не желаешь находиться в их обществе.

– Не желаю.

– Нахлебалась изысканного, а сейчас на простое потянуло.

– Никуда меня не потянуло.

– Я вижу.

– Глазастая.

– Наблюдательная.

– Давай сюда свою бутылку! – Если уж мне и предстоит находиться рядом с этой женщиной, то лучше быть под градусом.

Она невозмутимо протягивает емкость, и я сразу же делаю пару крупных глотков – чего тянуть? Незнакомка больше и рта не раскрывает, чтобы завязать беседу. И я, довольствуясь тем, что она наконец заткнулась, продолжаю прожигать себя, истерзывающими в клочья мыслями.

Проходит не более получаса, когда до меня доходит, что я уже опьянела. Огни города становятся ярче, звуки громче,

температура тела выше, душевная боль острее. Меня захлестывает череда неприятных воспоминаний, призраков прошлого в лице матери. Ее карие глаза таращатся на меня в теплом чувстве, а губы расплываются в грустной улыбке.

Опять она. Только не это...

– Предательница! Предательница! – нарушаю молчаливую обстановку я. – Убирайся отсюда. Я видеть тебя не хочу!

Незнакомка-недобомжиха с интересом зыркает на меня, словно пришла в кинотеатр на вечерний сеанс. Сюда бы попкорна, и картина выглядела бы завершенной.

Я швыряю пустую бутылку в дуб и, поднимаясь на ватные ноги, хватаюсь за волосы. Знакомая боль разливается по венам, как вино по бокалам. Каждая часть тела начинает ныть неприятными ощущениями. Комок в горле вот-вот распадется на слезы.

– Сядь! – несвойственной грубостью прерывает мою истерику молодая женщина.

Я, как собачка, послушно падаю на скамейку, содрогаясь от внутренней резни.

– А теперь выкладывай все. Давай!

Мое пьяное сознание недолго сопротивляется. Душевная слабость дает о себе знать, и я рассказываю ей обо всем, что довелось пережить за этот год. Выливаю на нее помой своего существования.

– М-да... печально. Но твоя история не должна заканчиваться на этом. Рано или поздно она бы ушла. Здесь только

вопрос времени. Это было ее решением, это была ее жизнь. Эх! Решения, решения, решения... Их так много в нашей жизни. Все наше существование – это решения. Нет ни дня, чтобы мы их не принимали, начиная от выбора цвета носков, заканчивая мыслью о смерти. Эгоистично? Да! Но ведь все мы эгоисты! Ты тоже эгоистка.

– Она сбила меня с ног.

– Тебя сбили с ног?! Вставай! Кинули топор в спину? Вытащи его, мать твою, а не ходи с ним со словами: «Ой, мне опять сделали больно». Ты знаешь, что жизнь – та ещё карусель. Так какого черта я вижу слезы на твоих глазах?! Слабых никто не любит, каждый будет пытаться поставить подножку, задеть. Ты же понимаешь, что подобным поведением показываешь свою слабость, да? И если будешь реветь, то станешь легкой мишенью. Ты очень далеко зашла, но еще не поздно все вернуть.

– Не хочу ничего возвращать.

Я ложусь на скамейку и смотрю на луну. Из-за ярких городских огней, ее единственную способно транслировать небо. Никаких звезд, никаких поводов, чтобы загадать глупое желание, предаться глупым мечтаниям. И она, худощавая, в форме серпа в ответ тарашится на меня.

– Хочешь! – спустя минуту раздумий, продолжает философствовать собеседница. – В глубине своей природы ты желаешь вернуться к тому, что тебе было некогда дорого. Ты отвернулась от своей семьи, хотя не должна была этого де-

лать. Ты кинула свою цель, хотя не должна была этого делать. Ты зачеркнула все, что было светлым, теплым и хорошим, хотя не должна была этого делать! Знаешь, сколько на свете людей желает иметь то, что есть у тебя? Так не упускай этот шанс! Забудь прошлое, вспомни о своем будущем. Подумай о нем, дуручка, иначе плохо закончишь. Я повидала таких, как ты – беспечных прожигателей самого ценного ресурса своей жизни. Кто-то из них уже давно гниет под землей, кто-то на пути к этому. Остановись, поверни в другую сторону! Даже когда многое потеряно, еще не поздно начать борьбу за оставшееся.

– Я не смогу без нее сделать и шага вперед. Я ненавижу ее за то, что она сделала, но все же, вопреки этому все еще чертовски сильно люблю. И за это ненависть, ставшая частью меня, еще крепче держит в своих щупальцах.

– Сможешь. Прими ее уход как данность. Смирись, прости и попрощайся.

Глава 5

Она вернулась сама. Почти под утро тихий дом наполнился ее неуверенными шагами. Я слышал, как она прошла мимо моей спальни, лишь на секунду задержавшись у двери. Хотела ли она войти? Что-то заставило ее остановиться?

Где же ты была? Совершила ли ты опять какой-нибудь дрянной поступок, Дакота?

Когда я зашел в ее комнату, она крепко спала. Ее ровное дыхание пощекотало кожу на моих пальцах. Я хотел к ней прикоснуться, но не посмел. Я не знал, какой реакции от нее стоило ждать на этот раз. Лицо целое, руки тоже. Значит, ночью она ни с кем не дралась – уже хорошо.

Я решил сегодня не ехать в офис, чтобы попытаться поговорить с дочерью. Отпустил Ив с миссис Данн по магазинам, а сам принялся за готовку овсяных блинчиков. Дакота любила их.

Когда-то.

Может, сегодня у нас получится обсудить хоть что-то?

Она появляется на кухне ближе к обеду. Впервые я не вижу в ее взгляде гнева. В нем затаилось нечто другое... Кажется, ее бездонные зелено-карие глаза поглотили вселенский масштаб усталости. Она так исхудала! Платье, еле прикрывающее колени, не скрывает шрамы на ногах, полученные в процессе беспорядочных драк. И я так корю себя за то, что

не смог уберечь ее от этих отметин!

– Привет, пап, – тихо-тихо шепчет она.

– Здравствуй, родная! Будешь есть? Я тут кое-что приготовил... Надеюсь, тебе понравится.

Даки бросает кроткий взгляд на тарелку и кивает в знак согласия.

Такое впервые!

Я и не ожидал, что нечто подобное произойдет, поэтому в моем сердце загорается маленькая искорка надежды на хорошее.

Дочь бесшумно усаживается на стул и берет один блин. Я подвигаю ей клубничный джем, она его принимает.

Господи, спасибо тебе за это!

Моей радости нет предела! Подумать только, я радуюсь тому, что она ест без укоров, упреков и ругани то, что я ей предлагаю!

– Чем думаешь заняться? – осторожно спрашиваю я.

– Не знаю.

– А чего бы ты хотела? Я сегодня выходной взял, может, сходим куда-нибудь?

– Нет, пап. Я не хочу. Как-нибудь потом...

Что ж, не все дается сразу, но ее спокойный настрой все-таки уgomонил мою встревоженную душу.

Это маленький шаг вперед, маленькая победа. Я не хочу ее спугнуть, поэтому напирать не стану.

Я хочу плакать. Но только так, чтобы после извержения слез стало легче, а не больнее. А всегда происходит именно так: в момент слабости я не чувствую освобождения от бремени, я ощущаю его крепко привязанным тугим узлом у себя на шее.

Как же я хочу плакать по-другому!

Прошло пару дней после беседы с незнакомкой у моста. Я не знаю почему, но со мной что-то произошло. Несколько психологов пытались неделями вбить мне то, что случайный собеседник смог донести за один вечер.

Нормально ли это? Реально ли такое?

Оказывается, реально... Меня как будто окатили холодной водой, окунули в ледяную прорубь, обуздали монстра простым разговором, не прибегая к сильнодействующим успокоительным. Он сейчас тихонько посапывает где-то в глубинах сознания, поэтому я не знаю, что происходит со мной. Кто я? Что это за человек? Нет желания грубить, ругаться, громить мебель, разбивать лица.

Впервые за долгое время я посмотрела на отца как-то по-другому. Он изменился. За этот год он постарел, как за пять лет. На лице появилась щедрая россыпь морщин, на волосах заблестели десятки седых волосинок. А ему и пятидесяти еще нет...

Это моя вина. И только моя! Он столько всего вытерпел, пережил. И ни разу, черт возьми, ни разу не повысил на меня голоса!

Как принять все это? Как разгрести последствия стихийных бедствий? Столько крушений, столько потраченных безвозвратно нервных клеток. Если я и зла, то только на себя. Сгусток гнева на мать остался, но больше не способен померяться своей мощью. Теперь в этом мире я ненавижу исключительно себя.

– Даки? – Дверь распахивается, и оттуда выглядывает маленькая голова младшей сестры.

Она ни разу ко мне не заходила. Когда-то давно я ей запретила появляться в своей комнате. Грубо и очень настойчиво указала податься восвояси. От того истерического голоса из прошлого пробегают мурашки по коже.

Бедная Ив, ты не заслужила такого обращения. Как же мне стыдно! Я оттолкнула тебя в самый тяжелый момент вместо того, чтобы прижать к себе крепче. Я пропустила твой день рождения и не поздравила с шестилетием пару месяцев назад. Я не сказала ни одного доброго слова... Какая же я тварь!

Хочется врезать себе со всей силы, чтобы изуродовать каждый дюйм тела! Моя внутренняя сущность должна совпадать с внешней.

Я уже было сжала кулаки в желании выместить очередную порцию нахлестнувшей агрессии, как вовремя очнулась, вспомнив про ребенка. Ивонна все так же стояла у двери, переминаясь с ноги на ногу и не решаясь войти.

– Папа сказал, что мне можно тебя навестить... Ты уже

выздоровела? – Ее чистенький голосок вызывает умиление.
«Выздоровела»...

Да, наверное, он сказал, что я больна. И я понимаю, что это не только глупая отмазка для шестилетнего дитя. Это сущая правда. Я действительно психически нездорова. И место такому пациенту в психушке, а не рядом с нормальными людьми.

– Почти выздоровела, сестренка... – Чувствую, что задышаюсь. К глазам подступают слезы и вот-вот выпросятся наружу.

Она осторожно подходит, и ее маленькая ладошка касается моей, сжатой в кулак, руки. Легонькое прикосновение приятно расходится по всему телу теплой пульсирующей волной. Я уже и забыла подобное чувство...

Мигом падаю на колени и крепко прижимаю сестру к себе, вдыхая лавандовый запах ее кудряшек. Ее сильные ручки обнимают меня за шею и взрывают каменные завалы в сердце. Темно-русые вьющиеся волосы Ив унаследовала от мамы, но вот глаза у нее – отцовские: почти зеленого цвета. И именно они сейчас внимательно разглядывают мое скупившееся лицо.

Моя родная девочка, прости меня за все. Прости за то, что ты видела. Я показала тебе страшного монстра. Но обещаю, что больше никогда не позволю встретиться вам снова. Никогда.

– А ты отвезешь меня в парк? Я так хочу покататься на ка-

русели! Папа не сможет, а миссис Данн очень занята, – спрашивает она с небывалым огоньком надежды в глазах.

– В парк? Хорошо, давай съездим в парк. Я отвезу тебя в самый лучший парк, на самые лучшие аттракционы, куплю тебе самую вкусную и самую сладкую вату. Я сделаю для тебя все, что ты захочешь!

Ив радостно взвизгивает и целует меня в щеку. Я чувствую, как она начинает гореть. Приятно гореть...

Не плачь, Коуэн, не плачь. Не спугни ее.

Я хотела побыть с Ивонной наедине, сама повести машину, но один из охранников увязался следом. И я понимаю, что это правильно. Все еще побаиваются оставлять меня с сестрой, думая, что я не смогу совладать с гневом. Я и сама не знаю, смогу ли побороть эмоции, если меня что-то выведет из себя, поэтому лишь благодарно улыбаюсь парню и усаживаюсь на заднее сидение.

– А где мой отец, мистер? Простите, вашего имени я не знаю.

Сквозь непробиваемое выражение лица охранника просачивается удивление. Он впервые слышит от меня что-то подобное. Я ведь то и дело орала на всех. А он, судя по всему, лишь недавно работает здесь, поэтому и не видел меня в другом состоянии.

– Вы можете звать меня просто Блейком, мисс. Мистер Коуэн уехал на сделку.

Он даже в выходные работает, лишь бы мы ни в чем не нуждались... Я обязательно сегодня же поговорю с ним и попрошу прощения за свое девиантное поведение. Я должна это сделать. Обязана.

Не хочу возвращать прежнее, теперь я хочу все исправить и зажить по-новому. И первое, что я изменю, это себя и свое непростительное поведение.

Здесь очень шумно, собралось очень много желающих провести свободное время и покататься на аттракционах. Повсюду слышен радостный гул детей. Разлитый в воздухе, сладкий запах ваты и ванильный поп-корн врывается в легкие. За пределами парка проходит какой-то байкерский фестиваль; рев моторов смешивается с прочим шумом, создавая вакханалию звуков.

Байкеры... только этих придурков не хватало.

Ив, таща меня за руку, бежит вперед к тележке со сладостями. Она так счастлива... И я являюсь причастной к этому. Как же приятно осознавать, что можешь сотворить такое чудо!

Накатавшись вдоволь на всех каруселях, мы идем к колесу обозрения, чтобы увидеть так не полюбившийся мне вечерний город с высоты. Блейк остается у будки, а я с сестрой прохожу в кабинку. С каждой секундой, поднимаясь все выше и выше, мы отдаляемся от земли.

Филадельфия красивая, правда, но все равно пустая! Пустая не потому что мало машин или людей, нет, этого добра

здесь навалом. Пустая по другой, неизвестной, но явно ощутимой душе причине.

– Даки, Даки, смотри, что там?! – тормоша меня за рубашку, любопытно спрашивает Ив.

Она показывает в сторону величественного стеклянного сооружения, принявшего на себя удары последних солнечных лучей. Отражая взбитые розовые облака и струящийся медовый свет, оно привлекает к себе внимание и заставляет тихонько восхититься.

– Если я не ошибаюсь, то это Комкаст-центр – одно из самых высоких зданий в США. Там находятся офисы.

– А что такое офисы?

– Ну... это места, где работают люди.

– Наш папа там тоже работает?

– Нет, офис папы находится чуть дальше.

– А жалко... Тогда можно было бы съездить к нему и посмотреть на это место изнутри.

– Там нет ничего интересного. На него если и смотреть, то только снаружи, как сейчас.

Я подставляю лицо к ласково касающимся струям света и вдыхаю так, словно стараюсь втянуть его в себя.

– Не может быть такого! Я уверена, что внутри очень и очень красиво. А ты когда-нибудь будешь работать в таком же здании?

Моя любознательная сестренка, я не знаю... Не знаю, где я буду работать. Я ведь все бросила. А без образования вряд

ли смогу устроиться на какую-нибудь приличную работу. Я так и не дописала главу одной из важных историй в своей жизни. Я оставила танцы, оставила Джулиард, оставила свои цели и мечты. Я и не уверена, что захочу когда-то танцевать... без нее.

– Я вот, когда вырасту, пойду работать туда. Что для этого нужно сделать? – Не понимает Ив.

– Для начала вырасти, милая. Нужно окончить школу, университет, получить профессию.

– Хм, а это долго?

– Ты и оглянуться не успеешь...

– Тогда все решено!

Я подавляю улыбку. В ее писклявом голоске прозвучала недетская уверенность. Она непременно станет тем, кем захочет. Я верю в это.

– Ты ведь пошла в школу, – вспоминая, что уже конец августа, замечаю я. – Тебе нравится учиться?

– Очень! Но там все такое легкое, нас учат тому, что я уже умею.

– Значит, у нас в семье растет гений!

Она начинает гордо ухмыляться, словно ей уже вручили премию за какой-нибудь прорыв в науке или искусстве.

– Папа говорит, что я очень на тебя похожа...

– Правда? Когда он такое сказал?

– Недавно. Он сказал, что я умница и очень талантливая.

А еще, что этим очень напоминаю тебя.

Дай бог, чтобы ты взяла от меня только хорошее.

– Ну не знаю, ты, скорее, похожа на маленькую, миленькую, но очень умную принцессу! – поправив ее, выбившиеся из пучка, волосы, шепчу я.

– На Белль (3)?

– На Белль!

– Я так и знала! – удовлетворенно восклицает она.

Мы выходим из парка, когда от солнечного света не остается и следа. Фонари сияют мягким мерцанием, укутывая улочки в теплую пелену. Ослепительная улыбка Ив украшает ее личико. Она осталась довольна сегодняшним днем. И я почувствовала то же самое. Это первый раз, когда за столь долгое время мне хочется вернуться домой, поужинать и посмотреть какой-нибудь старый фильм.

Мне хочется мира.

– Дакота?! Даки! Это ты?

Я оборачиваюсь и вижу высокого тощего парня в пару футах от нас.

Хантер.

А вот и звоночек из моего гнилого прошлого...

Будь проклят фестиваль, который решили провести именно сегодня и именно здесь!

Он направляется прямо к нам, но огромная спина телохранителя сразу же встает передо мной как защитная дверь.

– Не подходите к ним! – строго говорит он.

– Блейк, все в порядке! Он не опасен...

Наверное.

Охранник нехотя отступает назад и, напрягшись каждой клеткой, не сводит глаз с моего знакомого.

Хантер хищно ухмыляется ему, но уже спустя секунду все его внимание переключается только на меня.

Этот оценивающий алчный взор, от которого внутренности переворачиваются от омерзения... Он и раньше так смотрел, только тогда мне было все равно.

Его неизменная черная байкерская экипировка, массивный шлем в руках и пирсинг по всему лицу может напугать маленькую сестру, поэтому я прошу Блейка увести ее в машину. Он напрочь отказывается, но я, стараясь сдержать свое раздражение, повторяю уже более настойчиво.

Когда они скрываются с поля зрения, я надеваю на себя привычную стервозную маску и поворачиваюсь к байкеру, награждая его самым брезгливым взглядом из своего арсенала.

– Что тебе нужно? – Холод в моем вопросе доходит до него сразу же.

– А вот теперь я вижу, что ты – это ты.

– Со слухом проблемы?

– Да ничего такого, просто рад тебя видеть. Ты свалила куда-то... Не ожидал, что встречу тебя здесь, так еще и с сестрой. С каких пор ты подумала о ком-то кроме себя?

– Если это все, то прощай.

– Стой! Даки, погоди! Куда ты так спешишь? Раньше ты

такой не была, – орет он мне в след.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы не вспылить и не обляять его с ног до головы и ускоряю шаг. Но через пару секунд худощавая фигура преграждает мне путь.

– М-да, не ожидал от тебя такого. Слушай, я бегать за тобой не собираюсь, просто думал, что нравлюсь тебе.

– Ты много думаешь, Хантер, но это не идет тебе на пользу.

– Детка, остынь, я просто хочу с тобой еще раз увидеться!

– Ты один из миллиардов таких же мешков с нервной системой и примитивными желаниями. Всем плевать, чего ты там хочешь. Никому нет до тебя дела, и мне тоже.

– Понял! Сегодня ты встала не с той ножки. Короче, я буду в городе еще пару дней, если захочешь встретиться – звони. Номер тот же. Надеюсь, не забыла.

Я раздраженно киваю и отдаляюсь от него. Меньше дерзости в его сторону – больше вероятности поскорее избавиться от нежелательной беседы.

По телу проходит неприятная дрожь. Если бы я и захотела забыть его номер, то не смогла. Некогда я выучила его наизусть.

Как же противно.

Когда я сажусь в машину, то сразу же чувствую неладное. Температура в салоне словно поднялась на десятки градусов. Лицо охранника омрачилось – это плохой знак.

Я уже раскрываю рот, чтобы объяснить все произошед-

шее, но он тут же меня прерывает и заставляет ощутить колючий страх в районе грудной клетки:

– Ваш отец попал в аварию. Сейчас он в больнице в тяжелом состоянии, мисс.

3. Белль – главная героиня диснеевского мультфильма «Красавица и Чудовище», снятого по мотивам сказки Жанны Мари Лепренс де Бомон, «Красавица и Чудовище».

Глава 6

Мой мир подавился пеплом сожжённых надежд.

Боль кромсает сердце в фарш.

Жжение в груди мешает дышать.

Ну вот почему, черт возьми, почему, когда в моей жизни начинает хоть что-то просветляться, происходит какая-то гадость, разрывающая всякую связь с верой?!

Изведаясь в переживании от неизвестности, скорыми шагами я нервно измеряю просторный зал ожидания госпиталя. Папе делают сложную операцию.

На кону все.

Возвращаясь со сделки, он так спешил домой, что подогнал водителя. Тот ехал на максимально допустимой скорости и не заметил машину, выехавшую из-за поворота. Два автомобиля превратились в груды скомканного железа (*кажется, я даже слышу этот пронзительный скрежет сейчас*). Папа сидел как раз с той стороны, где и произошло столкновение, поэтому теперь отчаяннее всех старается выкарабкаться из цепких лап смерти.

Неужели ты заберешь у меня и его? Ты уже заграбастала маму, следующая очередь его!?

Нет, я не смогу пережить еще одну потерю, это действительно слишком! Максимально жестоко и не представить. Я так и не попросила у него прощения... Вдруг он уйдет, так

и не узнав, что я раскаиваюсь? Я не прощу себя никогда за то, что посмела причинить столько боли родному человеку! Будь все проклято!

Прошло три часа. Ничего толкового от медсестры услышать не удалось. Она каждый раз выходила с одной и той же вестью: «Операция может затянуться. Все очень серьезно. Мы стараемся сделать все возможное».

Я стою и с отвращением гляжу на свое отражение в темном стекле больничной двери. Накопленное выжигает меня изнутри. Глаза полыхают губительным пламенем. Плечи тянет к земле не хуже гравитации Юпитера. Миссис Данн, Стив, Блейк и еще пара незнакомых мне людей стараются держаться, я же не могу. Зареванная красная физиономия осточертела даже мне.

И как бы я не была признательна этим людям, они чужие. Кроме сестры и отца, который сейчас находится в подвешенном состоянии, у меня никого нет. Возможно, и его скоро не станет...

Страх, боль, гнев. Все снова смешивается в уже знакомую реакцию. Трясет так, что даже возможности нормально вздохнуть не предоставляется.

Я окончательно срываюсь после того, как открывается дверь и оттуда выходит та же медсестра с тем же выражением лица. Она не скажет чего-то нового! Кажется, я застряла в замкнутом круге словно хомяк, бегущий в колесе. Гневно выкрикивая ругательства и разбрасывая повсюду стулья, пи-

ная их ногами, я убегаю из госпиталя.

На улице давно уже не вечер. Лохматые тучи стремительно сдвигаются над головой. Все звуки смешиваются в собачий визг и волчий вой. Холодный ветер сразу же врзается в меня и щиплет кожу острыми иголками, заставляя съежиться.

Больно!

Я готова прямо сейчас упасть на землю и потерять сознание. Ощущение нарастающей паники подначивает к сумасшествию.

Нет, только держись. Тебе нужно уйти отсюда.

Только куда бежать со сломанной душой?

Я хочу рассеяться! Забыться, как прежде, по уже знакомой схеме. Она всегда работала, не должна подвести и в этот раз. Я набираю знакомый номер, получаю адрес и сажусь в такси. Оно привозит меня к какому-то стремному бару, кишашему дешевыми людишками и мутной выпивкой. В принципе, на другое я и не рассчитывала, да мне и не привыкать. Эта ночь уже знает, что меня ждет сегодня.

Я почти дохожу до двери, как слышу знакомые голоса за задворками. Рев моторов и громкие возгласы приводят меня к стоянке, на которой кроме толпы байкеров и их железных коней никого нет.

Банда Лихачей в полном сборе, но парочка новых лиц разбавляет их общество. И эти незнакомцы настроены явно агрессивно.

Понятно, очередная сходка за решение, кто из всех этих придурков круче, тупоголовее, примитивнее.

– Дакота, подожди в баре! – Хантер меня замечает и сразу же указывает, лишний раз демонстрируя свою мнимую власть.

– Я похожа на того, кем можно помыкать?

Уверенно вклиниваясь в их пространство, я внимательно разглядываю байкеров. Один из них мне кажется смутно знакомым... Где-то я его уже видела. И он не из прихвостней Хантера, а, скорее, его противник, так как настроен агрессивно.

– Ты?! – Непонимающе уставляется на меня брюнет, приковавший мое внимание.

И тут до меня доходит, что это тот тип, который сбил меня пару недель назад.

Я коварно ухмыляюсь.

Вот так встреча!

А мир не такой уж и большой, как мы все думаем.

– Оу, если бы я знала, что ты будешь здесь тусоваться, то принесла бы твою зачуханную футболку.

– Можешь оставить ее себе! – сразу же отвечает тот.

– Вы знакомы? – Хантеру это явно не нравится. – Откуда ты ее знаешь, урод?!

– Заткни дыру, душло гнилое! – брюнет явно без тормозов.

Главарь тут же подрывается и направляется в его сторону, но я вовремя встаю между ними. Касаясь напряжённых

грудных клеток, развожу их руками в разные стороны, словно рефери на ринге.

– Закатали свое самомнение обратно в задницу и разошлись!

– Дакота, откуда ты его знаешь? – Лихач злобно смотрит на моего нового знакомого.

– Тебя это не должно волновать! Ты мне нужен прямо сейчас, так что разобьете морды друг другу как-нибудь потом.

Он непонимающе уставляется на меня, требуя ответа.

– Точно уверена, что именно он тебе нужен? У него мозг, как у пятилетнего мальчика, – с насмешкой заявляет брюнет, заставляя своего оппонента еще больше взбеситься.

– Ну уж точно не меньше твоего! Ты всегда такой примитивный или это особый случай? – метнув на него усталый взгляд, выпаливаю я.

Байкеры начинают ржать, словно лошади диких прерий. И только оскорбленный парень прожигает меня своими голубо-зелеными глазами, заставляя мою ухмылку раствориться.

Становится стыдно.

Стоп! Нет времени на это.

Пока конфликт на секунду затихает, я решительно хватаю разозлившегося Хантера за руку и увожу в вонючий бар. Меня раздражает каждый сантиметр этого места, каждый возглас, смех, вздох. Заказав бутылку виски у разнузданной официантки, в короткой, как и ее ум, юбке, я усаживаюсь на обшарпанный стул.

– Откуда ты знаешь этого дебила из Пантер? – не отступает Лихач.

– Я его не знаю.

– Мне так не показалось.

– Если бы я смогла предвидеть, что ты будешь задавать исключительно тупые вопросы, то никогда бы не позвонила.

– Что-то случилось?

– Не твое дело!

– Тогда зачем оторвала от важных дел?

– Важных дел? Ты падаешь в моих глазах все ниже и ниже. Еще не поздно забрать все слова обратно и просто подождать, пока я опьянею.

– Даки, твою мать, что тебе от меня нужно?! – На его шее вздуваются вены.

– Где ты остановился?

– В мотеле, здесь недалеко. А что?

– Пошли. – Я забираю бутылку со стола и встаю, глядя на ничего не понимающего байкера.

Когда мы доходим до его номера, виски успеваает задурманить мне голову, притупив ощущения и эмоции. Меня парализует. Я теряю себя. Кажется, что вместо меня действует, говорит, решает кто-то совершенно другой. Не я.

Хантер долго возится с ключом, посыпая проклятиями все на свете. Дверь, аллилуйя, открывается, и нас встречает затхлый запах крошечной комнатухи. В коробке из-под холодильника и то просторней. Едкий зеленый свет лампоч-

ки, подвешенной на облезлом проводе, позволяет рассмотреть ровно столько, чтобы можно было развидеть серые пятна сырости, угрюмые темные шторы и стремную кровать.

Убогое место.

– Тебе негде переночевать? – скидывая с себя кожаную куртку, спрашивает он.

– Спать я сейчас точно не буду!

– Тогда что тебе нужно?

– Заткнись уже, а! Столько вопросов даже ревнивая жена своему муженьку не задает.

Я, не церемонясь, снимаю с себя одежду, демонстрируя наготу тела. Глаза главаря таращатся на меня сначала в неожиданности, но на смену ей вскоре приходит животная похоть. Не дожидаясь дальнейших действий, я беру бразды правления в свои руки и снимаю с него джинсы и футболку, а после толкаю на скрипучее ложе. Он пытается прикоснуться ко мне, но я, цепляясь в его руки, преграждаю самодеятельность.

– Резинка есть?

– Да, я сейчас...

Он встает и достает из кармана куртки пачку презервативов.

Похотливый слюнявый язык фривольно проникает в мой рот. Мне противно, тошно, мерзко, но лучше я отдамся этому придурку, чем страшной боли от неизвестности и переживаний. Сейчас мне нужно похоронить все мучения, разо-

гнать грусть.

Не позволяя тупой прелюдии разгореться, я сажусь на него сверху и получаю то, зачем пришла. Эгоистично. Грубо. Грязно.

Пиликающий трезвучиями телефон, действует отрезвляюще. Я отрываю тяжелую голову от подушки и сразу же понимаю, что то, что было пару часов назад – действительно произошло. Краска заливает по самые уши. Меня тошнит в самом прямом смысле!

В чем мать родила быстро добегаю до туалета, рвота сразу же оказывается в фарфоровом друге. Мерзость! Ощущения такие, будто бы по мне проехался грузовик. Все мышцы неприятно ноют, внутренности выворачиваются наизнанку.

Хантер спит. Его голая тощая туша довольно распласталась на кровати. Едва ли он расскажет кому-нибудь об этом... Ведь впервые в его жизни не он попользовался чужим телом, это его использовали как дешевую шлюху.

Дрожащими руками я беру телефон и открываю сообщение от миссис Данн:

«Дакота, у меня очень хорошая новость! Ваш отец удачно перенес операцию. Он будет жить! Мы ждем вас в госпитале.»

Не могу поверить своим глазам!

Он будет жить, он будет жить, он будет жить!

Трижды перечитываю текст, не веря в происходящее. До-

за облегчения поступает в кровь мощнейшим успокоительным. Мне только что расцепили петлю на шее. Я могу дышать!

Не стесняясь эмоций, выпускаю море из слез в открытый океан. Я реву так, что все тело превращается в жидкость. Я не чувствую ни костей, ни мышц, я чувствую лишь легкость!

Вы слышите? Легкость!

Долгожданное облегчение выходит из каменного заточения вместе с соленой влагой. Я плачу, и мне больше не больно. Мне хорошо!

– Эй, детка, ты чего? – Сонный байкер трет глаза и усаживается на кровать.

Я, опомнившись и ничего не отвечая, резко подрываюсь с места и начинаю одеваться.

– Ты куда в такую рань?!

– Хантер, меня для тебя больше нет. Забудь все, что здесь произошло. Забудь меня.

Он открывает рот, чтобы что-то спросить, но я, напаяливая на ходу рубашку, громко захлопываю дверь и ухожу из мотеля. Ухожу от своего прошлого навсегда.

Каждая секунда, поступившая в мои легкие с кислородом, не дает жизни, а отнимает. С каждым днем меня становится все меньше. Каждый год приближает меня к гробовому маршу и месту на кладбище. И я должна сделать многое, чтобы достойно запомниться этому миру, прежде чем мое время подойдет к концу.

Солнце возвело новый рассвет. Наступил новый день. Сегодня я начну с начала и все исправлю. Сегодня.

Чертов Хантер! Эту тварь и его дружков я не ждал сегодня встретить на фестивале. Приперся сюда из Нью-Йорка, только чтобы вывести меня из себя. Этот ублюдок заслуживает разбитой рожи за очередную тупую выходку в моем городе, и он же, оказывается, встречается с этой девчонкой!

Что она делала рядом с ним?!

Как все-таки тесен мир. Я уже и не надеялся встретить ее еще хоть когда-нибудь, а тут...

Я запомнил нашу первую встречу, ее обеспокоенное лицо даже во сне... Наше недознакомство получилось неординарным, чего уж таить. Но она эффектно выбралась из дерьма, в которое ее закатала случайность, выплеснув на меня кучу стервозности. По ее поведению сразу было понятно, что она из богатеньких, так что же она забыла в обществе Лихача?! Девицы из ее круга никогда бы и не посмотрели в его сторону.

Кто же ты такая, Дакота? И какую роль играешь в банде? В любом случае, если ты с ними, то ты мой враг.

Глава 7

Два месяца спустя

Я рад агонии. Мне чертовски все болит, но это как знак того, что я живой. Но большее счастье мне принесло полное воссоединение нашей семьи – Дакота вернулась ко мне, она вернулась ко всем нам. Если это авария так на нее подействовала, то я благодарен несчастному случаю. Можно было бы пошутить, что клин клином вышибают, но смеяться тут не над чем. Что вышибло из Даки дурное, то заставило ее еще больше переживать. И я не хочу, чтобы она еще хоть когда-нибудь встретилась с чем-то подобным.

Меня уже как пару дней назад отпустили домой. Я могу ходить, но боль в сломанном ребре быстро расходует силы, поэтому большую часть времени провожу в постели. Но я верю, что поправлюсь быстрее рядом с теми, кого люблю больше всего на свете.

– Папочка, смотри, что я тебе нарисовала! Это я, ты и Дакота! – забегая в комнату и протягивая рисунок, пищит радостно Ив.

– Очень красиво, дочка. Я здесь так похож! – глядя на забавную улыбающуюся рожицу с круглым носом и огромными глазами, смеюсь я.

– Я вложила все свои способности в то, чтобы ты получился здесь здоровым! Это значит, что ты совсем скоро по-

правишься.

– Уверен, что так и будет... А где Дакота?

Ивонна залезает на кресло и достает карандаши. Высунув язычок, она увлеченно продолжает калякать что-то на листке.

– Она пошла в танцевальный зал, кажется...

– Радость моя, а как давно она ходит туда?

– Сегодня первый раз.

Даки... Она решила вспомнить свое танцевальное прошлое? Представляю, как ей сейчас тяжело. Ведь все, что подчинено танцам, напрямую связано с Мередит. Я боюсь, что она, вспомнив об этом, снова рассердится. И я должен быть рядом, если это произойдет... Поэтому, преодолевая ноющую боль в боку, я поднимаюсь на ноги и выхожу из комнаты.

В зале настораживающе тихо. Я не решаюсь зайти внутрь и лишь слегка приоткрываю дверь. Дакота сидит на полу в тренировочном костюме, обняв себя за тощие колени, и смотрит вниз. Она не плачет, ей просто грустно. И осуждать ее за это глупо. Печаль здесь обоснована. Ее громкое и беспокойное дыхание, словно она только что делала разминку, эхом проходит по стенам.

Собрав всю волю в кулак, она подходит к зеркалу и внимательно разглядывает себя в отражении. Ее волевой, но слегка потерянный взгляд, блуждает по трясущимся рукам и ногам. На секунду она хмуро сдвигает брови, прикусывает губу и

сжимает кулаки.

То ли презрение, то ли сомнение становится последним решением.

Дочь включает какую-то грустную мелодию и неуверенно начинает танцевать. С каждым шагом ее действия становятся сильнее, напористее. В ее плавных движениях чувствуется незабытая грация. Она, будто забывая о гравитации, парит над полом, как птица, раскинув руки в стороны. Столько энергии и одновременно боли в этой пластике! Даже я, полный чайник в делах хореографии, замечаю это.

Она так похожа на Меридит...

Если бы я была способна уничтожить себя танцем, то это произошло прямо сейчас. Чувствую натянутое, как струна, напряжение, каждую ноющую мышцу в своем теле. Все болит, в том числе и душа. Она знает, что чего-то не хватает... И я знаю, чего, а точнее, кого.

Эти движения мы придумывали вместе с мамой. Я помню ее советы, ставшие настоящей находкой. Я помню каждую связку, предложенную ей. Я помню, как мы вместе повторяли куски хореографии у нее в студии.

Как же мне тебя не хватает, мамочка...

Густая пелена слез заставляет остановиться, и я обездоложно падаю на пол.

– Доченька, т-с-с, все хорошо, не плачь! – Мягкая рука отца утешающе касается моего плеча.

И я благодарю Господа за то, что он дал мне шанс все исправить. Он подарил мне возможность все ему сказать, попросить прощения. И он простил меня. Простил свою ничемную плохую дочь, несмотря на все гадости, сотворенные раньше.

Каким же должно быть большим сердце, чтобы так поступить?

Вот уже как два месяца я не скандалю, не закатываю истерик, не убегаю из дому. Я не чувствую себя счастливой, но и несчастья в моей жизни больше нет. Я успокоилась. И, самое главное, перестала ненавидеть *ее*. Я отпустила ее. Наверное...

– Я уже не плачу, пап, – вытирая мокрую щеку, скулю я.

– Ты так красиво танцевала. Мне очень понравилось.

– Правда? Мне казалось, это выглядит ужасно.

– Ты что?! Какое глупое заблуждение... Ты уверена, что не хочешь вернуться к учебе?

Мельком смотрю на свое отражение.

Вот она я. Внешне все та же, но внутри разрушена. Я больше похожа на куклу с неисправным механизмом. Ноги сломаны, а нужно бежать, чтобы не угодить в лапы саморазрушения.

– Я не знаю, это сложно. Да если бы и захотела, то поздно. Учебный год уже начался.

– Думаешь, поезд ушёл? Пустяки, придёт следующий. У тебя куча попыток, возможностей. И не нужно считать, что

каждая неудачная – последняя. Нет последней, всегда есть ещё одна.

Его уверенный голос пробегает по залу и застывает в груди. Слова веры и надежды вселяют долю оптимизма, но реальность полна подводных камней, и в это я больше верю, чем во что-то хорошее.

– Но, пап...

– ... ты считаешь это единственной проблемой? – сложив руки в замок, спрашивает он.

– Ну да.

– А что, если я скажу, что это совсем не проблема? Фамилия «Коуэн» довольно влиятельная. Я могу поговорить кое с кем. Думаю, это поспособствует твоему восстановлению. Только в Нью-Йорк вряд ли получится, но в Университет искусств Филадельфии – запросто!

– Я не хочу возвращаться в Джулиард.

Больше всего на свете я желаю забыть то место, хранившее тысячи воспоминаний. Там было мое прошлое, а мне нужен чистый лист, пустая страница.

Я не хочу идти по дороге, вымощенной прочным камнем, по которой ходило тысяча пар ног. Я хочу найти нетронутое, где смогу оставить свой первый уверенный след, который станет новым ориентиром.

Благодаря связям папы и действительно значащему имени, меня приняли в группу. Правда, я представляю, сколь-

ко денег на это ушло. А еще пришлось пройти прослушивание, и это, на удивление, далось мне легко. Из-за жесткой, но действенной учебной программы самой лучшей танцевальной школы Нью-Йорка я смогла показать высокий уровень мастерства. Все остались под приятным впечатлением, педагоги перестали смотреть косо, поняв, что у меня есть талант, и я не просто дочка богатого папаши и посмертно знаменитой матери.

Уже сегодня начнутся первые занятия. Из-за довольно длительного застоя на этом поприще мне немного не по себе. Уже и не помню, что значит заниматься в группе. Надеюсь, я не облажаюсь в первый же день.

А еще меня вдруг посетила одна мысль – съехать. Нет, у нас по-прежнему все хорошо с папой, просто мне хочется свободы, независимости и самостоятельности. И я подумываю в ближайшее время снять квартиру. Если уж и начинать новую жизнь, то основательно.

Здание Университета искусств не такое впечатляющее, как Джулиард, но здесь тоже неплохо. Главное ведь не форма, а ее содержание. Мне только и нужны опытный педагог и хорошая учебная программа.

Как только я захожу в просторный зал, обставленный зеркалами со всех сторон, все взгляды сразу же падают на меня. Кажется, я немного опоздала, потратив время в попытке найти нужную аудиторию, блуждая по незнакомым коридорам.

– О, а вот и мисс Коуэн из Джулиард собственной персоны! – Привлекательный мужчина лет тридцати подходит ко мне и протягивает руку. – Я ваш куратор и по совместительству преподаватель академической программы мистер Сэймор.

В Джулиард преподавали в основном опытные, пустившие седину, хореографы, ушедшие в «отставку». А это что-то новенькое. Он довольно высокого роста. Крепкие руки прячутся за легким кардиганом, мышцы ног выпирают из тренировочных брюк. По его ярко выраженному акценту создается впечатление, что он француз.

– Здравствуйте! Собственная персона на месте, – спокойно отвечаю я, будто виделась с ним и не раз. Все-таки моя буйная жизнь сказалась на характере. Хоть что-то положительное оттуда вышло.

– Коуэн? Как Мередит Коуэн? – выдает кто-то из группы. Меня словно только что кипятком облили. Кажется, я даже побледнела.

А на что я надеялась?

Будь моя мать кем угодно, то и удивляться бы не пришлось. Но мою мать знают многие... Придется снова привыкать.

– Да, как Мередит Коуэн, которая, как вам должно быть известно, покончила жизнь самоубийством! – В моем голосе прорезается стальной холодок. Я смотрю на своих сокурсников и в отражении зеркала замечаю, что этот взгляд стер-

возный. Он сразу же прекращает тихие перешёптывания и загоняет в ступор студентов. – Но мне будет очень приятно, если вы не станете говорить о ней. Спасибо.

Да, не так я представляла себе первое знакомство. Ну да ладно. Мне все равно, как меня здесь примут. В конце концов, я учиться пришла, а не друзей заводить.

– Так, ребята, со знакомством покончено! Даю вам пятнадцать минут на разминку, – разряжает обстановку мистер Сэймор.

Все расходятся к станкам, аккуратно обходя меня, словно я дорогая хрустальная ваза, которую не стоит задевать, чтобы не попасть на бабки. И лишь одна девушка смело останавливается передо мной и лучезарно улыбается.

– Круто ты всех уделала! Камилла Берк или Кэм, как будет удобно! – Оценивающе рассматривает она меня и дает пять.

– Дакота или Даки, – сразу же отвечаю я.

Есть в этой блондинке с фиолетовыми прядями нечто такое, что привлекает. Мне нравится ее стиль: немного дерзкий из-за открытого топа и татуировок на ключице, но она сразу же выделяется из толпы, однообразно одетых в черные трико и футболки, танцоров.

– Даки, характер у тебя убойный, такие мне импонируют.

– Да ладно?

– Не люблю стеснительных кулем и тихушниц, Значит, будем дружить! Пошли, познакомлю тебя кое с кем.

Она берет меня за руку и ведет к долговязому, но не хи-

лому парнишке с пышной каштановой шевелюрой.

– Эштон, Эш, Грифф, называй его как хочешь! – подмигивает новая знакомая.

– Грифф? – переспрашиваю я.

Парень сразу улыбается:

– Гриффин – моя фамилия, но Кэм любит коверкать все, поэтому привыкай!

– Приятно познакомиться, Эштон. Я Дакота.

– ... или Даки! – добавляет блондинка. – Короче, дружок, она крутая, как ты уже успел заметить. Прямо как мы. Думаю, ей удастся стать неплохой соратницей.

– И в каких же делах, позвольте спросить?

– А скоро узнаешь, милая.

– Берк, Гриффин и Коуэн, на разминку. Живо! – встречается преподаватель.

Камилла раздраженно закатывает глаза, но поворачивается к нему с учтивой улыбкой.

– Не обращай внимания, вообще он лапочка, но всеми усилиями пытается это скрыть, – шепчет она мне на ухо и хихикает.

И так просто я нашла общий язык с этими двумя, а ведь еще и пару минут не прошло! Может, мы и станем друзьями...

Ха-ха, дружба с первого взгляда. Звучит!

Мы подходим к станкам и приступаем к разогреву. Вот я и вернулась к своему любимому делу. Даже трудно поверить

в это, но все реально. Я действительно вернулась к занятиям! Закинув ногу на дубовый станок, я чувствую, как связки приятно потягивает. Мне не хватало этого ощущения, тепла по мышцам и коже.

Как я могла променять все это на синяки, ссадины и безумство?

– Мистер Сэймор, а пусть нам Коуэн покажет, чему ее в Джулиард научили! Все-таки не каждый день встретишь кого-нибудь оттуда.

Я смотрю в сторону, откуда пошел звук, и замечаю рыжую девицу, уставившуюся на меня с неким презрением. Она не намного, но все же выше меня ростом. И эти смешные пару дюймов наивно позволяют ей считать, что она здесь лучше всех. Глупая гусыня!

Вот с ней-то у меня и будут частые терки. Знаю я таких особей, которые думают, что лучше их во всем свете не сыскать. ЧСВ завышено до максимальной отметки, и датчики высокомерия превышают допустимые нормы(4). Но ничего, я научилась таких осаживать. Она об этом еще не знает, но скоро до нее это дойдет.

– Кора, на это нет времени! Да и к тому же, зачем смущать человека. Дай Дакоте обвыкнуться, – отвечает хореограф.

– Но я совсем не против, мистер Сэймор. Меня ни капельки не смущает здесь ровным счетом ничего. Разве талантливый танцор должен бояться показывать, на что он способен?

Я невозмутимо выхожу в центр и не свожу с рыжеволосой

насмешливого взгляда.

– Выбери! – лишь коротко бросаю ей.

Девушке хочется уколоть меня сильнее, опозорить, поэтому она долго копается в выборе подходящей композиции. И когда из колонок выходит довольно резвая по темпоритму мелодия, я понимаю, что она решила меня проверить на скорость и сообразительность.

Я опять опоздал на занятие. Черт возьми, проспал! Но судить меня точно не станут, тем более этот препод, годящийся по возрасту в старшие братья.

Я беззвучно открываю дверь, дабы не помешать, но так и не захожу: уж слишком тихо – не лучший момент для появления. Передо мной предстает весьма интересная картина: Уэлш стоит возле колонок и ненавистно косится на какую-то девчонку в центре зала. Новенькая что ли? Впервые ее здесь вижу, но фигурка кажется мне знакомой.

Вдруг врывается громкая музыка, и она начинает танцевать. Причем танцевать довольно неплохо. Судя по всему, это импровизация, не сухая, пластичная с крутой техникой исполнения. Давно я не видел чего-то подобного!

А у нее есть талант...

Песня приближается к кульминации, и если она почувствует ее и выразит в движениях, то я преклонюсь перед ней.

Темноволосая резко останавливается перед Корой и, не сводя с нее взгляда, пятится спиной назад. Пару восьмерок, и

она должна сделать хоть что-нибудь, иначе провал! И тут эта девчонка бежит вперед, в самый пик музыки замирает в пару дюймов от носа рыженькой и подпрыгивает вверх, закидывая одну ногу за голову, приземляясь в красивом падении.

У нас про такое говорят просто: уделала. Причем так уделала, что тому, кто бросил вызов, лучше сразу сквозь землю провалиться.

Танцорша победно поднимается под громкие аплодисменты и поворачивается ко всем.

Твою мать! Что за черт?!

Эта та чудачка из банды Лихачей! Это Дакота! Как такое возможно?!

Меня сложно выбить из равновесия, но она смогла это сделать. В который раз я встречаю ее там, где ее быть не должно?

– Ривз, ты все занятие у двери простоять собираешься? – Препод обращает все внимание на меня.

4. ЧСВ – Чувство Собственной Важности.

Глава 8

Переведя дыхание и довольно оценив исподлобный взгляд рыжей задиры, я поворачиваюсь к выходу, куда уже таращатся все ребята.

И кого же я вижу?!

Офигеть!

Знакомый байкер собственной персоны! Что он тут забыл? Выследил меня? Но где смысл? Да и мистер Сэймор по фамилии к нему обратился... Неужели он учится здесь?

Брюнет, недоверчиво пялясь на меня, словно я его когда-то укусила, проходит мимо и кидает полотенце на подоконник. Кожа на лице цвета слоновой кости заметно приобретает слегка гранатовый оттенок. Очерченная мускулами спина, напрягается под тонкой тканью серой футболки. Я тоже сейчас отнюдь не в расслабленном состоянии. Кажется, мои пальцы свело судорогой из-за того, что я сильно их сжала в кулак.

– Спасибо, что почтили нас своим присутствием, мистер Ривз. Вы пропустили разминку, придется соображать побыстрому! – Преподаватель дает ему задание, и тот идет к станку, не отрывая от меня глаз.

Мы оба загнаны в угол, оба обескуражены. Он, видимо, тоже не понимает, что происходит...

– О, я должна тебя познакомить с еще одним крутым че-

лом! – Передо мной вырастает Камилла, заметив, что хореограф ненадолго вышел из зала.

Она подзывает байкера к себе, но тот, игнорируя ее, поворачивается спиной и продолжает разогревать мышцы, закинув ногу на деревянную перекладину. Его жилистые руки вытягиваются к носку вместе с торсом.

– Ривз, не будь выскочкой! – не уступает девушка и сама тащит меня к нему. – Привет!

– Привет, Кэм, – равнодушно откликается он, продолжая растяжку.

– Эта новенькая только что осадила Уэлш, представляешь?! Ты видел это?

– Видел.

– Знакомьтесь, что ли... Даки, это Джейден.

– У него только это прозвище или есть что-то еще? – между делом спрашиваю я.

– О, рубишь с ходу, девочка! Джейд, Ривз, чертов засранец, называй как хочешь.

– Последнее больше всего подходит. – Внимательно смотрю я на парня, неизвестно зачем стараясь задеть.

Он лишь хищно ухмыляется и резко меняет ногу, выпячивая грудь, как петух, готовящийся к бою.

– Камилла, а у этой новенькой помимо острого дурного языка имя есть?

– Тебе ли не знать? – сразу же откликаюсь я.

– Эй, ребяташки, чего вздыбились? Конечно есть. Ее зо-

вут Дакота.

– И это все?

– А что еще? – Блондинка ничего не понимает.

– Ей бы подошло еще одно – стервозная истеричка, например.

Камилла впервые не находит, что сказать, уставившись на нас в удивлении.

– Эта стервозная истеричка может тебе морду разукрасить! – шиплю я, подойдя к нему в упор.

– Сама или при помощи дебила Хантера?!

Амплитуду его дыхания сложно не заметить. Наши лица слишком близко друг к другу. Я чувствую свирепость Ривза на своей коже. Он зол. Очень зол! Как и я.

Есть ли существенные причины этому? Ни одной! Но против себя не попрешь, мне хочется уколоть этого человека по сильнее.

– Тебе дать право выбора?

– Ха-ха, да ты...

– ... заткнитесь оба! – встревает Камила, растаскивая нас в разные стороны. – Я откровенно не понимаю, что здесь происходит, и лучше бы вам поскорее все прояснить!

Наша междоусобица привлекла много ненужного внимания. Все, прекратив свои дела, сосредотачивают на нас любопытные взгляды. По залу пробегают лишь короткие перешептывания.

– Не бери в голову, Берк! – бросает он и, возвращаясь к

станку, продолжает разминку.

Меня разворачивает гнев. Мы друг другу никто: ни друзья, ни враги, но неприязнь вклеила с первых же секунд свою персону и предписала наши дальнейшие отношения. Дружбы у меня с ним явно никогда не будет только потому что он часть байкерской банды, а я больше не хочу иметь ничего общего с этим. Каждый член этой субкультуры – никто иной, как обычный кусок дерьма. А все дерьмо осталось в прошлом, и места в настоящем ему нет и не будет.

– Даки, ты-то хоть объясни, – отведя меня в сторону, продолжает блондинка.

– Да так. Мы уже виделись с ним пару раз. И сразу друг другу не понравились. Не обращай внимания.

– Во дела! Жалко, я надеялась, что вы подружитесь. Джейд клевый парень.

– Сомневаюсь.

Мистер Сэймор вовремя возвращается в зал, и я благодарю его за это. Подробных расспросов я бы сейчас не вынесла.

– Итак, ребята. Вы же в курсе, что вам предстоит сделать выпускной проект, чтобы получить диплом? В этом году карты легли так: тема – дуэт. Вас как раз поровну. Сейчас мы методом честной и беспристрастной жеребьевки разведем вас по парам.

Он кладет папку на стол, пока вся группа недовольно вздыхает.

– Может, не будем испытывать судьбу и сами разобьем-

ся? – спрашивает кто-то из студентов.

– Ну уж нет, уважаемые! Все должно иметь исключительно рандомный характер. Это точнее покажет ваш профессионализм и умение сработаться. Короче, все, прекратите возмущаться! – продолжая гнуть свою линию, он прерывает череду недовольств. – Парни, ваш выход! В прошлый раз выбирали девушки, очередь ваша. И да, самое главное правило: перетягивать и менять партнера нельзя.

– И часто вы полагаетесь на волю случая? – спрашиваю я Кэм, удивляясь подобному методу.

– О да, наш препод любит пощекотать нервишки! Хоть бы мне не достался Крамер!

– А Крамер это кто?

– Видишь перекаченного альфа-самца с банданой на голове?

Я сразу же замечаю этого парня. Он реально похож на жертву тестостерона: у него самые рельефные мышцы и явно завышенная самооценка. По одному его слишком самоуверенному взгляду становится ясно, кого он из себя представляет, точнее, кого пытается представлять.

– Такого не трудно обсадить!

– Может и не трудно, но, видишь ли, он мой бывший... – кривится она, словно лизнула горсть аскорбиновой кислоты.

– О-о-о, ясно, можешь не продолжать.

Несколько парней называют имена, Сэймор сразу же вносит их в список. Некоторые остаются довольными своими

партнерами, кто-то не очень, но возникать никто не решает-ся.

Очередь подходит к Ривзу.

Я и сама не заметила, как все мое тело напряглось.

Байкер вытаскивает маленькую белую полоску и по выра-жению его лица становится понятно, что выбрал он ту, кого больше всего не хотел. И, вероятнее всего, это я, так как он сразу же протяжно вздыхает и грозно смотрит на меня.

Твою ж макаронину!

– Ну, что там у тебя, Джейден? – спрашивает хореограф, нарушая секундную тишину, кажущуюся часовой.

– Вы сказали, что нельзя перетягивать, – скомкивая кло-чок бумаги, процеживает он. – Но, поверьте, если вы мне этого не позволите, грядет война.

Все с интересом таращатся на него.

– Назови имя!

– Дакота Коуэн.

Он сказал это так громко, что, кажется, зазвенели стекла в окнах. Группа, ставшая свидетелем нашей недавней разбор-ки, звучно захохотала. Моя душа ушла в пятки. Таких пин-ков от судьбы я не ожидала.

Какого лешего?! Ну почему из десяти девчонок он выбрал именно меня?

– Пускай эта война закончится миром! – заключает Сэй-мор и вписывает мое имя в лист.

Мира точно не будет.

Ожидается много крови и жертв.

Зря вы затеяли это... Мы с ним точно не станцуемся.

Я лишь кошусь на брюнета и всем видом показываю, насколько мне неприятна эта новость. Его реакция взаимна. Кто-то кладет ему руку на плечо, словно говорит: «Крепись», на что он отвечает хмурым взглядом: «Пошел к чертям собачьим».

Надо мной витает дух гнева, словно подвешенный на тонкую леску слон, но я лишь сжимаю челюсть и, не спросив разрешения, выхожу из зала.

Прошла целая неделя, семь долбанных дней раздражающих занятий в паре с напыщенным Ривзом.

Терпеть его не могу!

Он бесит меня сильнее, чем, всевзятые в охапку, раздражающие создания этого мира. Успокаивает лишь то, что я ему тоже не по вкусу. Хотя что-то у нас общее, но из этого не слепишь годный танцевальный номер. Выпускной проект стоит под угрозой... Почему мироздание пакостит мне всюю? Мало того, что мы учимся в одном месте, так еще и вынуждены быть партнерами! Хотя язык не поворачивается называть нас так. Скорее, мы конкуренты. Два враждующих рода – Монтекки и Капулетти, герои комиксов – Бэтмен и Джокер, персонажи Дойла – Шерлок и Мориарти.

Из хорошего, что произошло со мной за все время, это общение с моими новыми друзьями – Камиллой и Эштоном.

Они очень крутые ребята, и с первого же дня стало понятно, что мы найдем общий язык. Мы находимся на одной волне. Кэм – очень веселая, со строптивым характером и непосредственным мышлением девчонка, а Эш – точная ее копия в мужском обличии. Они реально похожи. Оба взбалмошные, смелые и сумасшедшие.

Сейчас я сижу с ними в кафе «Хорошая Карма». Название веселит, оно прям точно и успешно НЕ описывает все происходящее в моей жизни. Здесь Берк работает официанткой, поэтому эта локация стала частеньким местом наших встреч, не считая университета.

– Даки, кофе? – учтиво спрашивает подруга.

– Только крепкий... виски.

Оба уставляются на меня.

– Что?! Какие же вы смешные! – смеюсь я, глядя на их офигевшие лица. – Я думала, вас трудно смутить.

– Ты чего, посреди белого дня надраться решила?

– Не надраться, Эш, а выпить, расслабиться.

Камилла возвращается со стопкой и стаканом колы. Я сразу же осушаю обе емкости. Горечь расходится по горлу. Становится жарко. Я в чем-то понимаю алкашей, гонящихся за легкими ощущениями... Правда, становится как они, – не моя цель. Просто прямо сейчас мне нужно что-то, что способно перекричать раздражение внутри.

– Тебя так Джейд доконал?

– Ага.

– М-да, кошечка, пробежавшая между вами, явно черного цвета была. Ну ничего, стерпится, слюбится...

– И не мечтай! Тебе хоть с партнером повезло – Эштон метко попал.

– Уж поверь, не в обиду Грифффу, но я бы предпочла танцевать с Ривзом. Его техника мне больше подходит.

– Эй, ничего страшного, что я сижу здесь? – негодует друг.

– Прости, чувак, я ничего против тебя не имею, ну ты же сам знаешь, на что способен Джейд! Давай здраво судить, мы с тобой похожи, а чтобы сделать отменный проект, нужна экспрессия, противоположность, буря. Так что милочка, считай, тебе повезло, я уверена, вы получите высший балл, если до этого не поубиваете друг друга.

– А ты чего сюда работать-то пошла? – меняю тему разговора я. Задолбал этот Ривз, он повсюду!

– Соседка по квартире собрала шмотки и увинтила черт знает куда. Нужны деньги, чтобы оплачивать место под солнцем. Я не бедная, мои родители с достатком, но они стараются сделать меня самостоятельнее, видите ли. – Она, подобно королеве напускного пафоса, закатывает глаза.

– Хм, прям под солнцем?

– Естественно! Я на другое и не согласна. Апартаменты лучшие, в центре, на тридцатом этаже, вид потрясающий!

– Недурно... А если я войду к тебе в долю, примешь под солнышко? – Я ведь хотела съехать, самое время.

– О-о-о, дамочка, ты что, уже опьянела? Зачем тебе сва-

ливать из собственного дома, где есть все?

– Чтобы ты спросила об этом.

– Аргумент. Ну окей, я согласна! Это ж идеально! – восклицает Кэм. – Короче, я пошла работать, а ты уже сегодня можешь перетаскивать свои вещички! Адрес смс-кой кину.

Она дарит нам воздушный поцелуй и улетает, как бабочка к следующему столику.

– Я с вас фигею! – только и заявляет Гриффин.

Папа до последнего не хотел верить в то, что я переезжаю. Я «обрадовала» его этой новостью не вовремя. Только он привык к нормальной жизни, как его ребенок решает уйти из дома. Прекрасно понимаю, что он чувствует, но должна же я и о своем будущем подумать. Я хочу самостоятельности, в свои двадцать один год пора бы уже...

Поэтому с чемоданами и забытыми донельзя двумя машинами всякой техники и мебели, мы подъезжаем к высотке, где живет Камилла. Я этот город почти не знаю, но вот здание мне кажется смутно знакомым.

Была ли я здесь или просто проезжала мимо?

Не помню!

Апартаменты находятся на тридцатом этаже. До места назначения лифт, как философствующий пилигрим, держит свой тяжкий путь вверх медленно, не спеша. Минуты три из своей жизни можно сразу вычеркивать каждый раз, когда я буду возвращаться домой или выходить на улицу. Что не так

страшно, ведь один год я уже и так бесполезно прожгла.

– М-да, здесь футов четыреста от земли! – восклицает отец, глядя в окно холла.

– Я высоты не боюсь, пап!

– А вот я побаиваюсь с самого детства.

– Значит, ты не будешь слишком часто приезжать! – шучу я.

Кэм появляется в коротких шортах и прозрачной футболке у раскрытой двери. Хорошо, что хоть додумалась лифчик надеть! Папа и охранники были бы не готовы к подобному зрелищу.

– Даки, милая, добро пожаловать в новую обитель! Теперь каждый дюйм этого уголка свободы – твой. Все мое – твое! – Она внимательно смотрит на Стива и Блейка и выстраивает самую прелестную улыбку на своем лице. – Камилла Берк!

Она протягивает руку моему отцу, тот слегка смущенно отвечает рукопожатием.

– Не бойтесь, она в надежных лапках, можете спать спокойно! Стоять на пороге долго будем?

Я первая захожу внутрь и то, что вижу, мне нравится с первого же взгляда. Белые стены прихожей и гостиной, высокие потолки, мебели не так много, но в достатке. Минимализм всегда будет в моде. Пара абстрактных картин, старое кресло и пушистый ковер из ворса прибавляют уюта. Но несколько ноток бунтарства все же присутствует, иначе это бы и не был дом Кэм. Красные лампы по периметру, на пол-

ках книги с весьма кричащими и откровенными названиями и изображениями, небольшая фигурка на журнальном столике в виде голого торса безголового мужчины.

Меня этим не смутить, но вот мое сопровождение... Я начинаю хохотать, завидев их слегка сконфуженные лица.

– А где вещи-то твои?!

– Ах, да! Зовите носильщиков!

Мужчины выходят, а я еще раз беглым взглядом оглядываюсь по сторонам.

– Ну что, зашло?

– Зашло, Берк! Мне нравится.

– Кто бы сомневался! Ты птичка из нашей стаи. Кстати, этот охранник, который помоложе, свободен?

– Ха-ха, даже и не думай. У него и так напряженная работа, а ты у нас девушка с тем еще характером. Не обрекай человека на вечные мучения!

– Ну ладно... Просто он красавчик. – Прикусывает губу подруга. – А как тебе само здание? Правда здорово? Ты просто посмотри в окно, вид шикарный!

Я подхожу к панорамному окну и уже второй раз за день получаю порцию дежавю. Знакомые стеклянные небоскребы напротив, река в пару кварталах. Улица с этой высоты уже некогда мне открывалась.

– Кажется, я здесь была... – Прицениваяюще пялюсь на город я, пытаюсь добраться до глубин памяти, чтобы найти доказательства своих догадок. – Черт его знает! Я не помню,

чтобы сюда приходила, по крайней мере, в здравом рассудке, но подозреваю, что моя задница уже каким-то образом бывала здесь.

– Хотелось бы мне посмотреть на ту дамочку, которой ты была раньше!

– Поверь мне, даже тебе бы это не понравилась. Я была похлеще любой стервы.

Я успела рассказать Камилле и Эштону о своем прошлом. Они узнали не все, но суть была донесена. Драки, скандалы, дебоши, связь с плохой компанией – этого хватило, чтобы друзья пороняли челюсти на пол.

– Ого, дамочка, ты что, весь магазин сюда притащила?! – спрашивает Кэм, когда в квартире появляется целая гора всяких вещей.

– Я тоже говорила, что многое из этого лишнее, но разве кое-кого убедишь в обратном. Да, пап?

– Милая, поверь мне, все это понадобится. – Отец усаживается на диван и еще раз внимательно осматривается по сторонам.

– Интересно, где нам пригодится тумбочка для телевизора? Ведь такой роскоши здесь нет! – Подруга хохочет, тыкая на, принесенный носильщиками, предмет мебели.

– Это не проблема, потому что его сюда тоже привезли. – Поддерживаю я ее смехом.

Ну что же, здравствуй, мой новый дом!

Глава 9

Уже больше недели я живу в центре Филадельфии. Мне здесь нравится! Свобода, самостоятельность с примесью молодой беспечности, свойственной моему возрасту, греет сердечко. Сегодня меня ждет первая тусовка в компании нормальных ребят, а не преступников. Никаких байкеров и случайной шпаны!

Смена обстановки пошла мне на пользу. Я все меньше думаю о плохом, редко вспоминаю прошлое. Уход мамы все еще тлеет в душе горячими угольками, но причин для попутного ветра, чтобы раздуть пламя, не возникает. Я почти приняла ее смерть, почти дошла до пятой стадии. И я знаю, что вскоре и вовсе перестану ее корить за случившееся.

Если бы все текло так же хорошо, как это, то можно было бы смело сказать, что я всем довольна. Вот только подготовка к проекту с Ривзом – огромная ложка, точнее, поварешка дегтя в бочке с медом (*и нет, не наоборот*). Не проходит и дня, если мы с ним не сцепляемся языками в полемике. Он меня терпеть не может, я его терпеть не могу. Какая речь об успешных репетициях тут может вестись?

Мы так и не придумали идею танца. Терки по поводу музыки и стиля – ежедневные спутники. Уже многие сдвинулись с места, мы же в простое. Мистер Сэймор ни во что не вмешивается, так как это только наша проблема, что мы ни-

чего не делаем. Да, чувствую, хорошим это точно не кончится.

Сегодня такой же день, как и все предыдущие. Мы опять поругались с байкером. На этот раз чуть серьезнее. Он обозвал меня перед всеми и ушел из зала, громко хлопнув дверью. В группе уже все привыкли быть свидетелями подобного. Меня даже забавит, что я его вывожу. Знаю, что иногда он хочет врезать мне за очередную колкость, и лишь неизменный устав: бить женщину – плохо, останавливает его. А может, он просто не хочет делать этого перед всеми.

– Ты что, больная? – Я подхожу в упор к занозе Уэлш.

Она меня раздражает не так сильно, как Ривз, но, кажется, я готова вырвать пару рыжих локонов с ее тупой головы всякий раз, когда она встревает в мое пространство.

– Больная? Почему ты так решила? – пискляво спрашивает она.

– Потому что ты все время ржешь тогда, когда этого делать не полагается. Неконтролируемый смех может быть признаком проблем со здоровьем. Проверься.

Уже тошнит от этого противно визгливого, как у чихуахуа лай, хохота.

– Знаешь что? – Она начинает пыхтеть от злости, собираясь выдать очередную глупость.

– Я бы выслушала все твои возмущения, если бы мне было не все равно. Уволь от своих детских ответов.

Не давая ей раскрыть рта, я забираю свои вещи и поки-

даю зал под пристальные взгляды одноклассников. Репетиция все равно сорвана. Лучше уж оставшееся время провести с пользой.

Я дала себе обещание, что хотя бы раз в неделю буду приезжать к семье, чтобы навестить. Все-таки приятно, когда тебя рады видеть! Приятно заходить в дом, зная, что тебя с нетерпением ждут.

И этот вечер я провела за теплой беседой и прекрасным сытным ужином. Я порадовалась за Ив, когда она похвасталась главной ролью в школьной постановке, приуроченной ко Дню благодарения. Признательно обняла миссис Данн, приготовившую вкуснейший мясной рулет. Поздравила папу с очередной удачной сделкой, сулящей миллионы.

Вдоволь наговорившись, я села в машину со счастливым лицом и сладким послевкусием. Тепло от встречи приятно окутало душу и зарядило вдохновением. Моя семья – самая лучшая поддержка и защита от плохих мыслей.

Тем временем телефон сходит с ума от ярких и настойчивых сообщений подружки вернуться домой. По ее словам, вечеринка уже давно началась, и если я не поспешу, то она на меня обидится. А кто же хочет стать обидчиком Камиллы Берк? Правильно, никто!

Грохочущая музыка убивает спокойствие и взрывает уши с первых же секунд появления в квартире. Здесь по меньшей мере человек тридцать и половину из них я вижу впервые.

Все цвета радуги окутывают помещение, задорно прыгая

по потолку и стенам. Повсюду люди. Кто-то уже успел надраться, кто-то в верном направлении к этому. Десятки пар ног избивают паркет, танцуя, как в последний раз. Некоторые сидят за столом, играя в карты на поцелуи. Типичная тусовка.

Заметив свою опоздавшую соседку, Камилла подбегает ко мне и крепко обнимает. Она уже изрядно выпила, поэтому еле стоит на ногах, шатаясь из стороны в сторону, словно маятник.

– Народ, спешите познакомиться с отвязной барышней, моей милашкой Дакотой! – орет она.

Все приветственно вскрикивают, на секунду отвлекшись от своих дел, и поднимают красные стаканчики. Я машу рукой и бегло оглядываюсь по сторонам в попытках найти свободное место, чтобы усадить пьяную, обвисшую на моем плече.

– Берк, ты чего так нажралась-то?

– Коуэн, это вечеринка, здесь и нужно нажираться!

Я аккуратно толкаю ее на диван, и она облокачивается на спину парня в черной толстовке. Когда тот поворачивается, я встречаюсь с его напряженным взглядом.

Ривз.

Только не он!

– Вы совсем охренели! – недовольно возникает он. – Священные хомячки, Берк, это ты...

– Заткнись и лучше пододвинься.

– Что ты сказала?

– Эй, детишки, утихли! – вклинивается Камилла, стараясь потушить искры между нами.

– Я бы хотел послать тебя к черту, но что-то его жалко стало. – Ривз делает пару глотков пива.

Я показываю ему средний палец и ухожу на кухню, чтобы выпить чего-нибудь покрепче. Если «веселье» будет таким, то лучше при этом меньше соображать.

Ко мне подходят люди, чтобы лично познакомиться, и мой слегка опьяненный разум рад этому. Спустя пару часов я знаю здесь каждого. Пускай я не помню и половины имен, но в лицо теперь могу узнать того или иного заинтересовавшего меня типа.

Музыка больше не кажется такой громкой, злость не кажется такой явной. Мне весело. Я действительно давно не развлекалась более-менее прилично: без драк и разбитого имущества.

Потягивая очередной стакан мохито, я сижу в окружении таких же пьяных ребят и почти трезвого Эштона, решившего взять контроль над сегодняшним мероприятием. Мы разговариваем о всякой чепухе, залезшей в одурманенные головы.

Крамер – бывший моей соседки, тоже здесь появился. Черт знает, кто его сюда позвал, но он уже вовсю пристает к какой-то девчонке. Она хочет от него отвязаться, но его мускулистая рука сдерживает ее за талию. Такие типы приходят на вечеринки только с целью заняться сексом со случай-

ными девицами. Его дело, конечно, но только объект он себе выбрал неподходящий. Блондинка, почти прижатая к стене, мягко сказать, напугана.

Вообразив себя спасительницей от наглых придурков, я поднимаюсь и иду прямо к ним.

– Тестостерон, отвянь от нее! Неужели твой маленький, размером с собственными яичками, мозг не понимает, что она хочет послать тебя к черту? – смело говорю я.

Девушка благодарно смотрит на меня. Она боится его, поэтому и не пытается поставить на место. Вот только чего тут бояться? Этого куска мяса?

– Коуэн, не лезь не в свое дело!

– Крамер, я дважды не предупреждаю.

– А то что? – переведя все свое внимания на меня и отпустив "жертву", заинтересованно спрашивает он.

– Хочешь узнать? – Бесцветная ухмылка застывает на моем лице.

Так и чешутся кулаки зарядить ему по морде, но здравый смысл притормаживает желаемое.

– О да, я хочу знать, на что ты способна! Уверен, ты сможешь меня удивить.

На меня словно падает шкаф. Он подходит вплотную, прикасаясь своим громоздким телом. От него пахнет виски и потом. Холодные, как у жабы, пальцы по-собственнически касаются моего плеча. Меня либо сейчас вырвет, либо я впусти агрессию в свои руки.

И мне в голову ничего лучшего не приходит, как толкнуть его назад и зарядить в пах ногой. Он озверело вскрикивает и падает, но сразу же встает, чтобы нанести ответный удар.

Я уже была готова получить пощёчину, как вдруг, откуда не возьмись, перед нами вырастает Ривз и оттягивает убудюка в сторону.

Какого черта он вмешивается?

Уж от кого-кого, а от него я помощи принимать не собираюсь.

Разъяренный, как бычья акула, Крамер неохотно тащится за мной следом в ванную. Вот уж не думал, что буду защищать эту стерву, да еще и от тупого качка. Но он ей чуть не вмазал, а это не хорошо.

– Эй, чувак, ты что творишь? – спрашиваю я.

– Ты видел, как эта дура врезала мне по яйцам?

– Ты заслужил.

– Что?! Ривз, что ты несешь? Уж от тебя такого не ожидал! С каких пор ты защищаешь эту бестию? Ты же сам ее ненавидишь.

– Не твое дело! Больше не подходи к ней. Дошло?

– А-а-а, я понял, хочешь в койку ее сегодня затянуть?

Как же он меня бесит! Но драться я сегодня точно не буду. И так все тело ломит после вчерашней встречи с Лихачами. Они опять приперлись в город, чтобы сцепиться с нами.

– Это у тебя всеми мыслительными процессами занима-

ется член.

– Да ладно, кому ты заливаешь? Несмотря на ядерный характер, фигурка у этой Коуэн что надо! Так бы и попользовался ей.

– Крамер, иди клей кого-нибудь другого. – Я толкаю его на унитаз. – А к ней больше на пушечный выстрел не подходи!

Он лишь невнятно кивает и пытается встать, скидывая полотенца с крючков.

Что может быть хуже пьяного человека? Правильно, пьяная верзила под семь футов ростом.

И вот какого черта я влез? Какое мне до нее дело? Теперь она будет думать, что я на нее запал. Дай бог, чтобы эта девица не вспомнила о моем тупом поступке. Вроде она неплохо выпила...

Нужно валить отсюда. Вечеринки, которые закатывает Берк, раньше мне нравились, но с приходом Коуэн все изменилось. Теперь я чувствую себя неуютно.

Она здесь чужая.

Она встречается с Хантером.

Я ненавижу его, а значит, она автоматически получает ту же реакцию.

Выйдя из шумной квартиры, я встречаюсь у двери лицом к лицу с Дакотой.

Да что ж ты будешь делать!/? Почему она вечно попадается мне на пути?

Она раздраженно вздыхает, сползает по стенке, как капля

по стеклу, и усаживается на пол.

– Еще раз влезешь не в свое дело, и моя нога тоже встретится с твоими яйцами, – холодно констатирует девчонка.

– Какая же ты дура! Если бы не я, то синяк под глазом был бы тебе обеспечен.

– И это не должно тебя волновать.

Она чертовски права! Впервые готов согласиться с каждым ее словом. Я нажимаю на кнопку вызова и жду, когда приедет этот гребанный медленный лифт.

– Я не знаю, зачем вступился. Просто меня в детстве учили защищать девушек. Но, если честно, я жалею, что прислушался этого правила сегодня. Лучше бы тебя подукрасили немного, ты заслуживаешь.

Я слышу тихий смешок.

Повернувшись, меня на секунду выбивает из четких убеждений относительно нее. Дакота, несмотря на боевое настроение, смотрит в пол и поджимает колени к груди. В ее взгляде притаилась необъяснимая тоска. От этого и вправду становится не по себе. Такой я ее еще ни разу не видел.

– Не тебе решать, чего я заслуживаю, а чего нет.

– Ты подружка Хантера – это дает мне полное право так думать. – Трясу головой, сбрасывая мимолетное оцепенение.

Коуэн начинает громко хохотать.

– Какие же вы, байкеры, тупоголовые! Мне дела нет до этого придурка, как и до всех вас – таких же придурков. Находиться рядом с вами – себя не уважать.

– И давно же ты перестала себя уважать?

– Давно, но вовремя спохватилась. Я подружка Хантера.

Ой, умора!

Язвительная насмешка вскоре скрывается за дверью. Она уходит прежде, чем у меня появляется желание узнать подробности.

Эта реакция на мои слова значит, что она не имеет ничего общего с Лихачами? Но как же то, что я ее видел с ними?

Адский кошмар... Яркий сноп света ударяет по глазам и заставляет их слезиться. Режущие лучи солнца, пробивающиеся сквозь шторы, больно проникают сквозь зрачки. Камилла слишком громко делает кофе. Такое ощущение, что к кофемашине подставили микрофон, и этот пищащий звук теперь изводит мою нервную систему.

Надо же так напиться!

Я уже месяца два себе не позволяла подобного и даже успела забыть, что такое жесточайший отходняк.

Я уснула на диване в гостиной? М-да...

– Боец, подъем, нам скоро в универ идти! – довольно резко заявляет подруга. – Как самочувствие?

– Отлично! Только вот духовые инструменты в моей голове военный марш не перестают мусолить. Ты, кстати, вчера тоже пила, но по тебе и не скажешь.

– Я вовремя затормозила, а вот тебя не по-детски понесло. Ты хоть помнишь, что вчера было?

Ой, как мне не нравятся такие вопросы! Обычно это значит, что меня занесло на повороте, причем сразу в кювет.

– Почему ты назвала меня бойцом? – Настороженно таращусь на нее я.

Память сожрал дядюшка алкоголь. Ни черта не помню! Последнее, что сохранилось под коркой, это мое появление в квартире, а дальше провал...

– О, а вот и мой любимый склерозик! – хохочет Кэм. – На, взбодрись.

Она протягивает мне чашку крепкого кофе, и я выпиваю все чуть ли не залпом, несмотря на то, что он довольно горячий.

– Так ты мне расскажешь? – уже более трезво ощущая реальность, спрашиваю я.

– Короче, ты вчера вломила Крамеру по яйцам, за что тебе огромное дружеское спасибо, но потом тебя понесло еще дальше, и ты начала пить как не в себя, за это благодарить тебя не стоит. Жертвой пала моя любимая бутылка дорогого виски... Эх.

– Это та, которую твой отец привез из Шотландии? Прости, я постараюсь достать такую же.

– Да ладно, успокойся. Просто почтим ее память... Потом ты устроила такие дикие танцы, что половину мужского населения чуть ли не тушить нужно было. Это было очень жарко, детка! – Она заговорчески подмигнула. – Эштону даже пришлось вмазать одному утырку, который пытался оприхо-

довать тебя прямо в ванной. Ты кричала, брыкалась, но защититься не могла. К слову, у тебя сильные голосовые связки, дорогуша, именно они тебя и спасли – помощь пришла быстро, тебя и раздеть не успели.

Господи, как же мерзко.

– Это все или еще что-то? – хватаясь за волосы, шепчу я.

– Ну да. Хотя погоди... О, вспомнила! Ты прикинь, тебя Джейден защитил! – довольная, как слон, засияла подруга.

– Что? Ривз? В смысле?

– Когда ты напала на Крамера, Джейд вовремя подоспел и оттащил разъярённого качка. Поверь мне, если бы он этого не сделал, утро ты бы встретила в травмпункте.

Что за чушь? Хоть убейте, ничего такого не помню.

– И зачем же он это сделал?

– Он настоящий мужик, который не допустит, чтобы на девушку поднимали руку, ну или ногу.

– Ишь ты, какой благородный!

– Зря ты так, он реально хороший.

– Плохо ты его знаешь, Берк.

– Ой, кажется, у твоего патефона пластинка заела. Иди-ка ты в душ. Выход через двадцать минут.

М-да... Час от часу не легче. Если все то, что я только что услышала – правда, то мне потребуются объяснения.

Глава 10

Лишь человек не в своем уме пошел бы в покоренном состоянии куда-нибудь, а уж тем более туда, где гремят голоса и громкая музыка. Я мысленно проклиная того, кто придумал алкоголь, хотя, если и винить кого-то, то только себя: это я вышла из-под контроля и не смогла остановиться. Пора заменить тормозную систему, старая поистрепалась.

Все тело болит неизвестно от чего. Во рту сухая пустыня. Глаза чувствительны к свету, как оголенный электрический провод.

Ближайшее время точно ни грамма в рот не залью!

Те, кто был на вечеринке, как-то странно пялятся на меня и, обнимая, тепло здороваются. Я бы сказала, что они ведут себя как мои друзья, а я ведь до сих пор не запомнила их имен.

Что ж, учитывая ситуацию, меня можно простить.

А еще Ривз стоит отрешенно в самом конце зала и прожигает изучающими глазами мое полуживое тело. Так пронзительно, что признаться, это приводит в мимолетный ступор. Мои бледные щеки наливаются краской.

Что ему надо?

В ответ, выражая всю непросвещенность и непонимание, я лишь безмолвно уставляюсь на него, сморщив лоб. Читая в моем взгляде напряжение, он отступает и, про себя что-то

бормоча, поворачивается к окну.

Половину занятия я пытаюсь хоть как-то мобилизовать остатки своих сил, чтобы приступить к разминке. Каждое движение кажется угрозой опорно-двигательному аппарату: еще пару шагов и я вот-вот грохнусь. Хорошо, что мистер Сэймор дал нам свободный час, мы должны продолжить разрабатывать план выпускного проекта.

Все этим и занялись, кроме двоих в зале: я безуспешно стараюсь разогреть мышцы, а Джейден тупо смотрит в окно и разговаривает с кем-то по телефону уже около получаса.

Я могла вчера ему что-то ляпнуть?

Зная себя, уверена, что могла. Вот только что? Вид у него не особо боевой, обычно он с полным баком раздражения вымещает на мне свою неприязнь, а сегодня вообще молчит и двусмысленно тарашится. Такое ощущение, что вчера между нами произошло нечто такое, что решило исход дела в неизвестно чью пользу.

Необходимо во всем разобраться, поэтому я, собрав весь свой полумертвый запал, подхожу к нему.

– Ривз, я не помню, что вчера было, поэтому мог бы ты объяснить свое непонятное поведение?

Он медленно оборачивается, засовывая смартфон в карман, и уже брезгливо осматривает меня с ног до головы, словно я приперлась в универ в костюме трансвестита.

– А что значит «непонятное поведение» в твоём представлении?

– Ты что, еврей? – Скрещиваю руки на груди.

– А ты имеешь что-то против них?

– Не будь идиотом!

– Не будь душой!

Ну вот, опять мы орем друг на друга, как старые сварливые супруги, прожившие в браке пятьдесят лет.

Так у меня сил не хватит, если я начну препираться.

– Окей, ты можешь ответить на вопрос? – стараясь сохранить самообладание и вдохнув в легкие как можно больше кислорода, продолжаю я.

По нему видно, что он тоже пытается сдержаться и не рывкнуть очередную гадость, поэтому следующую минуту пытается собраться с мыслями.

– Я должен извиниться за то, что вчера обозвал тебя на занятиях, – неожиданно выдает он.

От кого угодно готова услышать это, но не от него... И почему Ривз решил вспомнить именно вчерашнюю утреннюю перепалку?

– Ты оскорбил меня при всех, назвал эгоцентричной тварью, которая жрет человеческие души на завтрак...

– ... извини.

– И это все?

– А что я должен сказать? Что это все есть неправда?

Да, просят прощения обычно не так, но это же Ривз.

– Тогда зачем извиняешься?

– Потому что это услышало много ушей.

– Тебя это волнует?

Он отмахивается рукой, таким образом посылая меня куда подальше, и переходит к другому окну. Я привыкла читать мысли подобных ему людей с первого же раза, но, признаться честно, этот парень является для меня наглухо закрытой книгой.

– Мы не договорили! – следуя за ним, я продолжаю пилить мозг.

– Слушай, чего тебе нужно?!

– Я просто хочу знать, что произошло. Что я тебе вчера сказала?

В его глазах показалось облегчение. Как будто все это время он боялся чего-то услышать от меня.

Чего?!

– Ничего ты мне вчера не сказала. Мы и не разговаривали вообще.

– Тогда зачем извиняться? За это время ты сотни раз обливал меня помоями при всех, но ни разу и рта не раскрыл, чтобы сказать чего-то подобного. Я не отстану от тебя, пока не пойму.

– Как же ты достала, Коуэн! – Он подпрыгивает с места, но я крепкой хваткой задерживаю его, оттягивая футболку.

– Говори! Что вчера было? Я переспала с тобой?!

Джейден сначала вылупляется на меня в неприкрытом удивлении, а потом как начнет смеяться. Мое подбитое состояние его за это отнюдь не благодарит. Колокольный шум

тут же бьет по мозгам.

– Я с тобой даже за деньги в постель не лягу.

– Это взаимно, дорогой.

– Короче, похоже, многое, что я о тебе думал, оказалась не совсем верным. – Он смотрит на мою руку, вцепившуюся в его футболку, и я отступаю. – В общем, я попросил прощения? Попросил. Моя совесть чиста. А приняла ты это или нет – не моя забота. Занятие окончено.

Он выходит из зала как раз под звонок вместе с другими, оставляя меня в еще более запутанном положении.

Определённо, вчера я что-то сказала...

Уже конец октября, а наш номер так и не записан в листке заявок. Сэймор дал нам пару дней, чтобы я и Коуэн решили эту проблему! Мы единственные, кто за три недели ничего не сделал. У нас нет ни задумки, ни графика репетиций. Все это время мы потратили на выяснения отношений. Если бы способность бесить была видом спорта, то Дакота получила бы все медали. Но если я хочу окончить университет, мне придется прогнуться и все-таки стать ее партнером.

Я узнал, что она больше не якшается с Лихачами, поэтому особых препятствий к временному перемирию быть не должно. С ее стервозностью следует смириться и постараться пореже открывать рот, чтобы не наткнуться на скандал, но, думаю, я справлюсь. И не с такими дела имел.

Что я терпеть не могу в этом доме, так этот медленный

лифт. Мало того, что он едет с самой минимальной скоростью, так еще и ждать, чтобы его двери распахнулись на моем этаже, нужно чуть ли не вечность. Так я точно опоздаю на занятия!

И вот, когда наконец эта кляча доезжает, разинув свое железное жерло, передо мной показывается небезызвестная Дакота Коуэн во плоти. Около месяца мне удавалась с ней здесь не сталкиваться.

Я бы не стал заходить, если бы время не поджимало. Бесшумно ухмыляюсь, а сам чувствую, что поездка будет веселенькой.

Темноволосая раскрывает рот в немом удивлении, видимо, не ожидая меня здесь завидеть. Ее напряжение можно преобразовать в энергию, способную опустить этот лифт на первый этаж.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает она, стараясь быть невозмутимой.

– Еду вниз. Ну а вообще я здесь живу. Тебе ли об этом не знать.

Кажется, совсем забыв, что я привез ее сюда после того, как она кинулась мне под колеса, Дакота притихает. Да, эта особа очень странная. Если вспомнить все наши давние встречи, то такое заключение для нее становится самым точным. Я помню, в каком неуравновешенном состоянии она была, когда на дороге месила мою грудь кулаками и ревела.

Коуэн явно больше скрывает за своей толстокожей стер-

возностью... Я поначалу думал, что она просто избалованный ребенок богатых родителей, но, как позже оказалось, мать ее покончила жизнь самоубийством.

Может, это и стало причиной ее идиотского поведения?

Впрочем, это не мое дело.

Так вот, что это за чувство дежавю было! Вот это веселые повороты! Сказка какая-то.

Теперь Ривз еще и сосед. Прекрасно! Он повсюду, где бы я ни была: в университете, возле Лихачей, а теперь и дома. Как-то слишком много общего набралось. Любая девчонка была бы этому только рада, ведь вполне красивый спортивный парень часто попадает на глаза. Но я-то знаю, кого он из себя представляет. Всех байкеров, которых я знала, можно приписать к одному уже известному определению – тупиц и преступников. От такого я хочу держаться подальше, но судьба думает по-другому и сводит меня с ним постоянно.

Хантер до сих пор еще пишет и просит встретиться. Я просто игнорирую это, но все равно как-то неприятно. Нужно занести его в черный список. Хочу забыть это все! Но какой же успех меня ждет, если рядом один из представителей темных улиц и вонючих забегаловок?

– Опаздываешь? – спустя минуту молчаливой конфронтации спрашивает он, когда мы проезжаем пятнадцатый этаж.

– Как и ты.

– Сэймор нас прикончит.

С каких пор мы начали вести подобные беседы?

– Только не говори, что тебя это парит.

– Нет, просто к слову сказал.

– Зачем?! Я не требую к себе внимания, а уж тем более поддержания разговора в таких ситуациях. Мы можем просто молчать. Думаю, это устроит всех.

Джейден не отвечает, и остаток пути мы проводим в своих мыслях. Я смотрю на электронный дисплей лифта, отсчитывающий этажи.

Пятый.

Четвертый.

Третий.

Господи, как же долго он спускается!

Второй.

Здесь слишком душно.

Твою ж макаронину!

Первый!

Аллилуйя!

Когда дверь открывается, я, подобно заведенной игрушке, готова выбежать из железной коробки, но этого не происходит – меня хватают за руку. Я по инерции вписываюсь спиной в стенку кабины.

Ривз стоит у прохода, задерживая своими клешнями створки, чтобы те не закрылись. Во мне тут же закипает смесь злости и недоумения. Но первая эмоция стремительно затихает, услышав напористую и серьезную нотку байкер-

ского голоса:

– Послушай меня сейчас внимательно! Я точно так же, как и ты, не рад, что нас поставили в пару, но если уж такое случилось, то придется адаптироваться. Предлагаю нейтралитет: мы начнем работать над проектом, и это станут единственными отношения, связывающие нас. Я не хочу завалить выпускной курс, уверен, ты тоже, поэтому давай соберемся и приступим к делу!

Надо же! У меня точно нет проблем со слухом или Ривз предложил сотрудничество?! О-о-о, в какой-нибудь пустыне точно пошел снег.

Я прячу свою колкость. Он прав, прошло и так много времени, а мы не сдвинулись с мертвой точки. Придется наступить себе на горло и согласиться.

– Давай приступим к делу, только не здесь, а в зале. И выпусти меня отсюда!

Прежде чем освободить проход, он смотрит на меня очень подозрительно... Не видела я, чтобы в его глазах читалось удовлетворение. По крайней мере, когда он находился рядом со мной.

Мою машину, непредусмотрительно поставленную не на подземную парковку, со всех сторон подперли чьи-то развалюхи. Ну и какого черта я вчера не вернула ее на место?! Твою мать, теперь я точно опоздаю!

Мимо меня проезжает байкер и буквально на мгновение притормаживает, но потом нажимает на газ и исчезает из по-

ля зрения.

Зараза!

Даже не предложил подвезти. Хотя, я бы и не села, наверное. Нейтралитет коснулся только университета... Как и договаривались.

– Я рад, что вы смогли договориться! – Довольный хореограф смотрит на нас. – Зал будет свободен только к семи, вы сами виноваты, что тянули и не выкроили себе лучшего времени.

Мы с Ривзом переглядываемся и неуверенно киваем. Никто из нас не хотел бы проводить здесь вечера вдвоем, но выбора нет. Мы и так отстаем ото всех, придется набирать сразу бешеные обороты.

– В семь встречаемся здесь, – сухо говорит он и уходит из зала.

Сегодня, как и договаривались, мы не выясняли отношения. Камилла даже подумала, что мы все-таки подружились.

Ага, как бы ни так!

К слову, у нее с Эштоном уже давно готов замысел номера, и они успешно его воплощают в реальность.

Чувствую себя отсталой. Никогда в жизни меня еще не посещало это ощущение. Моя мертвая мать в гробу переворачивается, хотя, думаю, это не первые ее кульбиты. До того, как я вернулась к нормальному существованию, ее, наверное, трясло не по-детски.

– Даки, ты идешь? – спрашивает подруга, когда кроме нас в зале никого не остается.

– Да, к тебе в кафе?

– Ага, угощу вас с Гриффом чем-нибудь.

Прошло буквально два месяца, а все так изменилось... У меня появились друзья, вернулась вера в будущее, я воссоединилась с семьей. А всего-то нужно было отпустить злость, убить ее в себе. Реабилитация была слишком долгой и чересчур болезненной, но она закончилась, а я выздоровела. Стоит ли благодарить ту незнакомку у моста Бенджамина Франклина или ужасную ситуацию, чуть не забравшую моего отца? Я не знаю... Но в любом случае я рада, что все наладилось. За это пришлось заплатить, но ничто в этом мире не бывает даром. И об этом нужно помнить всякий раз, когда сбиваешься с пути.

– Слушай, Эш, а как вы с Кэм подружились? – сидя за столиком в «Хорошей Карме», спрашиваю я друга.

– В мире нашлась только одна сумасшедшая девка, у которой в холодильнике вместо еды лежали пачки с презервативами. Я думал, что один такой.

Ну, это бы были не мои друзья, если бы ответ был более предсказуемым.

– На первом курсе универа мы очень хорошо сблизились, – продолжает он. – Ты только не подумай, что у нас с ней что-то было. Не приведи Господь! Мы бы поубивали друг друга сразу же. Скорее, мы как брат и сестра. У нас

очень похожие привычки, характеры, это и помогло сдружиться.

– Прикольно, а вот у меня кроме вас никого и не осталось... – Хмурю я брови.

– Что, совсем?

– Совсем. Все мои друзья в Нью-Йорке... – Я вспомнила каждого, с кем дружила, доброй грустью. – Ну, в общем, я сама всех оттолкнула, тогда мне было не до них.

– Конечно же! Тебя можно понять. Только вот уясни, что настоящий друг никогда не уйдет в трудные времена, как бы ты его не пинала ногами. Так что, девочка, если вздумаешь опять взбеситься, мы от тебя не отлипнем! Будем ругаться, может, драться, но в дерьмо ты не вступишь.

– Эштон, ты еще не знаешь, какой я могу быть стервой...

– Дакота, ты еще не знаешь, каким я могу быть мудаком!

Мы смеемся и ударяемся стаканами сока.

Вот что значит полное взаимопонимание, его-то мне и не хватало. Я рада, что нашла его в двух безумных, но самых лучших друзьях на свете.

– В чем причина такой чистой радости? – Камилла появляется со стаканом фраппе (5).

– Твою дивизию, что за извращение над нормальным кофе ты принесла? – Гриффин брезгливо смотрит на поднос.

– Дурак, ты попробуй.

– Ты же знаешь, что я люблю обычный черный крепкий кофе без сахара?

– Пей! – настойчиво повторяет она.

Друг кривится, но все-таки берет стакан и делает пару глотков.

– Фу, больше никогда не экспериментируй! – заявляет он и громко ставит емкость на стол.

Камилла начинает ехидно смеяться и кричит бариста за стойкой:

– Видишь, Майлз, это помои!

Молодой паренек, видно совсем еще зелененький в делах кофеварения, сразу же покрывается испариной.

– Ты что, решила поиздеваться над новичком? – спрашиваю я.

– Я решила его проучить. Он пичкает людей всяким дерьмом, но никто ему этого так и не сказал.

– Борешься за справедливость?

– А кто, если не я? Ладно, сейчас принесу чего-нибудь нормального!

И вот с этой сумасшедшей я живу?!

Мне нравится.

Я смотрю на заблокированный экран телефона. Близится шестое ноября, а это значит, что скоро мой день рождения. В прошлом году я пропустила это событие. Ну, как сказать, пропустила... Я пропила его в баре. Поставила на уши Блэк Кэт так, что одному из посетителей пришлось вызывать копов, дабы усмирить драку, зачиненную мной. Подобных подвигов, клянусь, повторять больше не собираюсь, но вот от

празднования отказаться не допускается возможным.

Отец уже поставил меня перед фактом, что соберет целый прием в честь моего двадцатидвухлетия. А это значит, что меня ждут скучные богатые снобы в шикарном зале какого-нибудь ресторана или отеля.

– Ребята, у меня есть важная новость! – когда Кэм снова появляется у нашего столика, вздыхаю я.

– Только не говори, что ты беременная! – сразу же перебивает меня она.

– Тормоза включи, подруга! – Кручу пальцем у виска. – В общем, я приглашаю вас на свой день рождения через неделю.

Друзья тут же радостно вскрикивают, предвкушая тусовку.

– О-о-о, позволь мне помочь устроить праздник, ну пожалуйста! – Берк тут же состроила щенячьи глазки.

– За это уже принялся мой отец и его помощники. – Пожимаю плечами я.

– Фу-у-у, только не говори, что нам придется надеть приличные костюмы! – недовольно заявляет Эштон.

– Именно, господа!

– Только не это...

– Ну ты же сам говорил, что настоящий друг в беде не бросит.

– Я имел в виду совсем не это.

– А разве есть ограничения?

– Нет, – вздыхает он.

– Ну, вот и договорились!

– Да ладно тебе, Грифф, что ты как плешивый дед?! Надеюсь, там будут молодые красавчики?

– Думаю, да. – Подмигиваю я подруге.

– Тогда мы идем покорять элиту Филадельфии!

5. Кофе фраппе – покрытый молочной пеной холодный кофейный напиток греческого происхождения.

Глава 11

Не сводя взгляда с зеркала, я плавно двигаюсь по паркету и взмываю вверх, выпуская руки в стороны. За спиной вырастают крылья. Легкость, уверенность, контроль себя до кончиков пальцев течет по артериям, словно кровь, насыщенная кислородом.

Как приятно танцевать, когда рядом никого нет! Тело вместе с душой получает карт-бланш, можно выразить все свои мысли, и никто их не прочтет. Есть возможность вспомнить, каким может быть счастье делать то, что нравится. Я люблю танцевать и всегда любила, так же как любила свою маму. Именно она открыла передо мной двери в новый, удивительный мир хореографии...

Но сейчас, когда я танцую, то больше не слышу, как раньше, ее голоса, смеха, не вижу ее карих глаз и родинки над губой. Я забываю ту щемящую боль, принесенную ее уходом. Я забываю, что она покоится под землей на кладбище Грин-Вуд. Ассоциаций с ней больше не зарождает каждое движение. Я простила ее, я приняла ее решение. Я больше не злюсь, меня окончательно отпустило. Пятая стадия все-таки случилась.

Я видел, на что способна Коуэн в танце. Как бы она меня не раздражала, но то, как она двигается, доставляет эстети-

ческое удовольствие. Я появился в университете за полчаса до начала, чтобы размяться, но она меня опередила. Теперь я неизвестно почему не решаюсь зайти в зал, застыв у двери и пялясь на ее грациозное тело и невероятную пластику.

Черт возьми, она сексуальная! В этом коротком топе и обтягивающих лосинах она похожа на недостижимую мечту подростка.

Твою мать, неужели она мне нравится? Дьявол бы побрал эту чертовку! Что со мной произошло? С каких пор я перестал видеть в ней истеричку и избалованную дуру?

Найдя в себе остатки храбрости, которая непонятно куда решила свалить, я бесцеремонно заваливаюсь в зал и, не поздоровавшись, кидаю сумку с формой на подоконник.

– И тебе привет, Ривз, – усаживаясь на пол, недовольно заявляет она.

– Опустим приличия и приступим к делу!

– И это он мне говорил о базовых правилах хорошего тона...

Я лишь ухмыляюсь. Она помнит наш самый первый разговор!

– Что ты делаешь? – спрашивает она, когда я начинаю стягивать с себя штаны.

– Я всегда переодеваюсь по-быстрому в зале, так что не думай, что ты станешь препятствием.

– Действительно, чего я там не видела?!

Она встает напротив меня, смыкая руки на груди, и начи-

нает глазеть на мои голые ноги. Становится не по себе. Не то чтобы я застеснялся, просто стоять в одних трусах перед девушкой я привык при других обстоятельствах.

Она, похоже, решила меня проучить. Вот зараза! Метаться поздно, сам эту кашу заварил.

– Ну что ж, раз так, то ты будешь не против?

Ривз поднимается со скамейки так, словно он самый что ни на есть альфа-самец и стягивает с себя футболку. Его сильные, укрепленные внушительными мышцами, руки и накаченный пресс заставляют нервно сглотнуть слюну. Сама уже не рада, что пошла на все это. Этот бес довольно симпатичный. Его необузданная смелость и дерзость действует на меня помутняюще.

Он прекращает копаться в сумке и поворачивается. От этого безотрывного взгляда меня кидает то в жар, то в холод. Я не первый раз вижу мужчин почти без одежды, да и голых тоже лицезреть приходилось, но я еще никогда не испытывала подобных чувств.

Он что, нравится мне?

М-да, собрание тупых мыслей в полном составе.

Стоп, стоп, стоп, Коуэн! Нужно быть полной идиоткой, чтобы так думать. Не смей, слышишь, не смей! Вспомни то время, когда вы не ладили друг с другом, разозлись, отвернулись, сделай хоть что-нибудь, но больше не допускай желаний видеть в нем привлекательного парня. Мы с ним никогда

не будем вместе даже в качестве друзей. Он плохой. Он преступник и дебошир. Я перестану себя уважать, если ввяжусь в уже знакомую историю. С меня и Хантера хватило, чтобы понять, в какой куче навоза я побывала.

– Я за водой схожу, – наконец заговариваю я, прервав молчаливый зрительный контакт с байкером.

Слава богу, она ушла. Мне нужно хоть пару минут, чтобы привести свои мысли в порядок.

Что это было только что?

Какого лешего я посмотрел на нее? И какого лешего мне понравилось смотреть на нее? Пусть она и не имеет никакого отношения к Лихачам, она не должна подкрасться к моему сердцу. В моей жизни было много девушек, но ни одна из них не заставила почувствовать всем известного трепета в груди. И Коуэн не вынудит меня распустить сопли.

Лучше бы мы орали друг на друга, честное слово.

Гребанный Сэймор, будь ты проклят.

Я почему-то вспоминаю нашу первую встречу на дороге. Она так отчаянно сопротивлялась помощи, что начала меня бить. Когда я смог увидеть ее заплаканное лицо, мне почему-то захотелось прижать эту девчонку к своей груди и успокоить, вместо того чтобы наорать за то, что она кидается под колеса. Я почувствовал всю боль, которая жила в ее сердце.

Но на утро я увидел совсем другого человека – стерву. В ее голосе, поведении сквозили замашки гадюки. И когда я

снова встретился с ней на стоянке бара, то лишний раз убедился в ее ядовитости. Но теперь я знаю, что яд – это всего лишь защитная реакция.

– Боже, какого черта ты все еще в трусах? Что сложного в том, чтобы надеть эти долбаные штаны? Ноги не влазят, или проблема обрела значительную масштабность? – Заявляется Дакота с бутылкой воды. – Я сюда пришла поглазеть на статую Давида на минималках или репетировать? Оставь первое для кого-нибудь другого!

Я мигом возвращаюсь в реальность и надеваю тренировочное трико.

Выхожу в центр зала.

– Ты ничего не забыл? – глядя на мой голый торс, спрашивает она.

– Я люблю танцевать без футболки, смирись.

– Как хорошо, что не совсем без одежды!

– Это тоже, но ты не тот партнер.

– Я буду благодарить небеса за это.

Опять она препирается! Вот вечно так: не было и одного раза, чтобы она не ответила колкостью. Колючий кактус скрывается под ее миловидно внешностью, но я тоже не промах. И скоро она об этом узнает!

– Давай сразу расставим позиции! Я не собираюсь терять время на азы, так что если ты чего-то не поймешь – твои проблемы. Наш проект обязан заставить зрителей офигеть от восхищения. Движения должны быть сложными и напол-

ненными, история должна заинтересовать не только мистера Сэймора, но еще и нас. Вот тогда из этого всего выйдет толк.

Коуэн так уверенно и заносчиво это выдала, что мне волей-неволей захотелось прислушаться.

– Ты думаешь, что если пришла сюда из Джулиарда, то здесь тебе нет равных?

– Я такого не говорила, это только твои предположения... М-м-м, пожалуй, вполне обоснованные.

– Детка, я в танцах с самого детства, поэтому не задирай свой гордый нос. Я два года прожил во Франции и учился в самой лучшей танцевальной академии, так что тебе вполне могу составить конкуренцию.

– Как жалко, что ты там не остался, детка! – делая упор на последнем слове, язвит она.

– А ты не представляешь, как жалко мне!

– Давай каждый будет жалеть в другом месте, и приступим уже, наконец!

– Идеи? – соглашаюсь с ее предложением.

– Есть одна.

– Слушаю.

– Можешь даже записать, а то вдруг твой неповоротливый мозг что-то упустит.

Ух и острый же язык! Ей следует его прикусить... Как бы мне хотелось шлепнуть раз по ее заднице, чтобы она заткнулась!

Так, Ривз, прекрати выдавать фантазии своего «непово-

ротливого мозга».

– Я думаю, мы могли бы взять за основу джаз-модерн со сложнейшими поддержками, которым здесь не учат. Может получиться весьма интересная история.

– А что-нибудь еще более девчачьего твоя голова придумать не могла?

– Это балет без правил, идиот! Ты хочешь тупо пойти по классике?

– А почему нет?

– Это скучно! Сэймор сам сказал, что мы можем все менять. Или ты боишься? – смирив меня презренным взглядом, резко спрашивает она.

– Я ничего не боюсь.

– Тогда какого дьявола препираешься?

Еще одно слово, и я сорвусь. Почему в одну секунду мне хочется прижать ее к стенке, а в другую оттолкнуть? Сколько же дерзости в нее помещается? Но себе не соврать: мне нравится такой контраст.

Откуда такие резкие перемены? Мне кажется, или я делаю шаг в сторону от ненависти до... Фак!

– Сможешь выполнять сложные поддержки?

Она поднимается со скамейки и идет к центру зала настолько плавной походкой, что я ловлю себя на том, как тащусь на ее пятую точку.

– Сомневаешься?

– Ривз, это просто вопрос! Хочу быть уверенной, что не

полечу вниз головой. Перспектива провести время в травмпункте из-за твоего «Сомневаешься» мне не улыбается.

Вместо ответа я подхожу ближе, крепко хватаю за талию и поднимаю, взвизгивающую от неожиданности Коуэн, вверх. Чтобы она убедилась в надежности моей поддержки, начинаю кружить ее и перемещать в разные стороны, подкидывая легкое тельце над собой.

– Пока ты со мной, тебе не следует бояться падения, – уверенно шепчу я ей прямо в ухо.

От нее пахнет чем-то мятным и яблочным. Этот запах наполняет легкие, становясь необъяснимо жизненно-важным кислородом. Это и пугает и приводит в состояние блаженной эйфории одновременно. Моя крыша сейчас полетит к чертям собачьим! Появляется предательское желание облизать ее кожу, впиться губами в ее рот. Все предрассудки относительно темноволосой бестии идут ко дну.

He-e-e-t, только не это.

Она выводит меня из строя с каждой секундой тесного контакта. Взгляд каре-зеленых глаз, в которых сейчас больше изумрудных оттенков, испуганно-предвкушающе скользит по моему лицу, останавливаясь на пересохших от небывалого перевозбуждения, губах.

Должна согласиться, Ривз действительно сильный, и в его руках я точно никогда не окажусь на полу. Я ни в ком еще так не была уверена, как в нем.

Но почему же?

Кажется, что его пальцы, крепко держащие мою талию, прицельно прожигают кожу. И жжение не болезненное, а до смерти приятное. Сердце начинает биться сильнее от эмоций, которых никто не ждал, от которых следует бежать куда подальше. Он действительно меня привлекает, и об этом твердит каждая клетка. Все мое естество в эту минуту желает, чтобы его прикосновения не заканчивались. А это значит только одно: он реально мне нравится.

Джейден притягивает меня к себе. Голова кружится, чувства смешиваются. Он так близко. Я вижу в его взгляде увлечение и интерес. И что-то мне подсказывает, что не только я сегодня облажалась, узнав о своем неожиданно искреннем отношении.

Секунды проваливаются в отражении его магнитных глаз. Он все-таки такой красивый!

Красивый, но засранец.

Нечем дышать, кажется, из меня выпустили весь воздух, и я вот-вот грохнусь ему в руки. Я не знаю, что сейчас произойдет. Правда не знаю! Но у меня нет сил, чтобы сопротивляться любому исходу такой близости. Здравый разум купил билет в один конец и решил не возвращаться, судя по всему.

Ривз прикасается тонкими длинными пальцами, как у пианиста, к моему лицу. Заправляет волосы за ухо. И смотрит, смотрит, смотрит, гипнотизируя. Он наклоняется к моим губам, и я уже чувствую искрометный жар дыхания на них. Все

проваливается, все с грохотом рассыпается прямо на глазах!
Если он меня поцелует, то я отвечу.

Предательски отвечу.

Легкое касание едва уловимо, но и его хватает, чтобы все органы перевернулись. Если это сумасшествие, то я душевнобольная.

И только-только мы были готовы слиться в поцелуе, как меня что-то настойчиво бьет изнутри чуть ли не током, и я отталкиваю байкера от себя. С мгновение мы оба не понимаем, что происходит, но в следующее все проясняется: мы поддались коварному чувству мнимой интимности, случаящейся, когда люди прикасаются друг к другу. Договорившись не ругаться и начать вместе работать, мы разрушили один из каменных барьеров между нашими границами. И тупая симпатия тут же решила появиться, ведь два вполне привлекательных человека оказались наедине. Почему же не возникнуть, верно?

Нет, не бывать этому! Никакого продолжения. Минус на минус дает плюс только в математике.

Я резко хватаю свою тренировочную сумку и выхожу из зала, говоря лишь одно:

– Завтра в семь часов жду тебя на репетиции.

Уже около недели я стараюсь не ляпнуть лишнего слова или не сделать необдуманного движения, находясь рядом с Ривзом. Мы оба прикинулись, что ничего не произошло, по-

этому наши репетиции теперь проходят настолько неловко, что поневоле напрашивается сравнение первого секса двух девственников.

В нашей пластике никаких чувств, мы, словно роботы, повторяем одну и ту же сухую и безэмоциональную хореографию. На такое зрелище без слез не взглянешь, но делать нечего – я не могу требовать от него раскрепощения, потому что знаю, к чему это приведет. Поэтому становлюсь заложницей ситуации и постоянно злюсь. Мы опять ругаемся, как в старые незабытые времена. Но только эта перебранка больше никакого удовольствия не доставляет. Тупик.

– Ну, ты готова? – Камилла в голубом вечернем платье появляется в моей комнате. – Господи, ты же даже еще не одета! Виновница торжества немного опоздает, просим прощения, высокопоставленные снобы и молодые красавчики! Давай уже зачехляйся.

– Так вот зачем ты меня так подгоняешь?! Тебе не терпится познакомиться с каким-нибудь красавчиком?

– Как ты могла такое подумать, подружка? – драматично закатывая глаза, спрашивает она. – И в мыслях не было!

Распускаю волосы и надеваю красное шелковое платье в пол с открытой спиной. Уже давненько я не облачалась в представительницу высшего общества. Последний прием, на котором я была, закончился скандалом с отцом. И теперь я чувствую вину за это, я не имела права так поступать.

Больше я не испорчу праздника, каким бы не было у меня

настроение...

– Выглядишь замечательно, как и полагается девушке в твоём положении. Кстати, мы с Эштоном тебе еще один подарочек приготовили, так что не планируй вернуться домой и залечь в кровать!

– Что? Опять вечеринка? Кэм...

– Эй, я разве сказала что-то подобное?!

– Мне и так понравились серьги, которые вы мне вручили сегодня утром, а большего и не надо, – показывая на небольшие золотые колечки на мочках, говорю я.

– Да-а-а, мы прямо к платью подгадали. Какие же мы молодцы!

– Бесспорно! Давно спросить хотела... Как так случилось, что Ривз и ты живете в одном доме?

– Джейд, как перевелся в наш универ, спросил у меня, где можно снять апартаменты, вот я и посоветовала ему это место. А что?

– Просто уж слишком странно, что наши с ним дороги часто пересекаются... – про себя бубню я.

– И насколько часто?

– Мы будем разговаривать или все-таки пойдем праздновать мой день рождения, Берк?

Двери одного из самых дорогих ресторанов Филадельфии сегодня распахнулись для всех представителей с толстыми кошельками и их спутников. Я привыкла к тому, что все значительные события обычно протекают именно так. Это обя-

зательная процедура для богатеньких людей, хочешь-не хочешь, а присутствовать надо. Именно на таких мероприятиях заворачивается большинство сделок, так что день рождения – это всего лишь повод и по-настоящему радуются ему немногие.

Но и из этого можно урвать хоть что-то положительное: встреча с родственниками, друзьями семьи, которых видишь несколько раз в год. Все-таки хотелось бы увидеть парочку таких людей. Я совершенно искренне скучала по бабушке и дедушке... Мне стоит попросить прощение за то, что целый год я им не звонила, да и вообще вела себя, мягко говоря, не очень.

Мы с друзьями появляемся у входа в ресторан чуть позже семи вечера. Эштон в смокинге похож на хохлатого пингвина со своей пышной шевелюрой. Он всем своим видом показывает, как ему хочется раздеться.

Я лишь поправляю его съехавшую бабочку и скрываю улыбку.

– Ну давай, Коуэн, смейся! Не держи в себе, я же вижу, как тебе хочется выплеснуться! – обидчиво говорит он.

– Грифф, потерпи, родной! Это ненадолго, обещаю. Просто, когда вы здесь, мне намного комфортнее.

– Ты сегодня именинница, поэтому я сдержу свой недобрый порыв.

– И я тебя люблю.

– А я вас всех люблю! – Довольная Камилла обнимает нас

и достает телефон, чтобы сделать селфи. – Ну-ка, улыбаемся и говорим: «Пошло все к черту».

– Пошло все к черту! – хором повторяем мы и строим смешные рожицы.

Глава 12

Папа размахнулся не на шутку! Помпезное украшение ресторана в нежно-белых тонах, ненавязчивый шум разговоров вперемешку с живой музыкой джазового оркестра. Здесь все наполнено струящимся теплым светом и свежим воздухом.

Фонтаны шампанского, ручки фуршетных столов, и это только в фойе! Представляю, что меня ждет в главном зале. Тут даже если не захочешь, почувствуешь себя королевой.

– Офигеть, кажется, я попала в сказку! – Искрится восторгом Кэм.

– А сколько здесь милых принцесс! – добавляет Эш, не скрывая интереса к местным дамам.

– Ага, только на тебя ни одна не взглянет. Кому будет интересен мальчик, у которого нет приличного состояния?

– Ну они же об этом не знают, Берк! Дакота, если что, я твой друг, у которого солидная должность в какой-нибудь процветающей компании.

– Да, Грифф, если что, ты мой друг...

– Солидная должность курьера. – Блондинка строит смешную рожицу

– Да ну тебя! Все, я пошел.

– Стоять! – резко заявляю я. – Для начала я познакомлю тебя с папой.

– Однажды я уже это слышал, и, признаться честно, исто-

рия вышла не совсем удачная. Я должен вести себя прилично?

– Будь собой.

– Ну это я могу.

Отец, не заставляя себя ждать, отрывается от разговора с очередной богатой «скважиной» и сразу же появляется перед нами в шикарнейшем черном костюме. Он не привык по-другому, а я не привыкла его видеть в чем-то другом. Он один из тех типов людей, кто даже дома не ходит в спортивных штанах и тапочках.

– Милая моя, ну наконец-то! – кидаясь в объятия, весело голосит он. – Я тебя уже сегодня утром поздравлял, но никак не могу остановиться, поэтому с днем рождения, родная!

Я обнимаю его, вдыхая шипровый аромат несменной туалетной воды и искренне улыбаюсь.

– Спасибо, пап! Тебя тоже с праздничком. Меня бы и не было, если бы не ты.

– Мистер Коуэн, вы нам расскажете, какой была Дакота, когда только-только делала свои первые шажочки на таких тоненьких розовеньких ножках? – Камилла опять врубила свой сарказм на полную мощность.

– Да, она была такой маленькой, такой любознательной и беззащитной, а эти щечки...

Эш первый не выдерживает и начинает ржать, как степной жеребец. Кэм, еле сдерживая ту же реакцию, толкает его в бок.

– Ага, понял! Это вы так шутите теперь! – Отец и сам смеется.

– Кстати, знакомься, папа, это Эштон Гриффин – мой друг, ну а Камиллу ты уже знаешь.

– Здравствуйте, мистер Коуэн! – Все еще красный товарищ старается сделать серьезное лицо.

– Я рад, что у моей дочери такие позитивные друзья!

– А мы-то как рады, что у нас есть такая горячая штучка!

Видели бы вы...

– Камилла! – вместе с Гриффом восклицаю я.

Мой папа не готов слышать чего-то подобного, хотя все мы прекрасно знаем, кого я из себя представляю, и «горячая штучка» – это еще мягко сказано.

Пищащая Ив в таком же платье, как у ее любимой принцессы Белль, нарушает наше неловкое молчание и бежит прямо ко мне. Маленький птенчик залетает в объятия и обхватывает меня за шею крохотными ручками.

– Даки, Даки, я так тебя люблю! С днем рождения, сестричка!

– Спасибо, моя хорошая. Я люблю тебя сильнее!

– Я нарисовала для тебя открытку. Папа, куда ты ее положил?

– Она у Стива, родная. Я скажу, чтобы он передал Дакоте.

Сестра довольно взвизгивает и сразу же устывает на моего шевелюристого приятеля. Раскрыв широко рот, она пару секунд не сводит с него взгляда, а потом как заорет:

– Это ты? Ты принц из «Красавицы и Чудовище», это правда ты?

И тут уже я начинаю громко смеяться. Видимо, Ивонна сделала такие выводы из-за его пышной прически и высокого роста.

– Слышал, Грифф, ты чудовище? – хохочет вместе со мной подруга.

– Нет, он был им, но потом стал прекрасным принцем, – встревает Ив.

Она подходит к нему и уверенно берет за руку, топя в ней свою маленькую ладошку.

– Как меня только не называли, но вот так – впервые! Да, малютка, я тот самый принц, – подыгрывает он.

Ох, зря ты это сделал...

– Ты нашел меня, нашел! Ура, я знала, что это случится. Пойдем со мной, я покажу тебе замок, в котором мы будем жить!

Цепкие ручки сестры уводят его в неизвестном направлении. Он только беспомощно оборачивается к нам, моля о помощи, но все же обреченно тащится за ней.

– М-да, кажется, он только что нашел для себя «милую принцессу». – Берк лишь машет ему и ехидно улыбается.

– Это будет ему уроком, – продолжаю ее мысль я.

Вот вам и сказка, вот вам и принцы с принцессами. Бойтесь своих желаний, господа, иногда им свойственно сбываться.

После долгих поздравлений мне дают свободно вздохнуть и перевести дух. Шум уверенно обосновался в ушах, в глазах рябит от богатых убранств. Сумасшествие... Определенно, я отвыкла от этого. Хочется сбежать отсюда куда-нибудь в самый тихий уголок и снять туфли. Давно я не носила каблучков выше пары дюймов.

Но у меня открывается второе дыхание, когда в зале появляется мистер и миссис Коуэн – единственные бабушка и дедушка. По линии мамы родственников не осталось. Она все свое детство провела в детдоме и по достижению восемнадцати лет отправилась в свободное плаванье. Мама говорила, что не помнит своих родителей и никогда их не искала. Кажется, они были не очень хорошими людьми. Если они нашли причину отказаться от нее в младенчестве, значит, грош цена таким горе-родителям.

Родные, не спеша, подходят ко мне и, словно боясь монстра, который может выпрыгнуть из их внучки, лишь осторожно машут руками. Мне и смешно и стыдно одновременно. Вместо того чтобы ответить сдержанным приветствием, как и полагается в нашем обществе, я бросаюсь на них с объятиями, приводя тем самым в замешательство: явно не ожидали подобного. Но уже вскоре они начинают громко смеяться и чмокать меня в щеки, как маленькую девочку.

– Как я рада вас здесь видеть! – умиротворенно шепчу я, не отрываясь от них.

– А мы-то как...

Мы еще долго стоим, обнявшись, не замечая никого. Как же приятно знать, что вопреки вышедшей из меня гадости, они не отвернулись и все еще любят. Противно вспоминать, как однажды я очень грубо послала их к черту, когда они пытались образумить меня, приехав на пару дней в наш дом. Пакостно видеть меня прежнюю, которая ровно год назад пришла домой в стельку пьяной под утро и даже не приняла их подарки.

– Милая, ты просто красавица! – Бабушка не сводит с меня блестящих от слез глаз. – Кажется, я не видела тебя вечность.

– Я знаю, знаю... Простите меня за это. Я вела себя как надменная тварь.

– Не нужно извиняться. Мы любим тебя и всегда будем любить. – Дедушка еще крепче обнимает нас двоих и ставит точку на прошлом.

– Уэйд устроил помпезный вечер, я думала, ему не удастся переплюнуть себя, но он смог. Помнишь, как два года назад твой день рождения праздновался в отеле Плаза?

Конечно, я помню это сумасшествие. На торжество собралась вся элита Манхэттена: известные бизнесмены, бродвейские знаменитости и еще уйма богатых и популярных людей. Мама с папой решили устроить праздник в стиле ретро. Отель принял гостей, одетых в костюмы и платья прошлых лет.

Часть нашего семейства нарядилась в героев фильма Бриолин. Я была Сэнди Олссон, а мать решила стать Дэнни Зуко и сделала все возможное, чтобы быть похожей на молодого Траволту(6). Тот день запомнился и стал одним из лучших, ведь несмотря на то, что собралось много незнакомых людей, я чувствовала дух семейного тепла.

– Как уж такое забыть? Тогда ты заставила меня натянуть костюм крестного отца. – Дедушка забавно ухмыляется, вспоминая тот день.

– Что не говори, а Майкл Корлеоне из тебя вышел отменный! А эти усы... – хохочу я.

– А что усы? Я специально ходил к мастеру, чтобы он сделал их в точности такими, как у Аль Пачино.

– И сделал ведь...

– С чего смеетесь? – Папа подходит к нам.

– Милый, скажи, сколько здесь людей собралось? Кажется, это рекорд! – Бабушка еще раз оглядывает зал, набитый донельзя гостями.

– Ну а что ты хочешь, мам? В Филадельфии мы совсем недавно, я и сам не знаю многих из них, но все они очень полезны, поверь мне.

– Эх, Уэйд, перенял привычку своего отца. Тот некогда тоже устраивал твои дни рождения подобным образом. Я уже и не помню, чтобы мы собирались дома и просто в теплых свитерах сидели у камина, пили чай, общаясь на разные темы.

– Это можно устроить хоть завтра!

Я смотрю на своих родных и чувствую, что счастлива. Даже вопреки тому, что семейных посиделок у нас не было очень давно, я рада, что близкие рядом.

Почти все...

Привычная суматоха вновь набирает обороты после того, как бабушке и дедушке приходится уйти к другим гостям. Воспользовавшись шансом уединения, я незаметно прошмыгиваю в дамскую комнату и усаживаюсь на удобный диванчик.

Снимая с себя высокие каблуки, облегченно выдыхаю. Я устала. Эти приемы выматывают все силы, потому что на них нужно улыбаться и поддерживать беседы. В основном разговоры сводятся к деньгам, успешности и это еще больше утомляет. Я предпочла бы общаться на какие угодно другие темы, но здесь вряд ли найдется кто-то, кто поддержит хоть одну из моего длинного списка. Не считая моих друзей, конечно же, но у них нашлись другие занятия, и после того как мы вошли в зал, я потеряла из виду Камиллу и Эштона. Первая сто процентов нашла какого-нибудь красавца и сейчас строит ему глазки, а второй безнадежно застрял в плену у моей сестренки.

Сегодня я раз двадцать услышала, что очень похожа на свою мать. Сентиментальные тетеньки, трагично утирая наигранную скупую слезу, заявляли, что Мередит Коуэн была достойной женщиной, и теперь настала моя очередь сиять,

как когда-то сияла она.

Да что они вообще знают?!

Она и вправду была лучше их всех только потому, что вышла замуж за человека, а не за его кошелек. Она смогла сделать имя, она смогла прославить его. И кто же думал, что именно это имя ее и погубит? Будь она такой же, как другие жены бизнесменов, возможно, не убила себя, убегая от дядюшки Лу Герига (7). Она бы не побоялась стать слабой и беззащитной...

– Это уже второй день рождения без тебя, мама, – глядя в зеркало, тихонько шепчу я.

– Милая, позволь, я познакомлю тебя кое с кем!

Папа находит меня у бара за бокалом красного сухого вина. Рядом с ним стоит высокий молодой парень с русыми волосами и проникновенно голубыми глазами. Он внимательно рассматривает меня, словно я многомиллионный контракт, который стоит подписать. Паренек вполне симпатичный, и от него за версту веет богатством и благородством. Высокоподнятый волевой подбородок подчеркивает королевскую осанку. Графитового цвета плотный двубортный пиджак прикрывает довольно широкие плечи.

– Дакота, этот молодой и весьма перспективный бизнесмен только что стал моим новым партнером. Его зовут Дилан Фостер младший!

– Приятно познакомиться, мисс! Приставку «младший»

можно убрать, это чистая формальность. Уж вздумалось моей матери некогда назвать меня в честь деда.

Британский акцент вырисовывается с первых же слов. Папа расширяет горизонты.

– Взаимно! – спокойно добавляю я. – Вы сюда приехали на время?

– Эх уж этот акцент! С потрохами выдает мое происхождение... Я в Филадельфии живу уже около двух лет.

Парень слегка смущается. Несмотря на миллионы, которыми он ворочает, его характер слишком мягок. Уж простите, но он чем-то напоминает моего отца. Такой же спокойный и рассудительный, немного застенчивый. Думаю, эти двое отлично сработаются.

– А почему именно Филадельфия, а не Нью-Йорк, например, или Лос-Анджелес?

– Нью-Йорк чересчур контрастный город, а Лос-Анджелес не для меня только потому, что там слишком уж тепло.

– Ну, ребята, вы здесь пока пообщайтесь, а я отойду ненадолго. Дакота, не обижай его! – говорит папа и сразу же уходит к гостям.

Сводник!

– На сегодня в планы это у меня не входило! – Улыбаюсь я и провожаю его взглядом.

– У мистера Коуэна хорошее чувство юмора, – устроившись за барной стойкой, продолжает Фостер.

– Это, скорее, не шутка, а настоятельная рекомендация.

Поддержав слова нервным смехом, он настороженно смотрит на меня.

Здоровая реакция нормального человека.

Проведя с ним около пятнадцати минут, чувствую, что мне откровенно скучно. Я понимаю, что хоть мы и из одного общества, общего у нас абсолютно ничего нет. Каким бы ни был красивым этот британец, общение с ним наводит дрему. Мне не интересно слушать о том, как здесь хорошо, какая замечательная дочь у его партнера (то есть я) и какое вино самое лучшее в виноградниках Англии его семьи.

Проходит совсем немного времени, а я уже знаю об этом человеке, кажется, абсолютно все. Ему двадцать пять, он рос в Лондоне, учился в Оксфорде, любит верховую езду и хорошие машины, увлекается картингом, и когда удастся выкроить свободную минутку, то непременно направляется в автотоклуб. О таких говорят – золотой мальчик. Он такой и есть. В нем все совершенно. И я догадываюсь, зачем отец меня с ним познакомил...

От высокосветской скучной беседы с ним меня спасает Камилла, пришедшая весьма кстати к бару с каким-то молодым блондинистым плейбоем. Заказав два бокала мартини, она уставляется на меня и двусмысленно подмигивает.

– Ну что, как дела? – вклиниваясь между нами, спрашивает подруга и озадаченно смотрит на Дилана.

– Все отлично!

– Так, понятно. Я Кэм.

– Дилан, – он достаивает ее легким рукопожатием.

– А Дилан у нас кто?

– Дилан у нас младший, – встречаю я.

Берк сразу же ехидно поглядывает на него, подавляя смешок. Британец, видно, не привык к таким поворотам, но все же достойно и молча выдерживает мой «юмор».

– Дилан младший, вы не против, если я украду подружку на пару минуточек? Мой кавалер, думаю, будет рад с вами пообщаться!

6. Дэнни Зуко и Сэнди Олссон – персонажи из музыкального фильма «Бриолин».

7. Боковой (латеральный) амиотрофический склероз (БАС; также известен как болезнь , мотонейронная болезнь, болезнь .

Глава 13

– Я вовремя влезла?

– Как всегда.

Включаю кран и подставляю руки под холодные струи проточной воды. Внутренний жар от двух бокалов вина и скучных разговоров мгновенно же тушится и становится проще реагировать на все окружающее.

– Что за перец? – Кэм поправляет макияж и накладывает новый слой красной губной помады.

– Британская овощная культура.

– Жгучий?

– Скорее, сладкий.

– Так сладкий – это же хорошо, тебе хотя бы на один вечер было бы полезно.

– Наверное, только у меня на подобное аллергия. Ты вообще, где пропадала, Берк? И что это за ненатуральный блондин?

– То ли Майк, то ли Мэтт, я уже и забыла. Да и это ли важно?! Ты видела, какой он красавчик?

– Камилла Берк, ты в своем репертуаре!

– Ну а что? Зато здесь теперь не так скучно! И вообще, ты чего тухлая какая-то? У тебя ведь сегодня праздник, ты сиять ярче лампочки должна.

– Я устала.

– Да ладно! Еще и трех часов не прошло.

– Я не об этом. Я устала от общества, в котором нахожусь.

Раньше я и сама была такой, но все изменилось. Мне неинтересно. Мне скучно. Это не моя Вселенная.

– Так, инопланетянка, перестань хандрить! – Она подходит и сдавливает мои щеки в своих руках. – А то мы с Эштоном быстро тебя встрясем. Кстати, а где он?

– Наверное, прячется от моей сестры, если ему удалось от нее сбежать. – Я пожимаю плечами.

В комнату заходит парочка представительных дамочек лет сорока, и одна из них внимательно уставляется на нас.

– Дакота? – Женщина тепло улыбается и подходит ближе.

Теперь и я ее узнаю. Это та блондинка, с которой встречался мой отец. Это на нее я наорала однажды на приеме. Тогда она для меня была чуть ли не мегерой, а сейчас кажется довольно милостивым человеком. Она не страшилище, как я считала раньше, а вполне красивая и ухоженная леди, правда ноги, выглядывающие из серебристой плиссированной юбки, у нее действительно кривые.

– Что вы здесь делаете? – настороженно спрашиваю я, но уже через секунду понимаю, что вопрос глупый.

С ее лица сразу же пропадает улыбка. Такое ощущение, что она готовится принять новый удар от сумасшедшей истерички. Это бы и произошло раньше, но я больше не должна так поступать. У меня нет никакого права на подобные выкрутасы.

– Расслабьтесь, – спокойно добавляю я. – Спасибо, что пришли, мисс...

– ... Лайтман. Джозефина Лайтман. Можно просто Джозефина.

Она скромно опускает голову, словно я ее отчитываю. Хотя все должно быть как раз-таки наоборот.

– Как вам вечер?

– Все просто замечательно! Ваш отец хорошо постарался, чтобы угодить вкусам каждого гостя.

– Да, он молодец... Вы простите меня за тот вечер. – Украдкой кладу руку на ее плечо. – Надеюсь, у вас не было после этого неприятностей.

– Нет, ничего... Я все поняла, и, поверьте, больше не искала встреч с Уэйдом. – Она подозрительно посмотрела на свое плечо.

– В смысле? Вы что, не вместе?

– Нет. Мы расстались после того приема. Нас ничего не объединяет, кроме общих дел компании.

Джозефина неловко улыбается и быстро покидает комнату. В ней слишком много воспитания, чтобы закатить заслуженную сцену, выговориться. Ей сложно быть рядом со мной, говорить о мужчине, которого она любила, но с которым не может быть вместе.

Господи, как стыдно! Она не заслужила того, что тогда произошло. Моя ревность и ненависть лишила ее, возможно, счастья. И теперь, посмотрев на нее, такую простую, несмот-

ря на дорогой гардероб и статус, я вижу женщину, которая достойна любить и быть любимой.

Даже если это и мой отец, я не вправе принимать за него решения.

Танец с папой в день рождения – это еще одна традиция. Поэтому, когда все гости образовали круг и зазвучала медленная композиция, отец галантно подал мне руку и вывел в центр зала.

– Ты еще помнишь движения? – выпрямив спину, готовясь к свободному вальсу, задорно спрашиваю я.

– Хоть и танцор из меня не ахти, но их я никогда не забуду!

И мы закружились. Зал поплыл, гости стали мелькать в сплошной полоске, кроме родного человека рядом все исчезло.

И вот мне снова двенадцать, я впервые танцую с папой вальс. У меня трясутся колени от волнения, так как на нас смотрит куча взрослых. Папа улыбается и шепчет, что я прекрасно двигаюсь, не то что он. Он говорит что-то про свой дурацкий галстук, который завязал слишком туго и корчится, словно маленький ребенок. Я начинаю смеяться и расслабляюсь.

– Я должна тебе кое-что сказать! – собираясь с мыслями, быстро проговариваю я.

– Что-то не так, милая?

– Я видела мисс Лайтман здесь.

– Даки, я...

– ... пап, не надо, я все знаю, – прервав его, продолжаю я. –

Прости меня за тот вечер. Я потребовала от тебя того, чего не должна была. Знаю, ты любил маму и будешь ее любить, но ее уход не должен ставить точку в твоей жизни. И если эта женщина помогала тебе справиться с пустотой в сердце, то верни ее. Я не буду возражать.

Папа ничего не отвечает, продолжая с изумлением смотреть на меня, будто все сказанное вышло из уст не его дочери. А мне становится легче от того, что я, наконец, осознала свои ошибки. Благодаря им, у меня появился опыт.

– Я люблю тебя, Дакота. – Когда музыка утихает, он останавливается и крепко обнимает. Нас оглушают аплодисментами, но мы не двигаемся с места. – Спасибо тебе, родная. Но ты должна знать, что точку никто не ставил, потому что у меня есть и будут две дочери, которые не позволят моему сердцу опустеть.

– Ты знаешь, что я имела в виду.

– Знаю.

Я улыбаюсь.

На свете нет лучше отца, чем тот, что сейчас рядом со мной. И я хочу, чтобы он был счастлив.

– Тогда поговори с мисс Лайтман.

Ночь субботы разукрасила Филадельфию ярким светом

фонарей и разноцветными огнями заведений, выстроившимися у дороги. Даунтаун заполнился толпами людей и тысячами разных звуков. Прямые, как стрелы, улицы растянулись по городу; высокие здания, стремящиеся к небу, засветились мягким сиянием.

Белый форд неспешно везет нас домой. Таксист, судя по всему мексиканец, то и дело эмоционально ругается на смеси английского и испанского, возмущаясь образовавшейся пробкой.

– Я так рада, что все закончилось! – устроившись на заднем сидении и положив голову на плечо Камилле, устало говорю я.

В моих мечтах я уже лежу в кровати и вижу красочные сны.

– Я тоже! – добавляет Эштон.

– Что, маленькая принцесса замучила?

– Не то слово! В ней столько энергии! Но, знаете, я был не против провести этот вечер рядом с ней и побыть нянькой. А знаете, почему? – Друг поворачивается к нам. – Потому что ко мне раз пять подходили зрелые тетки и предлагали выпить. Я почувствовал себя молоденькой плотью под зорким глазом стервятниц.

– Значит, ты пришелся им по вкусу, – вымучено хохочу я. – Но зато ты сегодня побыл принцем!

– Твоя сестра хоть и маленькая, но очень сообразительная и умная барышня. Я себя тупым почувствовал рядом с

ней, когда она начала рассказывать стихотворения на французском и учить меня рисовать.

– А чудовищем ты себя не почувствовал? – встречается Кэм, громко смеясь.

– Берк, помалкивай, а! Ты сама-то как время провела?

– То ли Мэтт, то ли Майк обещал мне позвонить. Я так и не смогла запомнить, как его зовут.

– М-да, чего и следовало ожидать. Уже не терпится с ним познакомиться!

– Если когда-нибудь увидишь слишком блондинистую шевелюру, то знай, это ее кавалер, – не давая вставить слово подруге, язвлю я.

– Думаю, вы увидите его очень скоро!

– Что ты имеешь в... – Я не успеваю договорить, так как, выходя из такси, замечаю, что в окнах наших апартаментов горит свет, и прожекторы вырисовывают разноцветные круги на стеклах. – ... Какого черта?!

Уставляюсь на друзей в недоумении. Те, в свою очередь, молча берут меня под руки и тащат в дом, заговорщически переглядываясь друг с другом.

– Ребята, вы что, вечеринку устроили? Вы с ума сошли? Я на ногах не стою и все, о чем мечтаю, это рухнуть в кровать!

– Рухнешь чуть позже. Неужели ты думаешь, что мы бы не устроили самую лучшую тусовку в твоей жизни? – Камилла треплет меня по щеке и чмокает в лоб.

– Я вас убью...

Когда мы заходим в квартиру, на меня обрушивается громкое «Сюрприз» и щедрая порция разноцветного конфетти. Около тридцати молодых людей довольно таращатся на меня.

Какая-та девчонка тут же вырастает перед нами с огромным шоколадным тортом в руках. И все хором, словно на стадионе, кричат лишь одно:

– Задууй, задууй, задууй!

Двадцать две маленьких свечки покорно гаснут под последнюю строчку «С днем рождения тебя».

– Спасибо, – ошарашенно выдаю я, собираясь скрыться в ванной, чтобы стряхнуть с себя мишуру.

– Стоять! – Хватает меня за руку подруга и становится напротив. – Милая Даки, итак, тебя и всех, кто пожелает, ждет веселое приключение этой ночью! Я придумала кое-какую игру, поэтому скучать сегодня никому не придется. Ну а те, кто решит просто потусить, музыка и хорошее настроение обеспечено, а полный бар с алкоголем и закусками вы уже знаете, где находится.

– Камилла, ты смерти моей хочешь?

– Было бы эпично умереть в день своего рождения, но этот подвиг мы оставим для кого-нибудь другого! Все, хватит нудить! Нас ждет игра со спичкой, которая отправит счастливых на семь минут в рай, – тряся небольшим коробком, весело говорит она.

– А спичка зачем? – спрашивает кто-то из гостей.

– Чтобы все было честно. И пока одна парочка получает свои минуты счастья, остальные продолжают передавать зажженные спички по кругу. Тот, у кого она потухнет, пьет виски!

– У вас дурь случайно не по скидочным купонам продается? – устало вздыхаю я, удивляясь энтузиазму друзей.

Я долго думал, стоит ли идти на очередную вечеринку Камиллы, которая, как оказалось, устроена в честь дня рождения Коуэн. Взвешивал за и против и почти решил пропустить это эпохальное событие, но что-то вытолкнуло меня из дома и заставило подняться на этаж выше.

Эта девчонка – единственный человек на всем белом свете, кто вызывает во мне противоречивый спектр чувств и эмоций одновременно: бывает, мне хочется обнять ее, пожалеть, укрыть от всего мира, а в другую секунду она уже выводит меня из себя, заставляя трястись от злости.

Может, сейчас я совершаю ошибку, открывая входную дверь квартиры Берк, а может, мне и хочется ошибиться, чтобы увидеть ее – Дакоту Коуэн. Посмотреть в глаза, имеющие свойства менять цвет в зависимости от настроения, словно небо в разное время суток. Цвет ее глаз включает оттенки карего и зеленого. Они то разделяются, чередуясь друг с другом, то смешиваются. Иногда они могут быть почти темными, как недосыгаемая бездна, если она слишком злится. Бывает, что радужки окрашиваются в оливковый, ко-

гда она в спокойном состоянии. Изумрудными же глазами светятся из-за восторга, удовольствия, волнения.

– Джейд, ты вовремя. Молодец, что пришел! – Грифф в парадном костюме проходит мимо и рукой подзывает следовать за ним.

– Ты странно выглядишь, чувак.

– Ты про мой видок? О-о-о, до того, как мы оказались здесь, нам с Кэм и Даки пришлось побывать на самом настоящем приеме в ресторане.

– Представляю...

– ... нет, друг, вряд ли такое можно представить, если ни разу не был в подобном месте!

– Ривз, я думала, ты уже и не придешь! – подвыпившая Камилла громко восклицает, сидя в кругу такой же нетрезвой компании.

– Вы духов решили повызывать? – глядя на зажжённую спичку в ее руках, спрашиваю я.

– Духи сегодня не в духе, и вообще, это в прошлом! – Помню я, как она устроила вечеринку-спиритический сеанс пару месяцев назад. – Сейчас все намного интереснее. Присоединяйся!

– А где, собственно, именинница?

– Она вернется, как только стряхнет с себя кучку конфетти и гору негодования.

Я давно перестал задавать лишние вопросы этой сумасшедшей девчонке даже на такие неоднозначные ответы. Бу-

дем надеяться, что я не доведу Коуэн до еще большего иступления просто своим присутствием.

– Ясно, вы тут и без меня справитесь. Пойду на кухню и найду себе более щадящей заправки, чем та, что у тебя в руках, – показывая на виски, спокойно говорю подруге.

Эта идиотская игра ввела меня в легкое алкогольное опьянение. Семь минут в раю уже получило четыре пары подвыпивших парней и девушек, и я несказанно рада, что меня обошла участь посидеть в ванной с кем-нибудь из гостей. Уж лучше потягивать виски в шумной компании, чем неловко торчать в маленькой комнатушке и отсчитывать секунды до долгожданной свободы.

Камилла вечно как что удумает, так хоть стой, хоть падай. Но, полагаю, скоро всем надоест эта «веселая» игра, и народ переключится на что-нибудь другое.

– О-па, Дакота, попалась! – кто-то громко ухмыляется и легонько бьет меня по плечу.

Я опускаю голову и обреченно уставляюсь на потухшую спичку в своей руке.

О нет, только не это.

– Ну наконец-то! – восклицает подруга. – Даки, марш ванную!

– Окей, я побуду в раю, а потом спать.

– Ну, это мы еще посмотрим.

У меня есть пару минут, чтобы обмакнуть влажным поло-

тенцем лицо. Эта процедура возвращает меня в более трезвую реальность, и я отчетливо вижу свои красные от вечно-го недосыпа глаза, «поехавшую» цепочку на шее и уставшую физиономию, открыто орущую «вали-ка ты спать».

Все, после этой игры точно на боковую.

Тем временем кто-то просовывает листок бумаги под дверь:

«Чего бы тебе хотелось в подарок?»

– Это чья-то забава? – спрашиваю я и подхожу к двери, пытаясь ее открыть. Ручка с той стороны заблокирована, кто-то её подпер и, похоже, отпускать не собирается. – Эй, там кто-нибудь есть? Камилла, это твой очередной прикол!? На этот раз он самый дурацкий!

В ответ мне приходит ещё одно послание от таинственного собеседника:

«Не трать минуты в раю. Ответь на вопрос».

– Давай я на него отвечу лично, и мы не будем баловаться записочками, как девчонки в средней школе!?

Я ещё раз дергаю за ручку – ситуация та же: я в заложниках.

– Окей, если я скажу, ты откроешь дверь?

«Зависит от тебя», – не заставляя ждать, отвечает размашистый почерк.

– Я хочу, чтобы мне больше не задавали тупых вопросов, дверь открылась, а идиот, решивший построить из себя черт знает кого, испарился и не попался мне больше на глаза.

Поверь, это самый лучший подарок, который ты сможешь устроить.

Я усаживаюсь на кафедру и устало смотрю на руки, мечтая лишь о том, чтобы оказаться в кровати и забыться крепким сном.

«Хм, ответ неудовлетворительный. Боюсь, ты окажешься в раю дольше семи минут».

Ну все, это начинает уже напрягать.

– Почувствовал себя богом? Проваливай отсюда! – переходя на крик, стучу я в дверь так, что ее аж шатает.

Слышу, как стоящий за ней, усаживается на пол и протяжно выдыхает.

Он такой же упёртый, потому что уже минут пять я все еще нахожусь в заточении, а не сижу у своей постели. Так просто я отсюда не выберусь. Придётся принять правила этой дурацкой игры.

– Хорошо... Я хочу, чтобы в моей комнате висела гирлянда с жёлтыми капельками. У меня была такая в детстве.

И я вспоминаю, как когда-то давно, когда ещё заплетала себе косички, натягивала гольфы до колен и любила смотреть диснеевские мультфильмы, мама зашла ко мне и загадочно улыбнулась, вытаскивая из небольшой упаковки длинную гирлянду, способную увесить все углы в моей комнате.

– Когда я её включала, восторгу не было предела. Мой маленький мирок обретал новые очертания, в него вселялось вдохновение. Хотелось творить, придумывать новые движе-

ния, танцевать. Этот свет завораживал меня и побуждал действовать всякий раз, когда в мыслях я мечтала прогулять важные занятия. Жёлтый стал моим любимым цветом, ассоциирующимся с мамой: такой же тёплой, светлой и солнечной.

После откровенного признания дверь со скрипом приоткрывается, но когда я выхожу из ванной, то не застаю молчаливого собеседника, если его можно так назвать.

Вот бы найти этого приколиста и сказать ему пару ласковых!

Глава 14

– А сейчас мы идем танцевать, милочка!

Хорошо, что квартира звукоизолирована, иначе сюда бы давно наведались копы. Камилла уже прилично наела, и теперь пытается оттащить меня от дверного косяка, к которому я оказалась пригвождена усталостью.

Здесь уже все пьяны, поэтому звуки становятся еще громче, а движения активнее. Наши апартаменты превратились в самый настоящий студенческий дом братства, причем не самый убранный и приличный. Повсюду валяются пустые стаканчики, куча конфетти и прочего мусора. Я уже не говорю про кухню, там как будто проходили массовые сражения времен наполеоновской войны. Завтра придется знатно попотеть, чтобы все привести в порядок, ну или я просто приглашу сюда уборщиков, потому что вряд ли буду в состоянии вычистить все самостоятельно.

Эштон танцует с какой-то девчонкой. Наши одноклассники, которые пришли почти в полном составе за исключением Занозы Уэлш и ее подружек, устроили настоящую танцевальную битву и сейчас убивают паркет своими сумасшедшими полетами и прыжками. Крамер с какой-то черноволосой пустышкой, устроившись на подоконнике в гостиной, предается пламени внезапно нахлынувших чувств и облизывает ее физиономию, как огромный бульдог, радующийся хозяину.

Сюда даже Ривз пришел! И он ведет себя слишком тихо по байкерским меркам. Подобные ему обычно первыми слезают с катушек и устраивают беспредел, громя все вокруг. А он же просто сидит с бутылкой пива в руках и болтает с незнакомой блондинкой, которая, судя по всему, на седьмом небе от счастья от того, что находится рядом с таким «горячем парнем».

Он симпатичный. Глупо спорить, пытаясь не признавать данный факт. Крепкий, накаченный, высокий. У него правильные черты лица, прямой, чуть вздернутый нос, отчетливые линии скул, длинные ресницы, которым позавидовала бы любая девчонка. Если внимательно смотреть на его губы,двигающиеся при разговоре, можно залипнуть. Хочется ненароком прикоснуться к ним, ощутить мягкость тонкой алой кожи.

Я на секунду возвращаю себя на неделю назад в тот момент, когда почти смогла попробовать их на вкус...

Стоп. Виски плохо на тебя влияет, Коуэн!

Заметив, что я на него открыто пялюсь, Ривз поднимает бутылку вверх и отпивает немного содержимого. Стало быть, за меня.

Ха-ха, вот еще!

Я закатываю глаза, показывая безразличие, и перевожу взгляд на подругу, решившую станцевать страстное танго с тем самым парнем, с которым была на приеме! Как он здесь оказался? Хотя, Камилла же говорила... Эта парочка

не скрывает обоюдной симпатии и, прижавшись телами, как разнополярные магниты, не сводит глаз друг с друга. Надолго ли это влечение?

Ну вот, все уже разбрелись по мини-компаниям, только я в гордом одиночестве стою у двери и не знаю, куда податься. лягу спать – Кэм потом будет еще долго припоминать мою «вопиющую» выходку. пойду и напьюсь – есть вероятность, что забуду эту ночь. Ни то, ни другое не устраивает.

Что я буду делать в ближайшее время, решает в хлам пьяный парень. Проходя мимо, он спотыкается, и все содержимое его стаканчика оказывается на мне. Бурбон стремительно пропитывает верх платья и въедается в кожу! Придется переодеваться.

– И-и-из-ви-ин-и-и, – протяжно бормочет он и неловкими движениями пытается стереть двести грамм вылитого алкоголя с моего декольте, словно это крохотная капелька.

– Идиот, отвали от меня! – Я легонько толкаю его в сторону, но он сразу же падает на пятую точку.

– Я же не спец...иально-о-о, – кричит тот вдогонку.

Я быстро захожу в свою комнату и беру первое попавшееся платье из шкафа, но дальнейшие планы прерываются настойчивым жужжанием телефона.

– Дакота, доброй ночи! Это Дилан, м-м-м, Дилан Фостер. Мы познакомились в ресторане.

Черт, его еще здесь не хватало!

Стало быть, это папочка позаботился о моем славном бу-

душем и дал этому англичанину мой номер.

– Да, я помню.

– Извини за столь поздний звонок, я надеялся, что ты еще не спишь.

– Надежды оправданы, дальше что? – Мое раздражение набирает обороты с каждой секундой простоя в мокром пла-
тье.

– Я бы хотел с тобой утром увидеться и пригласить куда-нибудь позавтракать.

– Это вряд ли. Думаю, я просплю эту замечательную возможность, так как лягу ближе к рассвету в лучшем случае.

– Может...

– ... извини, – сразу же перебиваю я. – Мне не очень удобно сейчас говорить.

– Хорошо, я буду ждать твоего звонка.

Ждать придется всю жизнь, дружок.

– Да-да, мне пора.

Не дав ему любезно попрощаться, я первая нажимаю на «отбой» и бросаю телефон на кровать.

Не мой это тип мужчины. Он слишком спокойный, местами даже нудный. С ним я стану очередной представительницей богатого ответвления – такой же скучной и слишком безгливой к вещам, которые сейчас меня вполне устраивают. Смысл во встречах нулевой. Мы слишком разные, хоть и вышли из одной вселенной богатства и успешности.

Мне пару минут приходится выгонять из ванной комнаты

двух «философов» с полупустыми бутылками в руках, размышляющих о смысле жизни. Они неспешно встают с кафе-ля, продолжая болтать, вовсе не замечая меня.

– Вас реактивным топливом напоить? – уже ору я.

Дверь закрывается. Наконец-то я одна. Включаю воду, споласкиваю чуть липкую кожу возле шеи и ключиц. Где бы я ни была, везде найдется кто-то, кто сможет вывести меня из себя. Знаете ли, не очень круто в свой праздник отмы-ваться от алкоголя.

Та-а-а-к, спокойно.

Мокрый красный шелк выглядит уже не так впечатляюще, как сухой. Наряд отправляется в мусорку, потому что никакая химчистка его уже не спасет. Пара тысяч долларов на свалку.

Переодевшись в более простое фиалковое платье на бретельках, я пытаюсь застегнуть молнию на спине. Бегунок неохотно поддается моим стараниям и не двигается с места.

– Черт бы тебя побрал! Ну же, давай застегивайся!

Эта процедура меня утомила, я уже ощутила, как теплая кожа стала горячей. Руки успели немного затечь, и я почувствовала себя беспомощным ребенком, который не в состоянии справиться с простым делом. То ли все это от того, что я устала, то ли от виски, способного рассеять мою внимательность и сосредоточенность.

– А-а-а, ненавижу, ненавижу, ненавижу!

– Что случилось?! – Неожиданно в ванной появляется

Ривз.

– Что ты здесь делаешь?! – поворачиваясь к нему, рассержено спрашиваю я.

– Услышал крик.

– Из гостиной? Вряд ли это возможно, учитывая шумную обстановку.

– Ну вообще-то я шел сюда.

– Сегодня это излюбленное место у всех гостей, как я успела заметить.

– Любовь к чистоте – не порок.

– Любовь к промыванию нутра алкоголем тоже?

Джейден подходит к крану и споласкивает сначала руки, а потом лицо. Медленно вытирается. Ему в кайф удерживать меня на паузе.

– Это другое, Коуэн. Так чего орала-то?

– Не твое дело.

– Как знаешь, – собираясь уйти, заявляет он.

– Стой! – вздыхая, шепчу я. – Мне нужна твоя помощь.

Парень удивленно приподнимает бровь и облакачивается на дверь.

– Не думал, что когда-нибудь услышу это от тебя.

– Не думала, что когда-нибудь обращусь с этим именно к тебе.

– Ну и?

– Застегни молнию, пожалуйста. Я больше не могу с ней бороться, – поворачиваясь к зеркалу лицом, униженно про-

шу я.

Моя полуобнаженная спина открывается перед ним во всей красе. В отражении я успеваю заметить его слегка смущенное выражение лица, которое вскоре сменяется, на первый взгляд, полным самообладанием. Ривз подходит ко мне вплотную, и я чувствую горячий ветерок на своей коже. По телу сразу же пробегает толпа мурашек, похожая на табун слонов.

Мне приятно, вы понимаете?! Мне приятно от того, что сейчас произошло!

Легким движением руки он касается неподатливой застежки.

– Может, это и не мое дело, но позволь спросить: откуда этот шрам?

А это одно из вечных напоминаний о мерзком годе моего бунтарства. Небольшая, уже зажившая полоска, расположенная на позвонке возле правой лопатки, – последствие одной пьяной драки. Спустя пару недель после смерти матери я надралась до чертей и в каком-то из баров Бруклина нарвалась на потасовку, где меня толкнули прямо на небольшой штырь. Крови тогда было море, но осознала я это только на следующий день, когда огромная засохшая корка неприятно стянула кожу на спине.

– Спросить можешь, узнать ответ – нет.

– Понимаю. Слишком стыдно будет, если скажешь? – не переставая бороться с бегунком, продолжает он.

– Уж ты точно не тот, перед кем я буду чего-то стыдиться. Джейден слегка ухмыляется и резким рывком застегивает молнию, но отходить от меня, похоже, не собирается.

– Правда что ли?

Его низкий голос, пробирающий до приятного трепета в сердце, заставляет меня застыть.

– Спасибо, – в состояние сказать лишь это, шепчу я.

– Ты не ответила.

Он прикасается к моей шее и пальцами ведет дорожку к плечу. Чувствует, зараза, что застал меня врасплох.

– На что?

– Тебе нечего стыдиться?

– Нечего, – не твердо вырывается из горла.

Он изучающе смотрит на меня через отражение в зеркале. Со своей хищной улыбкой, которой, я уверена, сражает наповал всех девиц, он смело сжимает кожу на плече и стягивает бретельку вниз.

Такого кайфа от происходящего я не испытывала уже очень давно. Это вызывающее движение и его настойчивость приковывает к месту еще основательнее, чем пару секунд назад.

– Нужны доказательства...

Я и опомниться не успеваю, как горячие губы байкера оказываются на моей шее. Приятно покусывая ее, он спускается ниже. Его смелая рука властно пристраивается на моей груди. Даже через тонкую ткань платья, я могу измерить силу

огня в его ладони.

Меня мигом сжигает касание двух ничего непонимающих разумов и всепонимающих тел.

Все произошедшее между нами тотчас стирается из памяти, воссоздавая новую страницу книги, названия которой еще не придумано. В ней нет места колкостям, раздражению, неприязни, есть только новое ощущение, проходящее пульсирующими электрическими зарядами от сердца к животу.

Невозможно сдержаться от собственных эмоций, и я издаю слегка слышный стон, входящий в Джейдена при поцелуе. Он усаживает меня на мраморную столешницу, призывая обвить его сильное тело ногами.

Если все происходящее – это море, то надвигается шторм. Он все ближе и ближе. Скоро нас накроет волной и унесёт на глубину манящих чувств порока. И чтобы справиться со своими демонами, не поможет никакая молитва, так как ничто не властно над стихией природы.

Его рука на моих бедрах, сбивчивое дыхание и грубые, но сладкие самозабвенные поцелуи усугубляют ситуацию. Я отправляюсь в лапы дьяволу, прихватив с собой еще одного попутчика.

Голова кружится, мысли сбиваются и выются скопом, пытаюсь вернуться на место. И только желание не останавливаться управляет разумом. Вздох – учащенное сердцебиение, еще один – тело дрожит от удовольствия. Секунда – и наша одежда готова позволить себя снять. Еще одна – и внут-

ри меня проснется вулкан, способный уничтожить на своем пути все здоровое.

Здоровое, здоровое, здоровое...

– Нет! – резко вскрикиваю я.

– Если ты сейчас проплывешь мимо, то, возможно, не откроешь свою Америку, – приглушенно хрипит он.

– Интересно, Колумбу тоже так говорили?

Становясь на ватные ноги, неготовые держать тело, я опираюсь на столешницу. Пока на меня смотрит возбужденный Ривз, я поправляю бретельки и включаю холодную воду, чтобы умыться и сбить пыл.

– Почему?! – снова подойдя ко мне, спрашивает он.

– Потому что я не хочу тебя.

– Да ладно?! Твоё хорошее настроение похоже на весеннюю аллергию. Весна проходит, хорошее настроение тоже.

Я выхожу из ванной, игнорируя язвительные шутки, и бегу в свою комнату, дабы скрыть искренние чувства. Но Джейден успевает догнать меня, прежде чем я закрываю дверь.

– Ты думаешь, я так просто все это оставлю?! – начинает орать он. – Не хочешь меня, да? Я обратил внимание на это, когда ты прижимала меня к себе так сильно, словно я единственный, кого ты готова подпустить к себе настолько близко. Я почувствовал, что ты не испытываешь желания, когда твой язык исследовал мой рот, а зубы кусали мои губы. Я понял, что ты меня не хочешь, когда твоя рука смело блуж-

дала по моему телу, Коуэн. И я слышал, что ты хочешь остановиться, когда твой стон вырывался из горла.

– Заткнись!

– Не смей затыкать меня!

Он приближается ко мне так стремительно, что еще чуть-чуть и наши носы коснутся друг друга. Только после такого столкновения взорвется все к чертовой матери. Прикинув масштабы разрушений, я отступаю на безопасное расстояние и усаживаюсь на кровать.

– Отвечай! Я хочу понять, в чем дело. Почему ты не подпускаешь меня к себе? Почему после нашей первой репетиции, после нашего сближения ты оттолкнула меня, как оттолкнула сегодня? Разве ты не хотела обратного еще пару минут назад?

Лучше сразу сказать и забыть как страшный сон все, что было. Лучше предостеречь себя от следующего такого срыва. Если я снова дам слабину, разрешу дурацким чувствам стать сильнее, то меня можно смело сравнивать с той идиоткой, которой я была весь год.

– Хотела. Очень хотела. Но этому никогда не бывать. Однажды я позволила себе связаться с байкером... Больше я не повторю эту ошибку.

– Погоди-ка, ты сейчас меня с придурком Хантером сравнила? – Он начинает смеяться.

– Я покупалась в дерьме и не нырну в него снова ради тебя, так что проваливай отсюда и даже не пытайся наладить

со мной близких отношений. Мы останемся партнерами, но только по танцам. И если ты хоть когда-нибудь себе позволишь поцеловать меня, я врежу тебе по яйцам так, что ты навсегда окажешься инвалидом!

– Ты в своем уме?!

– Ты свалишь из этой гребанной комнаты? – теперь уже ору я.

– Даже в мыслях не было, – со всем спокойствием заявляет он и усаживается на кресло возле окна.

– Тогда уйду я.

Забирая свой телефон и пальто, я хлопаю дверью и покидаю Ривза наедине с собой.

В гостиной все так же веселятся гости. Эштон все так же танцует с девушкой. Камилла все так же находится в компании своего блондина. Для них прошло всего минут десять от силы, не решающих ничего, а для меня этого времени оказалось достаточно, чтобы, возможно, изменить судьбу, растоптав свои же чувства под толстой подошвой. Мне нравится байкер, мне понравились ощущения, которые подарила внезапная страсть, но я должна это забыть, чтобы не испоганить свое будущее.

Я не упаду еще раз. Не окажусь в руках у того, кто способен испортить мою жизнь.

Около года назад

– Ну же, Даки, давай одну тягу! – Обкуренный Хантер

протягивает мне косяк.

Тусовка банды переместилась из бара, где мы устроили очередной погром на свалку ржавых автомобилей и прочего барахла. Я уже мало что соображаю, благодаря почти пустой бутылке текилы, поэтому без раздумий делаю сразу несколько затяжек.

Ужасный приступ кашля, словно петля, душит шею. Дышать, кажется, нечем. Вдох застревает в горле. Вонючий дым заплывет в легкие, режет глаза, вызывает рвотные позывы.

– Тише-тише, детка! – постукивая по спине, успокаивает Лихач.

– Твою ж макаронину, Хантер! Какой же ты урод! Вздумал меня на тот свет отправить? – немного придя в себя, шепчу я.

– А что, если мы уже и так на нем, красотка?

– Тогда ты идешь к черту! – Встаю я и на ватных ногах тащусь в сторону огромной груды ржавых машин.

Пара шагов, и я понимаю, что с моим телом творится неладное. Руки немеют, становятся холодными, но спустя секунду в них будто наливается раскаленная лава, и они начинают жечь не по-детски. Но это почему-то меня совсем не пугает, я лишь смеюсь, как ненормальная во все горло.

Мир расплывается и становится так спокойно, словно все живое замерло, оставив лишь во мне способность двигаться. Я не слышу разговоров банды, не обращаю внимания

на то, что мы находимся в прямом смысле на свалке. Такое ощущение, что я сейчас стою у подножья высокой-высокой горы, на самом верху которой замер теплый свет последних солнечных лучей. Он такой манящий, чарующий, до него хочется добраться и притронуться, ощутить волшебное тепло.

Вообразив себя опытным скалолазом, я уверенно карабкаюсь по груди металла. Царапая в кровь руки, я не чувствую ноющей боли.

Чувство всемогущества делает меня бесстрашной, пока я не слышу чей-то встревоженный крик:

– Охренеть, ты совсем с катушек слетела?! Немедленно слезь оттуда!

И лишь посмотрев вниз, я понимаю, что с орущим Хантером меня разделяет приличное расстояние.

Голова сразу же закружилась, словно я слезла с чертового колеса в парке аттракционов, руки затряслись и перестали слушаться.

– Кажется, я сейчас упаду, – не своим голосом кричу я.

– Дакота, просто постарайся за что-нибудь зацепиться, я сейчас заберусь к тебе.

Поздно. Я качусь вниз, уродуя колени внушительными ссадинами и вбиваясь ногтями во все, что можно, чтобы сделать приземление максимально мягким.

Как можно утратить способность здраво мыслить?! Какого черта я лечу вниз, как пингвин со льдины на своем

пузе?!

*Собрание мерцающих мириад мыслей. Грохот. Вспышка.
Я закрываю глаза. Темнота.*

Я падаю прямо к нему.

Глава 15

Полная белая луна играет в прятки, прячась то за плывущим дымом облаков, то за верхушками высотных зданий. Уже суббота, на часах давно за полночь. Суета шумных жителей скопилась в барах, клубах, ресторанах и казино. Город не спит, мучаясь от бессонницы. Он не погрузится в сон из-за ярких фонарей, освещающих полуночникам дорогу. И не уснет из-за непрерывного шума машин, создающих пробки в даунтауне. Сегодня и я не окажусь во власти Морфея.

Я вновь на улице, не знаю куда податься. Вновь иду в обществе одиночества по ночному мегаполису. Вновь моя душа отстраняется от теплого места спокойствия. Какое же знакомое чувство! Чувство поиска пристанища на ночь... Раньше я бы пошла к Лихачам или в Блэк Кэт, найдя свое мнимое утешение в выпивке и плохой компании. Но то время прошло.

Я не нахожу лучшего решения, как позвонить Фостеру, с которым имела честь познакомиться в этот (вчерашний) слишком долгий день, кажущийся вечностью. В отцовский дом я точно не пойду, так как на утро возникнет слишком много вопросов и беспокойства. Достаточно с меня этих «подарков». Не хочу тревожить близких своим поздним появлением.

– Дакота? – раздается тревожный голос англичанина в

трубке.

– Дилан, я не разбудила тебя?

– Нет, я смотрел передачу про гонщика Кена Майлза (8).

Так что не переживай по этому поводу, я ждал твоего звонка.

Сейчас уж точно за это я переживать и не стала бы, даже если бы оторвала его от самого крепкого сна в своей жизни.

Эгоистично, но куда без этого в нашем мире?

– Как насчет того, чтобы прогуляться?

– У тебя что-то случилось?

– А разве должно что-то случиться, чтобы я предложила тебе свою компанию?

– Нет, просто... Честно говоря, я думал, что тебе не интересен.

– Так дай себе шанс реабилитироваться.

– Где встретимся? – спустя пару секунд раздумья, спрашивает он.

– Знаешь, где находится мост Бенджамина Франклина?

– Разумеется, это же...

– ... я буду там, – прерывая возможное повествование об этом строении, уверенно говорю я и заканчиваю звонок.

Будем надеяться, что я не пожалею о своем необдуманном поступке.

Не хочу сейчас думать, хочу отключить мыслительные процессы на некоторое время и выбросить весь ненужный материал сегодняшней ночи. Уставившись в воды бегущей

реки Делавэр, я источаю желание оказаться в ее холодном течении, чтобы взбодрить разум. И если бы я добралась до моста на пару минут раньше Фостера, эта сумасшедшая прихоть возможно бы и исполнилась. Плевать на то, что река грязная и чертовски холодная. В ней едва ли больше грязи, чем в моей жизни. Зараза к заразе не цепляется. Наверное.

Англичанин тихонечко устраивается на уже знакомой скамейке и теперь вопросительно смотрит на меня, настораживаясь задать логичный вопрос. В этом человеке слишком много деликатности, которой бы с успехом хватило на целую банду Лихачей.

– Чем предлагаешь заняться сейчас? – разрушая раздражающее молчание, начинаю я.

– Не знаю... Хочешь выпить кофе или съесть чего-нибудь вкусного в каком-нибудь уютном месте?

Слишком предсказуемо.

– Сегодня все, как ты говоришь, уютные места не покажутся такими уютными. Глубокая ночь перед началом выходных извергла из домов городских жителей, поэтому все доступные заведения наполнены шумом и людьми.

– Тогда можно просто посидеть здесь и поговорить. Думаю, это было бы уместно прямо сейчас.

А вот говорить с тобой о душевном я точно не стану...

– Ты ведь картингом, кажется, увлекаешься?

– Верно.

– Только на спорткарах гоняешь?

– Хм, ну да, ведь если нарушать скоростной режим за пределами автоклуба, то прав можно лишиться.

– Скажи, я нравлюсь тебе? – перейдя сразу к делу, я ставлю в неловкое положение парня.

На удивление, он выходит из ступора раньше, чем я ожидала. И, откашлявшись, решает схватить блин горяченьким:

– Нравишься, Дакота. Когда я тебя впервые увидел, вся моя уверенность, которая, как я думал, не покинет меня никогда, решила взять перерыв. Ты очень красивая, но не это даже главное, в тебе есть что-то, что притягивает...

Ага, я напицкана магнитами, как смертник тротилом.

– Тогда ты готов рискнуть ради меня возможностью лишиться прав? – Если он меня к черту пошлет, я пойму, но раз идти, то до конца.

– Дакота, чего ты хочешь?

– Давай погоняем?

– Сейчас? Если хочешь, я могу записать тебя в автоклуб.

– Я не хочу никакого автоклуба, я хочу, чтобы мы поехали на какую-нибудь неоживленную трассу, и ты выжал максимальную скорость из своей машины. Дилан, я хочу этого прямо сейчас. Знаешь почему? Потому что мне нужна скорость, мне нужно почувствовать хоть что-то, помимо дерьмового настроения и желания послать все к черту.

Он молчит, словно воды в рот набрал. Внутри него происходит борьба между добром и злом, где последним являюсь я. А противостоять мне, как и злу, не так-то и просто.

– Это несет за собой ответственность... – почесав лоб, говорит он. – Хорошо. Только ответь мне на один вопрос.

– Слушаю.

– Я тебе хоть немного нравлюсь?

– Ты мне симпатичен. Но говорить о чувствах пока рано, нашему знакомству и суток нет, – сразу же отвечаю я.

Этот парень красивый, высокий, не глуп, не беден и вполне уважаем в этом обществе, он смог добиться многого. Но рядом с ним я не чувствую притяжения, не чувствую страсти, желания. Мне потребуется много времени, чтобы остыть, успокоиться. Забыть того, кого успело полюбить мое тело, отзывающееся лишь на легкое прикосновение шквалом эмоций. Но я постараюсь, и Фостер – неплохой вариант.

Дилан лишь улыбается и протягивает мне свою руку.

– Тогда я сделаю все возможное, чтобы ты захотела полюбить меня. Поехали!

Я не первый раз еду с такой стремительностью. Связавшись с Лихачами, я часто гоняла с Хантером. В основном тогда я находилась в нетрезвом состоянии. Я не осознавала, что играю со смертью в догонялки. Мне было плевать. Я не чувствовала адреналина или азарта, мне было пофиг на все. Но сейчас, полностью понимая, где я и с кем, мчась на максимальной скорости в машине, за рулем которой Фостер, мне хочется высунуться в форточку и орать во все горло, избавляясь от переизбытков диких чувств.

За окном, в дымке тумана и ночных сумерек проплывает пригород. Безлюдное шоссе бесконечной прямой тянется на сотни миль. Позади неспящая Филадельфия, здесь же все забывается сном. Сплошная желтая полоса будто бы призывает найти ее окончание. Фонари, редко встречающиеся на пути, дают минимальный очаг света. Лишь свечение фар позволяет разглядеть, что находится впереди.

Поздняя осень, как она есть, властвует в ночи. Жалостливые голые деревья, устало опустившие ветки к земле, обрамляют дорогу. Бескрайнее полотно темного неба струится каскадом звезд. Несмотря на движение, все замирает, молчит.

Дилан мастерски управляет машиной, словно гонщик Формулы один. Езда плавная, без встрясок. Глядя на его, блестящие от азарта, глаза, все предыдущие впечатления стираются. Он кажется не таким занудой. Возможно, это и есть тот самый шанс, способный нас объединить и создать еще одну парочку в элитном обществе? Во всяком случае я буду надеяться на это.

Я чувствую, как эта, дрейфующая на поверхности сознания, мысль действительно отрывает меня от гнетущего недавнего расстройствa.

– О, смотри, сумасшедшие! – Выталкивает меня из раздумий голос Фостера.

Мимо нас, рассекая воздух, проезжают десятки мотоциклов. Из-за большой скорости эта колонна сливается. Кажет-

ся, что нас вот-вот сдует с дороги, как перышко. Рев моторов и мечущийся свет пугает. В груди волей-неволей замирает вдох. А я ведь тоже когда-то участвовала в подобном...

– Вот же идиоты! Совсем мозгов нет.

– Согласна...

– Доноры совсем с катушек слетели.

– Кто? – переспрашиваю я.

– Ну их так все называют. Они ж больные на всю голову, раз на своем экипаже способны развивать такую скорость. Малейшее отвлечение – и все, ты лежишь на операционном столе, а датчики жизнедеятельности выводят прямую на мониторе.

– А разве остального транспорта это не касается?

– Шансов выжить намного больше, если управлять четырехколесной машиной. Чувствуешь разницу?

– Чувствую.

– Еще вопросы, милая леди? – улыбнувшись, заявляет он.

– Обещай, что мы с тобой не разобьемся.

– Пока ты со мной, бояться этого не стоит.

Я помню, как нечто похожее однажды сказал Ривз в зале, совершая трудную поддержку:

Пока ты со мной, тебе не следует бояться падения.

Тогда я была стопроцентно уверена, что он меня не уронит. Я в жизни так никому не верила, как ему в тот момент.

Но на самом деле, пока я с ним, я то и дело падаю. Нужно вставать прямо сейчас.

- Позволишь мне сесть за руль? – Я строю милые глазки.
- Уверена? – Ох уж эта предосторожность.
- Дилан, я не собираюсь нас угробить!
- Это я и хотел услышать.

Стрелка спидометра стремительно раскачивается вправо.

Это не машина набирает скорость. Это убегаю я.

Прощайте, глупые чувства. Прощайте, глупые мысли.

Около полугода назад

– Стоп! Стоп! Стоп! – Мой крик настолько громкий, что я чувствую свинцовый привкус во рту.

Авария. Дым. Пыль столбом. Асфальт словно завибрировал от сильного столкновения.

Один из Лихачей, проезжающий мимо нас еще минуту назад, сейчас лежит, согнувшись от боли рядом со своим байком, колеса которого продолжают крутиться на бешеной скорости. Кровь, смешиваясь с грязью, прокладывает дорожки к обочине проселочной дороги.

– Что делать, Хантер?! – орет кто-то позади.

– В девять-один-один звони, придурок! – Злость выдает лишь голос. Его же выражение остается непробиваемым.

Я подхожу к пострадавшему и вижу на его лице беспомощность, укрытую кровавым месивом. Он не совсем понимает, что происходит. Смесь шока и наркотиков, принятые несколькими часами ранее, сделали свое дело и притупили боль. Я удивлена, что он все еще в сознании, после та-

кого падения можно запросто подружиться со смертью.

Легонько расстегивая изодранную косуху, я замечаю торчащую кость на руке. От одного только вида рваного мяса, меня начинает мутить, но я не даю слабости зеленого света. Непонятная злость, ненависть ко всему происходящему моментально нарастает и обостряется. Из меня лезут иголки, отравленные сильнейшим ядом. Я и так стала злой собакой со дня смерти мамы, так теперь это животное превращается в Цербера (9).

Вместо того, чтобы оказать минимальную первую помощь, я кидаюсь на Хантера, словно пантера на добычу и окаменевшими кулаками бью в грудь.

– Какие же вы все уроды! Просила же большие не принимать дрянь. Ты помнишь тот случай на свалке?!

В тот самый злополучный день, когда я упала с огромной груды металла, оставив пару шрамов на память, я заручилась, что с наркотиками мне не по пути.

– Эй, успокойся! – Он перехватывает очередной удар, зажимая мои руки в свои костлявые лапы. – Что, значит, просила?! Тебе же и так на все плевать, с каких пор это не так?

– Ты глухой или тупой? Хотя я знаю ответ. Наркота – хрень полная, из-за нее вы превращаетесь в пустые банки. А мне неинтересно тусоваться со стеклянными емкостями.

– А что, если я скажу, что все байкеры – наркоманы. В прошлом, в настоящем, неважно. Но каждый, особенно

тот, кто в банде, сидит на дури.

– Это не правда.

– Правда, дорогуша, правда. Ты из этих ребят видела хоть кого-нибудь, кто не употреблял? – скалясь, спрашивает он.

Он прав. Все они курили, нюхали, кололись.

Машины скорой помощи и полиции приезжают быстро. Уложив на носилки ничего не соображающего Лихача, медики опрашивают его друзей на предмет возможности аллергии и так далее. Копы же свое внимание заостряют на превышении скорости и вероятности наркотического опьянения.

Хантеру не в первый раз в этом участвовать, он знает, что говорить, кем прикрываться, поэтому на его лице ноль волнения, лишь несменная кривая ухмылка. Он подмял под себя, кажется, все, но только не меня.

Когда вся эта муть с допросами заканчивается, я понимаю лишь одно – пора прощаться с байкерами. Меня не напугало случившееся, просто стало с ними скучно. Каждый раз одно и то же: выпивка, гонки, драки, наркотики. Я оказалась в чертовом колесе, самое время выбраться из него и найти окрестность поинтереснее.

Я ухожу, ни сказав никому и прощального слова.

8. Кеннет Генри Майлз – один из самых известных гоноч-

ных инженеров родом из Англии.

9. Цербер – свирепый трехголовый пес, сидящий у входа в царство Аид подземное обиталище мертвых.

Глава 16

Почти середина декабря. Сырое небо над шумными улицами угрюмо нахмурилось и заполнилось свинцовыми тучами. Зима ворвалась в Филадельфию плотной завесой дождя и порывистым ветром вместо мягких хлопьев пушистого снега. Через пару недель Рождество, но, сдаётся, глобальное потепление лишит нас всех радостей этого сезона. Туман, рассекающий статные высотки на две половины, одну из которых не видно за прочной пеленой, обосновался в городе, возглавив шествие уныния. И даже праздничная иллюминация, отражающаяся в лужах, едва ли спасает ситуацию.

Кажется, включив автопилот, жители огромного мегаполиса находятся в полусне. Прячась за капюшонами, все идут по своим делам, и только я стою как вкопанная и пялюсь на небо, в попытках увидеть хоть какой-нибудь просвет.

Безнадежно.

Уже месяц я стараюсь не думать о своих решениях и поступках. Месяц встречаюсь с Диланом Фостером, месяц ужинаю в дорогих ресторанах в его компании, месяц появляюсь на приемах и месяц нахожусь в подвешенном состоянии. Но за это время я также укрепила отношения с семьей, еще сильнее привязалась к Эштону и Камилле и начала просыпаться раньше, чтобы бегать. Я изменилась, точнее, стала той, кем должна была стать ради своих близких, ради своего

будущего.

Вот только каждое решение имеет последствия. И вот сейчас я рискую остаться без диплома, так как наш с Ривзом выпускной проект уверенно шагает в пропасть. Той ночью, когда я ушла из своей комнаты, оставив байкера одного, я сделала первый шаг на пути к провалу. Мы снова собачимся, танец не склеивается, в нем есть движения, но нет чувств. А без них все старания начисто лишены смысла. Я уже дважды пыталась уговорить мистера Сэймора дать мне другого партнера, но он и слышать ничего не хотел. Приходя каждый раз в зал, мы с Джейденом повторяем одни и те же связки, сложные поддержки, но все это не рассказывает нужную историю, а лишь уныло молчит. Это и не танец вовсе, а движения роботов, пытающихся танцевать.

Дилан. Он милый, даже слишком. Несмотря на кучу работы в офисе, он приезжает по каждому моему требованию. Он постоянно дарит мне цветы, дорогие подарки, некоторые из них я до сих пор так и не распаковала. Он ездит к моей семье, дружески общается с отцом. Который, к слову, на седьмом небе от счастья, что мы вместе. А ко всему этому теперь я еще и красуюсь на страницах женских журналов как дама, похитившая сердце одного из завидных холостяков Филадельфии.

Предел счастья?

Казалось бы, то, что я сейчас рассказываю, – идеальная сказка, ставшая реальностью. Да так оно и есть. Многие меч-

тают о подобном. Если говорить о чувствах, то они определенно есть, только я не уверена, что это те самые, нужные. Я не ощущаю страсти, мурашек по коже, сердце не бьется в два раза быстрее, когда он меня целует, притрагивается. Но рядом с ним хорошо, спокойно. Я знаю, что мне не придется общаться с плохими типами, я уверена, что мне не понадобится кому-то украшать физиономию фингалами или напиваться до вертолетов в голове. Такая стабильность – скукота, от которой я некогда бежала и к которой ныне прикована хромированными наручниками.

Я не перестала ходить на тусовки с Кэм и Эштоном. Друзья намертво вцепились в меня, отстаивая нужность подобных увеселений. И они, пожалуй, единственные, кто иногда освобождают меня из оков, пускаясь в допустимые нормы сумасшествия. Как же я люблю этих двоих! Именно они разбавляют мою уж слишком примерную жизнь своим безумством и озорством.

– Ну что, набегалась, красотка? – Подруга в халате сидит на столешнице и допивает кофе.

– Ты чего проснулась в такую рань-то? Твой будильник должен только через полчаса прозвенеть. – Снимая с себя мокрую ветровку, гляжу на часы я.

– Твой телефон орал, как бабка в километровой очереди. Давайте дружно скажем «спасибо» твоему Младшему за то, что он звонит не вовремя! Нейметса же!

К Дилану привязалась эта кличка с того самого дня, когда

я ближе познакомила его с друзьями.

– Наверное, имеется веская причина, чтобы он позвонил в такое время.

– Ага, хотел пожелать своей конфетке доброго утра, все-го-то, – фыркает блондинка, не упуская возможности поязвить.

Камилла чуть с челюстью своей не попрощалась, когда узнала, что я с ним встречаюсь. Такие перемены в моей жизни ей пришлось не по вкусу. Она не очень-то жалуется Фостера, считая его слишком скучным, слащавым и редкостным педантом. Ее забавят книги в моей комнате, разложенные рукой Дилана в алфавитном порядке.

– Короче, я в душ, а ты тоже не засиживайся, через полчаса едем в универ.

– Как скажет будущая графиня Британских угодий.

– Не медлите, мисс Берк, иначе экипаж уедет без вас!

Главный коридор университета обвешан украшениями, как торговый центр в преддверии Рождества. Гирлянды, пестрая мишура, праздничные листовки торчат из всех щелей. Заменив свой консервативный вид, помещение стало более ярким и теплым.

Огромную растяжку с объявлением о предстоящем зимнем бале рабочие вешают прямо над потолком, и Камила начинает неистово пищать.

– Господи, Берк, тише! Такое ощущение, что кто-то цин-

ковое ведро уронил, прекрати! – Эштон закатывает глаза и толкает подругу в бок.

– Слушай, сейчас это ведро тебе на башку упадет! Это же бал, алло! В этом году его назначили намного раньше. Придется отменить все планы на двадцать девятое декабря.

– Кэм, неужели ты тащишься от чего-то подобного? – не узнавая девочку-бунтарку, спрашиваю я.

– Да брось ты! Мне не интересен сам бал, если ты об этом. Обычно на нем слишком скучно. Ну знаешь там, пышные платья, строгие костюмы, классическая музыка и безалкогольный пунш – скукотень... А вот то, что происходит потом, можно назвать самой чумовой тусовкой в году.

– И что же происходит потом?

– Традиция, – мурлычет девушка. – Когда универ закрывают на ключ, не все расходятся...

– Ну понятно, что не все, охрана-то остается.

– Нет, милая моя, они в эту ночь тоже сваливают.

Я откровенно не понимаю, что сейчас пытается донести Кэм. Ее безумный огонь в глазах сбивает с мыслей. Кажется, она начинает дышать в два раза интенсивнее и сейчас как заорет от распирающей ее радости, что вся штукатурка со стен рухнет на пол.

– Короче, объясняю. – Эш тащит одеяло на себя. – Когда этот псевдокрутой бал заканчивается, остается десяток избранных студентов во главе с нами, и все мы вместе пробираемся в бассейн универа и устраиваем шабаш.

– Я думала, такое только в фильмах бывает. Зачем? Какой в этом смысл? Кто эти избранные?

– А какой смысл всех вечеринок? Круто же потусить на чужой территории, да еще и с бассейном. Ты прикинь, сколько адреналина! Мы подкупаем охранников, всовывая им довольно приличную сумму денег, чтобы они молчали, а лучше свалили, и они не тревожат нас, позволяя пользоваться владениями всю ночь. А почему только избранные? В этот список лишь люди с бабками входят. А бабки есть не у всех...

– Боюсь спросить, сколько же вы платите охране за такую блажь?

– Пять тысяч.

– Неплохо.

– Ага, тебе легко говорить с кошельком твоего отца.

– А ты не заглядывайся на его кошелек! Я эту вечеринку и сама оплатить смогу без посторонней помощи.

– Ну конечно, наверное, у тебя неплохой трастовый счетик в банке! Мой заморожен до двадцати пяти лет. Спасибо мистеру и миссис Берк за это!

– Думаю, они правильно сделали, иначе ты давно бы все спустила на тусовки.

– Разумеется!

Мы продолжаем смеяться, пока не доходим до зала, где уже все одnogруппники давно делают разминку. Мистер Сэймор, сложив руки на груди, строго смотрит на нас. Мы опоздали на занятие.

– Коуэн, Берк и Гриффин, я уже начал беспокоиться, что самые талантливые студенты этой группы решили забыть про занятие!

– Что вы, как мы можем огорчить нашего самого любимого преподавателя? – тоненьким голоском говорит Камилла.

– Тогда будьте любезны не опаздывать впредь и приступить к делу! А позже, на правах опоздавших, вас ждет танцевальное наказание.

О, только не это!

«Танцевальное наказание» – это отработка косяка. Обычно нам нужно провести одно занятие у первокурсников. Подобного никто из студентов старших курсов не любит, потому что это сродни отправиться в ссылку. Проще в детском саду смену отработать, чем с фрэшменами урок.

– Итак, уважаемые, в четыре у меня курс у первой группы в этом зале. Будьте добры явиться сюда вовремя!

– Будет сделано! – Непотопляемая Кэм приставляет руку к голове, отдавая честь, и поворачивается к нам. – Есть идея, ребята.

– Ну, давай выкладывай! – Грифф заговорчески пялится на нее.

– Ты, дружок, проведешь занятие без нас с Даки.

– Что? Наказаны все трое вообще-то.

– Ты же знаешь, что у меня работа.

– У Дакоты тоже?

Не успеваю я и слова вставить, как подруга делает это за

меня:

– А наша богатая мисс Коуэн откупится.

– Что ты имеешь в виду? – встречаю я.

– Подружка, у тебя куча денег, ведь так? Я предлагаю тебе стать спонсором послебальной вечеринки, а выпивка и закуски – это уже проблема всех остальных.

– Без проблем.

– Ну что, Эштон, теперь тебе не стоит париться по поводу того, где найти деньги. Доволен?

– Да идите вы в прерии, милые дамы! Черт с вами, согласен...

– Я могла бы заплатить и просто так, если что, – смеюсь я и отхожу от друга на безопасное расстояние.

– Я попрошу на свой день рождения самый дорогой подарок, и только попробуйте его не принести, чертовки, – кричит он в след и приступает к разминке.

Вечер в танцевальном зале в компании Ривза каждый раз сокращает количество моих нервных клеток. Я превращаюсь в колючий комок раздражения и злюсь на себя, на него, на всех в мире в ближайшие часы.

Пока я стою перед дверью, собираясь с духом, внутри меня что-то кипит, сердце начинает биться быстрее, руки потеют. Так мое тело реагирует на этого парня. Всегда. Симпатия к нему никуда не пропала, но я стараюсь ее сдерживать на цепи здравым рассудком. Когда-нибудь, помяните мое сло-

во, эта внутренняя борьба перерастет в кровавую войну.

Я пытаюсь скрыть свои истинные эмоции за каменной миной, пока во мне загораются маленькие искорки от прикосновений рук Джейдена, уверенных поддержек и вида его голубого торса. Что ни говори, а порок чувствует, что его хотят попробовать на вкус. Обычно, когда мы танцуем, я представляю Дилана вместо байкера, и тогда мне становится не так сложно совладать с собой.

СВОЕГО парня ставлю на место ДРУГОГО, чтобы не воспылать страстью! Вот до каких парадоксальных крайностей я дошла...

Услышав голос за дверью, я слегка приоткрываю ее и замечаю Ривза и Уэлш. Она, состроив щенячьи глазки, щебечет своим писклявым голоском:

– Джейд, меня пригласили на закрытую вечеринку в клуб. Пойдешь?

– Кора, я же уже утром сказал тебе, что не смогу.

– Ну пожалуйста, там будет круто! Обещаю, что если согласишься, то не пожалеешь.

Стоит немного уделить внимания персоне Кору, мать ее, Уэлш. Если подбирать к ней ассоциации, то я вряд ли смогу сравнить ее с чем-нибудь приятным и располагающим. Она мне противна. Глядя на всех свысока, считая, что выше многих не только ростом, она старается утрамбовать всех, кто не за нее, под подошвой. Ей бы в детский сад с таким мышлением, а не во взрослую жизнь. Кажется, что за двадцать с

лишним лет она выросла исключительно в длину, но никак не в глубину умственных способностей. Да и есть ли в ней глубина? Если только как в детском бассейне.

После неудачных попыток Уэлш ко мне не лезет. Боится, хоть и не показывает этого. Однажды я чуть не сцепилась с ней, когда она «случайно» облила меня соком. Не скромно хвастаться, но если бы мне пришлось ей навалить, то я бы вышла из драки совершенно сухой, без каких-либо повреждений. Я сильнее ее, отчаяннее и злее. И она это прекрасно понимает, поэтому дорогу больше не переходит.

Рыжеволосая делает шаг вперед, почти касаясь торса Джейдена. Я вижу ее сузившиеся хитрые, как у лисы, глазючки, приоткрытые неестественно пухлые губы. Откуда-то из недр моей сущности вскипает вулкан.

Это что еще за приколы?!

– Я подумаю, – сдается байкер.

– Ты же знаешь, я так просто не отступлю.

– Знаю.

Ее шепот слышен отчетливо. И меня начинает это бесить. Она пытается его соблазнить прямо здесь!

Я бесцеремонно вламываюсь в зал, кидаю сумку на пол и включаю музыку. Уэлш сразу же отходит от Ривза, словно он ударил ее током, и гневно смотрит на меня.

– Вообще-то мы тут разговариваем, – начинает пыхтеть она.

– Как мило!

Я закидываю ногу на станок и, игнорируя неприятную компанию, приступаю к разминке. Внутри все трясется от напряжения. Хвала небесам, что при этом, внешне я сама невозмутимость. Моя непробиваемая физиономия смотрит на всех из отражения в зеркале и как бы говорит «мне все равно». Но я-то знаю, что это в корне не так.

Неужели я действительно ревную его к этой девчонке?

Руки будто деревянные, я с трудом касаюсь пальцами пола.

– Не могла бы ты выйти, мы не закончили!

– Что?! – хохочу я и выпрямляюсь. – А не могла бы выйти ты и как можно быстрее?! Сейчас этот зал мой. Поверишь на слово или пропуск показать?

– Дура, – почти беззвучно говорит она.

– Да ладно, это все, что ты можешь сказать? Как отчаянно...

Джейден небрежно улыбается.

Уэлш злится и становится краснее своей ядовитой помады.

Я скептически уставляюсь на них двоих, скрестив руки на груди.

Картина маслом.

Глава 17

– Сколько раз можно повторять, что здесь не левую ногу нужно ставить, а правую!? – выбившись из сил, начинаю орать я на партнера, который просто тем, что дышит, уже бесит.

– Ты совсем не в своем уме? – сразу же отвечает он. – Если я начну с правой, то все придется перестраивать. Мне не хватит счета, чтобы ее потом поменять, и мы оба грохнемся!

Я усаживаюсь на пол, затыкая уши, чтобы не слышать всего этого, и пытаюсь прийти в себя. Я и вправду сегодня слишком сильно разозлилась и из-за этого несу всякую чушь.

Гребанная Уэли, гребанный Ривз, как вы меня задрали!

Я устала просто плыть по течению и терпеть, мириться со всем, что на меня рушится. Я не понимаю, какого черта не могу жить спокойно! Я все усложняю. Не кто-то, а я. Сама сую себе палки в колеса.

– Прекрати вести себя как ребенок!

Он отрывает мои руки от головы и на секунду сжимает их в своих теплых ладонях. Но я не позволяю этому моменту стать дольше и высвобождаюсь.

– Не лезь со своими рекомендациями!

– Коуэн, ты понимаешь, что все портишь?!

– Это я порчу? Это ты виноват, что у нас ничего не получается.

Голоса на повышенных тонах зазвенели в стеклах. Ну вот опять воздух сгущается, температура накаляется. Скоро все взорвется. Снова.

– Разве? Ты уверена в этом? Хорошо подумай. Это я веду себя как идиот? Это я поступил, как маленькая девочка на той вечеринке и оставил тебя в комнате?

– При чем здесь это? Я говорю о нашем с тобой танце.

– Я тоже.

Джейд усаживается на пол рядом со мной и откашливается.

– Послушай, однажды мы заключили с тобой договор. Я хочу заключить его повторно. Давай просто не будем портить друг другу будущее и сделаем этот гребанный танец таким, каким его хотят все увидеть. От нас ожидают самого лучшего, в то время как мы простаиваем на месте. Над такой хореографией, которую мы задумали, нужно усердно работать, для этого необходимо все время, которое нам дали. Прекрати на меня злиться, необоснованно ругаться, строить такое лицо, словно тебе на все плевать. Из-за этого я сосредоточиться не могу, вот у нас и получается всякая хрень.

Я смотрю на его спокойные голубо-зеленые глаза, ямочку на левой щеке. Уголки его губ трогает едва заметная улыбка и тем самым прожигает мое ненормальное сердце. Я никогда не видела его таким дружелюбным. Сейчас он впервые заговорил со мной, как с человеком, незаслуживающим крика. Впервые я смогла в нем разглядеть не только байкера со

всеми вытекающими примочками, а просто Джейдена Ривза – студента четвертого курса хореографического отделения. Впервые он не стоит рядом с Хантером и другими раздолбями. И я знаю, что это лишь мгновение, которое скоро пройдет, но оно запомнится.

Я больше не держу ситуацию в ежовых рукавицах, позволяя давно засохшим слезным железам, наполниться жидкостью. Я плачу. Такого не было уже очень давно. Слабость распространяется по мышцам, на шее ослабляется удавка, до этого не разрешающая спокойно дышать. Я сама ее туда поместила, затянула клеммы потуже, чтобы не позволить себе сорваться в пропасть под названием «прошлое».

– Ну, ты чего? Тихо, Даки, тихо... – Аккуратно обнимает меня за плечи Джейд.

Тепло от его рук плывет по всему телу. На меня действует сильнодействующее лекарство нежности. Я перестаю трястись, как молодое деревце на ветру, и затихаю. Вот она, та реакция, которая требовалась. И почему только он способен мне ее подарить? Дилану никогда не удастся повторить подобное.

Но я приняла решение, сделав выбор в пользу спокойного будущего, лишившись всех привилегий искренних чувств.

Почему ты не мог быть другим парнем? Я бы не бежала от тебя. Я бы была с тобой.

Тишина в зале содрогается каплями холодного дождя, стучащимися в окно. На улице поднимается ветер. Слыш-

но, как он надрывно скулит и протяжно стонет между зданиями. Все словно подыгрывает сложившейся ситуации. Но несмотря на то, что снаружи ужасно мерзкая погода, внутри все потихоньку налаживается. Стихию природы заглушает наше спокойное ровное дыхание. Мы не говорим друг другу ни слова, просто молчим, пока я не прихожу в привычное состояние Коуэн.

Легче стало лишь наполовину. Ривз не должен был видеть этих слез, да и никто не должен. Он уже не впервые становится свидетелем подобных драм, вспомнить хотя бы нашу первую встречу. Еще пару таких срывов, и я потеряю заслуженную репутацию стервы, оберегающую меня от ненужных решений.

Стоит держать себя в руках.

Я хочу ее поцеловать, прижать к груди и осушить бархатные мокрые ресницы от слез.

Почему она плачет? Что я такого сказал?

Дакота так и не утратила к себе внимания, не покинула моего сердца. Что-то до сих пор удерживает ее там. Я, похоже, на самом деле запал на нее. Мне изначально казалось, что это просто влечение, но со временем оно не прошло, а лишь стремительно нарастало, пока не превратилось в чувство.

Мне не доводилось попадать в такую ситуацию ранее. Подумать только, я реально ни разу не влюблялся! Ни в детстве, ни в подростковом возрасте. Меня обходило это стороной.

Пока многие купались в первых трепещущих волнах влюбленности, я проплывал мимо. Пока кого-то сжирала клыкастая акула первого расставания, я стоял с другой стороны и просто смотрел на ошметки разбитых сердец.

А что теперь?

Я в ловушке. Признаваться ей в этом вряд ли следует. Она ясно дала понять в тот вечер, что нас с ней ничего не объединит.

Но что дало ей основание так решить?

И только я собрался задать этот вопрос, как дверь в зал открылась, и на пороге показался какой-то франт в дорогом пальто и отполированных до блеска туфлях.

Дакота резко поднимает голову и уставляется на него в удивлении, словно перед ней мечется призрак. И так бледная кожа становится еще белее. Она выглядит совершенно другой, не такой, какой я привык ее видеть. Завидная стойкость и упорство пропадают в незнакомой улыбке, фиг знает, что означающей. Я не помню, чтобы она так улыбалась. Нерешительно, обреченно и совершенно потерянно.

– Дилан? Что ты здесь делаешь?

Он молчаливо пялится на меня и вместо того, чтобы ответить, неуверенно трясет головой.

Немой, что ли?

– Ох, уже почти девять... Черт, я и совсем забыла! Дай мне пару минут, я сейчас вернусь.

Она хватает свою сумку и выходит из зала, напоследок по-

смотря на меня так, будто это наша последняя встреча.

– А вы, собственно, кто такой и почему вас пустили в зал? – первым начинаю я.

– Я парень Дакоты. Попасть сюда не такая уж и проблема. А вот почему у моей девушки заплаканные глаза стоит уже у вас спрашивать.

Твою мать, что?!

Коуэн встречается с этим начищенным придурком?!

Охренеть!

От наркоши Хантера к богатенькому снобу расстояние как до Марса, и она смогла его преодолеть со скоростью света. Вот это новость! Меня словно только что в ведро с помоями окунули.

Она меня уделала, как никто другой ранее. Даже разбитая морда не так болит, как душа, отравленная ядом, выпущенным из девушки, на которую успел запасть.

– А это вы у нее самой спросите! Думаю, она с удовольствием вам обо всем расскажет, – твердо говорю я и выхожу из зала, злобно хлопнув дверью.

Мне нужно сегодня надраться как черту и забыть эту девчонку.

Я без лишних раздумий набираю Уэлш и соглашаюсь на ее предложение. Знаю, что она давно меня хочет, поэтому сегодня мы поможем друг другу. Она получит того, кого добивалась долгие месяцы, а я переключусь с канала драмы на фильм более интимного содержания.

– Даки, готова услышать сплетню?! – задорный голос по-други раздается в трубке.

– Давай только быстрее, мне уже пора садиться за рождественский стол. Ты помнишь, что сегодня праздник и все нормальные люди проводят его со своими семьями?

Я смотрю на Ив, радостно распаковывающую подарки под елкой, и улыбаюсь. Скоро она доберется до моего и, уверена, начнет визжать от восторга.

– А я ненормальная, забыла?

– Ну да, только ты можешь не поехать к своим родителям, которые живут в часе езды от Филадельфии в такой день!

– Вообще-то они сейчас греют свои старые косточки на Кубе и правильно делают. Здесь нечего сидеть в такой «ска-зочный» праздник, который сам по себе ассоциируется с кучей снега, нелепыми снеговиками и боями снежками! Лучше уж купаться в океане, чем плескаться в лужах на улицах.

Она права. Погода для такого события мерзкая. Даже и не хочется лишний раз выходить из дома, чтобы не наступить на какую-нибудь мокрую отметину на асфальте. Видимо, мы не заслужили осадков в виде снега от Санты. За плохое поведение он решил помочиться на нас дождем.

– А почему ты не полетела с ними?

– А кто меня отпустит? Я ж трудолюбивая официантка!

– И то верно, тогда досада...

– Да ладно, я вчера неплохо оттянулась на вечеринке, до

сих пор голова трещит.

– Так что за сплетня?

– Короче, ты прикинь, Уэлш вчера приперлась на тусовку, на которую ее не звали...

– ... Берк, с каких пор мне это интересно?

– Ты дослушай! Она пришла вместе с Джейденом. Представляешь, они встречаются!

Хохот подруги перемешался с писком Ив. В руках у воющей сестры оказалась пара билетов на детский спектакль «Красавица и Чудовище» и пропуски за кулисы, где она сможет пообщаться с актерами, играющих ее любимых персонажей.

Внутри меня сейчас тоже кто-то закричал вместе с ними.

– Алло, ты еще тут?

– Да... да, я слышу тебя, – ошарашенно выдаю я.

Уэлш и Ривз.

Они вместе.

Он ее парень.

Стало быть, ей удалось его заграбастать. Но эта новость меня что-то не обрадовала. Наоборот, я почувствовала, как начали гореть щеки, словно мне только что дали пощечину.

Кэм продолжила что-то увлеченно рассказывать, но мой мозг был уже не в состоянии вникать в суть.

С чего вдруг байкер выбрал именно ее? Доступный вариант? С целью отомстить? Зачем?

Он видел пару недель назад Дилана, который приехал за

мной, чтобы поужинать в новом ресторане. Но и виду после этого не подал, что ему есть до моей личной жизни дело. Он вел себя спокойно, даже равнодушно. Я не обратила на это внимания, решив, что он просто выполняет условия нашего, так сказать, договора. Может, и чувств у него ко мне вовсе не было? А то, что произошло в ванной, был тупой животный инстинкт? А я-то уже возомнила себя покорительницей сердец!

Дура! Какая же я идиотка! Ну ладно... Пора наверстывать упущенное!

– Камилла, – перебиваю я, болтающую без остановки, подругу. – Давай завтра поговорим, мне уже правда пора.

– Ладно, семьянин, иди пить глинтвейн и есть всякую калорийную дрянь. Люблю тебя!

Я реально тупица! Оказывается, я посмела запасть на того, кому на меня наплевать, кому я была интересна в качестве фигуристой девчонки и только.

Ладно, я смогу это забыть и успокоиться. Ведь ничего, собственно, не произошло. У меня все в порядке. Рядом со мной те, кто меня любит, а большего и не нужно.

– Дакота, ты самая лучшая! – Ко мне бежит довольная сестренка и крепко обнимает.

– Понравился подарок? – Я сажусь на колени и после того, как Ив отпускает меня, касаюсь холодными руками своих горячих щек.

– Еще бы! Ты ведь пойдешь вместе со мной?

– Конечно, как я пропущу такое событие?

Внешне я спокойна. Но знали бы вы, что за бурю я стараюсь сейчас укротить.

Папа с Диланом подходят к нам. Они все время болтают о чем-то, в основном о делах, но сегодня, подзаряженные пару бокалами вина, обсуждают только меня.

– Милая, я тут предложил твоему парню купить особняк неподалеку от нас. Ведь было бы неплохо, если в будущем вы жили рядом.

– А будущее меня ждет светлое? – с каменным лицом спрашиваю я.

– Самое, – обнимая меня за талию, шепчет на ухо Фостер.
Этого я и добивалась.

Чего такая недовольная?

Радуйся!

– Тогда купи нам этот особняк!

Смущая всех остальных, я бесцеремонно прижимаюсь к нему и целую в губы. Обычные, слегка сухие и шершавые, не имеющие вкуса, губы.

Я привыкну. Не я первая, не я последняя.

Глава 18

Все такое голубое... Просторный холл университета превратился в бальный зал. Дизайнеры-студенты знатно постарались, стоит отметить их хорошую фантазию, профессионализм и креативность! Тема волшебного леса полностью нашла себя в декорациях и украшениях.

Засыпанные искусственным снегом, небольшие бутафорные деревца по всему периметру, звездное ночное небо, проецируемое на потолке и голубо-белые огоньки на стенах в форме снежинок, даже черствого чурбана могут впечатлить. И вдобавок к этому старые джазовые композиции в исполнении живого оркестра заставляют мурашек погонять в догонялки по всему телу.

– Ого, в этом году здесь размаху нехилого дали! – Эштон оглядывается по сторонам.

– Да, даже мне зашло, – подхватывает его Кэм.

Друг цепляется за свою «удавку» на шее и корчит смешную рожицу. Сегодня мы опять при параде.

Камилла в нежно-зеленом длинном платье до щиколоток и, со спущенными на плечи, белокурыми волосами выглядит не хуже светских красоток, а фиолетовые пряди по бокам придают ей особого шарма.

Я же сегодня решила не выделяться и вместо смелого нюдового платья-рыбки с открытым декольте, за которое все-

ми руками за была Берк, надела невызывающий темно-синий наряд в пол с рукавами до локтей. Волосы заплела в свободный пучок, чтобы открыть лицо, демонстрируя всем шикарный дорогой макияж от лучшего стилиста Филадельфии.

– Господи, эта бабочка меня скоро удушит! – Эш стоит рядом красный как рак.

– Давай-ка я ее сниму. К черту все, что мешает дышать спокойно и радоваться жизни!

– Коуэн, ты мой герой.

Я развязываю несложный узел и постукиваю друга по плечу.

– А ты сама-то, подружка, жизни радуешься? – Блондинка становится напротив меня, скептически складывая руки на груди.

– Что ты имеешь в виду? Я в полном порядке.

– Ты все понимаешь.

– Нет, не понимаю.

– Ты можешь говорить, что у тебя все хорошо своему папе, дабышний раз его не тревожить. А нам ты должна выкладывать всю гадость, которая у тебя сейчас на душе плескается и скоро выльется наружу слезками.

Я уставляюсь на друзей и пытаюсь обмануть их своей, к сожалению, неубеждающей улыбкой, что беспокоиться не о чем. Но Эштон и Камилла не сводят с меня впервые за долгое время серьезного взгляда. Этот фокус проваливается с треском. Настроены они решительно, в шутку это точно не

повернуть.

– Давай-ка мы выйдем отсюда, и ты нам все расскажешь!

– Не думаю, что это подходящее время, давайте в другой раз, может, дома, – сдавшись под пристальным зрительным напором, тихонько шепчу я.

– Да я тебя там толком и не вижу, ты вечно где-то пропадаешь, так что сейчас как раз-таки все подходящее!

И эта парочка утаскивает меня в танцевальный зал, прежде чем я успеваю что-либо сказать.

Кроме наших отражений в зеркалах здесь никого нет. Шум торжества приглушается за дверью. Появляется желание сбежать из эмоционально непонятной ситуации, в которую я попала, как в ловушку. Я не хочу говорить друзьям всей правды, так как сама запуталась, что верное, а что нет.

В сплошном месиве событий ясно только одно – я зашла слишком далеко. Фостер сделал мне предложение, несмотря на то, что мы с ним вместе чуть больше месяца. Он считает, что мы друг другу подходим, а большего и не требуется для счастливой семейной жизни и продолжения достойного рода.

– Я первый начну, с вашего позволения, – вступает Грифф. Его голос раздается эхом. – Помнишь, я говорил, что мы от тебя не отстанем, даже если ты нас гнать будешь? Так вот, ничего не изменилось. За этот месяц с тобой что-то произошло, а за последнюю неделю еще больше, и это, поверь, заметно даже одноглазому. По тебе можно сказать, что

ты кружишь у полной задницы, подружка. Давай-ка с этим разберёмся!

Я робело опираюсь о стену, но друзья хватают меня под руки и крепко прижимают к себе.

Укутавшись в их объятия, я рассказываю все. Начиная с той, какой я была до знакомства с ними (вплоть до самых грязных подробностей, о которых утаивала ранее), заканчивая признанием, от которого у ребят отвисают рты и округляются глаза.

Я говорю им о том, что собираюсь избежать последствий своего дерьмового прошлого, выйдя замуж за человека, которого ни капли не люблю той любовью, нужной для счастливого брака. Я признаюсь в чувствах к Джейдену; о том, что я круглая дура, считающая, что поступила правильно.

Ради близких, ради себя, просто «ради».

Немного обдумав все мной сказанное, Камилла начинает первой:

– Давай все по полкам раскладывать. Итак, три пункта: Фостер, Ривз, твоя семья. Первое – этот богатенький англичанин. Он тебе просто не подходит. Он не сможет тебя обуздать, остановить твои истерики, успокоить слезы, заткнуть в нужный момент. Будь уверена, такой человек тебе не нужен. Он слабее тебя. Может, тебе и удастся с ним прожить жизнь, но ты в ней счастлива никогда не будешь, и твое якобы «хорошее» будущее, о котором ты словно одержимая, только и печешься, заметь, не ради себя, станет самым проклятым и

паршивым. Лучше уж быть одной, чем так себя мучить. Я же видела, что ты его не любишь. Думаю, не я одна.

– Второе, – подхватывает Эш. – Джейден. Я не знаю, что он к тебе чувствует, честно. Он умело скрывает все личное и правильно делает вообще-то. Но хочу сказать одно, зря ты тогда его оттолкнула. Раз он уже не первый раз тебе столько внимания уделяет, то это о многом говорит. То, что ты ему нравишься, кажется вполне возможным. Другое дело, ты не захотела дать шанс вам обоим из-за его увлечений. Тебя понять можно, ты уже встречалась с байкером и знаешь его образ жизни... но и тут тоже байкер байкеру рознь. Не думаю, что стоит сравнивать того главаря с Ривзом.

– Да, тем более Джейда я знаю уже около двух лет и ни разу не видела, чтобы он был под чем-то. Рожей разбитой светился, покореженный байк его я тоже пару раз наблюдала, но с наркотой ни разу замечен не был.

– Короче, тут и вправду решать только тебе. Но этот фронт британский тебе точно не подойдет. И если ты все-таки не снимешь это, я буду стоять в первом ряду и плакать от горя на вашей свадьбе. – Эш покручивает мое помолвочное кольцо с внушительным бриллиантом и закатывает глаза.

– А третье – твоя семья. Разве они будут счастливы, видя твое раздраженное лицо? А бесить тебя будет многое и еще под вопросом, не вернешься ли ты к бунтарству снова в поиске других эмоций.

– Хотя знаешь, не вернешься. Мы не позволим.

Эштон ставит точку в мозгопромывающей лекции, изображая смешную гримасу, дабы убрать с моего лица скучившееся выражение. Но вместо того, чтобы развеселиться, я начинаю громко реветь и сажусь на пол. Платье ловит соленые капли, стекающие с подбородка. Руки нервно мнут подол.

Осознавая, как глупо я однажды поступила, слезы из моих глаз начинают литься в два раза сильнее. И этот, топящий сушь, поток, уже никто не в силах остановить. Мне нужно сейчас повить, чтобы очиститься. И друзья это понимают, не говоря лишних слов удаляясь за салфетками.

Лгунья!

Я столько раз обманывала себя, что обмануть кого-то ещё стало сущим пустяком. Мне удалось кинуть пыль в глаза Дилану, отцу. Первому мне скоро придется испортить надежды насчет меня, а второму настроение. Как же я не хотела этого делать, но теперь придется отвечать! Ребята правы, лучше я буду одна, чем примусь портить жизнь и себе и Фостеру.

Дурочка, и вот понадобилось же мне тогда поставить замену Ривзу. Тупица и слабачка! Чем я лучше той же Уэлш, манипулирующей всеми, дабы урвать выгоду?

Утерев свои красные глаза, я неуверенно встаю на ноги и выхожу из зала. Избегая лишнего общества, прокрадываюсь тайком в туалет и стираю черные разводы туши со щек. Извилистые выпуклые линии вен заметно выпирают на лбу, словно я находилась в нервном напряжении не пару минут,

а битые часы. Кожа горит пунцовым огнем и почти сливается с помадой оттенка «Огонь и лед». В отражении красуется не самая удовлетворительная физиономия, но лучше уже не поправить.

Да и плевать.

Меня отвлекает от своей персоны громкий хлопок двери. Взбешенная Кора Уэлш, как фурия, залетает в туалетную кабинку и начинает скулить, словно побитая собака.

Уэлш плачет.

Надо же, она умеет это делать!

Я не собираюсь лезть в бассейн с гребнистыми крокодилами, поэтому выхожу в коридор и тут же натываюсь, черт возьми, на Ривза!

Видимо, это он так довел Кору...

– Ты что, плакала? – сразу же спрашивает меня он.

– Нет, просто умывалась.

– Слезами?

– Это твоя подружка сейчас соленой водой заливается, так что иди и устраняй потоп.

Я собираюсь уйти, но он задерживает меня и легонько впечатывает спиной в стену.

– Кто тебя обидел? – настойчиво сквозь зубы процеживает он, подходя ближе.

– Да никто меня не обижал! Дай пройти.

Буквально секунда его встревоженного заботливого взгляда, и я готова рухнуть к нему в руки. Мысли напором

так и давят.

Боже, какая же я слабачка на самом деле!

– Даки! – Вовремя появившийся Эш, буквально выхватывает меня из лап помутнения. – Мы с Берк тебя потеряли, пошли.

И он уводит меня от байкера.

Спасибо, спасибо, спасибо!

Под чарующую песню из репертуара группы Hooverphonic я оказываюсь в паре с другом(10). Грифф забыл на сегодня про всех девчонок в зале ради меня. Считая, что сможет отвлечь от грусти, он ведет меня в свободном вальсе по центру фойе. И это помогает. Я действительно перестаю думать, отдаваясь времени, месту и танцу. Ловлю приятные ощущения от дела, которое люблю всем сердцем и вижу в глазах Эша отражение своей искренней улыбки. Голова приятно кружится, по всему телу разливается легкость.

Подол платья развеивается колокольчиком в вихре плавных движений и принимает на себя свет от прожекторов. Маленькие золотые звезды прыгают по темно-синей ткани, словно солнечные зайчики.

– Ты посмотри, Берк по своей программе работает! – Эштон обводит взглядом нашу подругу и ее партнера – мистера Сэймора.

Чертовка решила его соблазнить!

Я знаю этот взгляд хитрой хищности. Он уже вероятно

привык, что к нему половина студенток клеится. Конечно же, он красив, умен и даже еще не старый. Так почему же не нарушить строгие правила университета, ну или хотя бы не постараться их нарушить? Мне этого не понять, но речь ведь не обо мне.

Высокий француз в черном смокинге не выглядит смущенным от очередного смелого поступка блондинки. Хореограф не обращает никакого внимания на все уловки Камиллы и лишь сухо улыбается.

– А вдруг это он ее пригласил?

– Что? Он? Ха-ха, ты серьезно?

– Ну да, а что здесь такого? Что плохого в том, чтобы станцевать со своей студенткой?

– Ничего плохого, я же не об этом. – Друг слегка теряется.

– Эш? – вопросительно уставившись на него, продолжаю я. – А о чем ты?

– Я не должен об этом говорить...

– Ну мне-то можно.

Он сдается.

– Короче, если быть немногословным, то наш препод никогда бы не пригласил на танец ни одну девушку из этого зала по крайней мере по своему желанию... Он гей.

Я сбиваюсь со счета и на секунду останавливаюсь, но уже в следующую продолжаю танец. Никогда бы не подумала, что мистер Сэймор гей! Кто угодно, но только не он. Мне всегда казалось, что наш преподаватель больше по женщи-

нам, но никак не по своему полу. Впрочем, внешность обманчива.

Ну что сказать, прекрасная половина этого заведения зря старается. Он достанется какому-нибудь симпатичному мужчине. Как бы то ни было, любовь – есть любовь, и не мое это дело.

– А откуда ты знаешь, а?

– Ну я как-то зашел в зал вечером, а там он со своим парнем, или как там они друг друга называют, зажимается. Короче, я обещал, что буду молчать, так что и ты не проговоришься.

– Да ладно, зачем мне лезть в чужую жизнь? Просто мой мир больше никогда не будет прежним!

– Не будет, пока ты не закончишь кое-что...

Знаю, что он имеет в виду. Пока я не расстанусь с Диланом, то не вернусь в привычное для себя состояние. И опять в душе гаснут звезды...

Я представляю, что меня ждет, когда я все скажу. Я боюсь последствий впервые за долгое время.

– Позвони ему прямо сейчас, Даки. Лучше содрать лейкопластырь резко и быстро, чем тянуть по дюйму и орать от боли.

– Спасибо, что вы с Кэм рядом...

– На то и нужны друзья, чтобы вовремя закрыть кран с льющемся дерьмом.

– Какого черта?

Я стою у стола с напитками и пытаюсь найти хоть что-то крепче безалкогольного пунша. Только что я позвонила Дилану, он скоро придет. Мне требуется эликсир храбрости.

– Все из-за того, что в позапрошлом году одна девушка набралась и устроила здесь драку со своей подружкой, которая переспала с ее парнем. Все очень сложно, как в мыльной опере, так что даже не вникай. В итоге ректор запретил все спиртное на территории универа, – говорит Грифф.

– Санта-Барбара какая-то.

– Ага, только я ведь знаю, зачем тебе нужно выпить...

– Просто для смелости.

– Лучше, если ты будешь трезва как стеклышко, поверь мне. Не стоит говорить парню о расставании, находясь под градусом. Считаю это верхом неуважения.

– Ты прав.

– Напьешься позже. Ты ведь помнишь, что после бала вечеринка, купальник взяла?

– Взяла. Думаю, тебе придется меня сегодня тащить домой на руках, так как я собираюсь по-свински надраться, чтобы стереть все из памяти.

– Через сколько он придет?

– Минут двадцать, может, меньше, он позвонит.

– Если что, ори, мы с Кэм будем рядом.

– Не думаю, что он сделает мне что-то плохое.

– Ха-ха, так не он тебе, а ты ему. Вдруг помощь понадо-

бится, чтобы привести мальчика в чувства?

Эш даже сейчас не перестает шутить. А ведь смеяться здесь не над чем... Если честно, мне хочется спрятаться куда-нибудь в укромное место и не выходить, пока все само собой не уладится. Я нарубила дров, а теперь мне придется их сжечь.

Пламя будет горячим...

– О, ведущий вышел! Сейчас будет что-то типа танцевального баттла, хочешь поучаствовать?

– Нет, уж точно не сейчас.

– Да ладно, Коуэн, ты просто боишься, что я тебя заткну за пояс! – постукивая меня по плечу, смеется друг.

– Давай это проверим, когда я не буду думать о предстоящем событии.

– Это все отговорки!

И он уходит, показывая язык, прежде чем я собираюсь ему ответить.

Начинает играть какая-то медленная композиция, и в центре зала появляются люди. Как я поняла, суть этого баттла проста – нужно танцевать, рисовать историю, подстраиваясь под музыку. Кто больше всего понравится зрителю, тот и выиграл. Каждый сам за себя, поэтому хореография одиночная.

В этом было бы занятно поучаствовать, если бы не мои загоны, которые вот-вот вырвутся из головы и сердца и начнут танцевать свой танец переживаний и нерешимости.

Стараясь отвлечься, я пытаюсь вдаваться в движения тан-

цоров, но взгляд уводит меня за пределы центра зала, блуждая по красивым заснеженным деревьям и маленьким звездочкам на стенах, пока не останавливается на одном человеке – Ривзе. Он стоит по другую сторону холла и, держа в руке стакан пунша, смотрит злостно сначала на экран телефона, а потом прямо на меня. Заметив, что я обратила на него внимание, черты его лица смягчаются. Уголки губ содрогаются в мимолетной улыбке.

Наше зрительное общение затягивается. Каждый говорит что-то свое. Я не могу точно понять, о чем он сейчас думает, глядя на меня, но могу отчетливо узреть свои мысли:

Ты красивый, смелый, умный. Именно из-за тебя я сейчас буду разгребать последствия своих импульсивных решений. Почему мое сердце решило, что тебя стоит любить? Уж лучше быть одиноким, чем позволить себе снова встать на тропинку, вымощенную отстойным прошлым. Я знаю, что если позволю своему чувству стать сильнее, то оно погубит меня. Но почему мне прямо сейчас хочется, чтобы это произошло?

Вибрирующий телефон меня перебивает. Высветившееся на экране имя, заставляет сердце ускорить темп.

Дилан здесь.

Окутывающая энергия становится мрачнее тучи. Сейчас все и закончится. Я и раньше бросала парней, но тогда такого страха не испытывала.

Может, это потому что все не заходило так далеко? Или

это просто я стала трусихой?

10. Hooverphonic – бельгийская поп- и рок-группа, образовавшаяся во Фландрии в 1995 году.

Глава 19

Произошло чудо!

Вместо опостылевших дождевых капель, с небес мягко спускаются пушистые снежные хлопья. Морозный воздух врезается в легкие и вырывается изо рта белыми клубами пара. Вот она – настоящая зима с самыми реальными бело-снежными декорациями, накрывшими дороги пока еще тонким покрывальцем, а крыши зданий шапками. Мое черное пальто становится местом приземления для сотен снежинок. Они блестят, как брильянты на дорогом колье под пристальным взором фонарей. Я ждала снега, чтобы наконец почувствовать зиму, но он выпал так не вовремя и сейчас не приносит особой радости.

Оставляя первые следы на дорожке, я иду к Фостеру. Он стоит у своей машины и лучезарно улыбается. Я замедляю шаг и покручиваю помолвочное кольцо на безымянном пальце, которое он мне вручил пару дней назад перед всей моей семьей. Тогда я испугалась, не ожидая подобного поступка, и со страху приняла его, после чего потом ревела в подушку ночью, чтобы Камилла не услышала. Сколько в тот вечер обрушилось поздравлений в нашу сторону и не сосчитать. Отец уже знал об этом, ведь Дилан, как истинный джентльмен, сначала попросил благословения.

Все остались довольными, кроме меня.

Все вмиг стали счастливыми, кроме меня...

– Любимая, что-то случилось? – Он целует меня в щеку, отчего я покрываюсь мурашками. Подумать только, это первая и единственная реакция на его прикосновения, и она же станет последней.

– Дилан... Я должна тебе кое-что сказать... – Мой язык словно окаменел, как и все тело.

Я поняла, чего боюсь. Мне страшно сделать больно человеку, полюбившему меня. Я знаю, что сейчас разобью ему сердце. Мне было бы плевать, если бы он был плохим, как Хантер, но он ведь хороший! Он добрый, заботливый, внимательный и уважает меня, а я сейчас сделаю ему подножку, кину топор в спину, ударю в бок за всю ту доброту, которую он мне подарил.

Становится ужасно стыдно. Меня успокаивает только одно – я спасаю его от самой себя.

– Ты побледнела. Замерзла? Иди ко мне!

Он пытается притянуть меня к себе, но я резко отстраняюсь.

Поднимаю голову к небу, и на моем лице начинают таять снежинки. Они смешиваются с солеными слезами, предательски поползшими из глаз извилистым ручейком.

– Я, я... Прости меня, Дилан. Прошу тебя, если ты когда-нибудь сможешь, прости меня за все. Я знаю, что поступила плохо, но тогда я думала, что делаю все правильно. Я думала, что смогу тебя полюбить.

– О чем ты говоришь, Дакота? – Он ошарашенно смотрит на меня.

– Помнишь ту ночь, когда мы встретились у моста? Тогда я позвонила тебе, чтобы убежать от того, что следовало за мной по пятам. Я старалась убежать от прошлого. Тогда я не понимала, что просто поступаю как тварь, используя тебя.

– Я не хочу слышать об этом! Я знаю лишь то, что люблю тебя и хочу, чтобы ты была со мной. – Я начинаю всхлипывать громче, и он замолкает, а после мрачнеет. – Но это лишь мои желания... Я догадываюсь, что ты хочешь сейчас сказать. Ты не любишь меня, так? Я чувствовал это каждый день, когда целовал тебя, обнимал.

– Прости меня за это.

– Ты не использовала меня, Даки. Кажется, все как раз-таки наоборот. Это я влюбился в тебя по уши и, видя всю картину, продолжал удерживать рядом с собой. Я надеялся, мечтал, что однажды ты посмотришь на меня по-другому, сможешь полюбить. Все это время я был счастлив... но вот ты нет. А я хочу, чтобы ты была счастлива и нашла тот самый путь, который приведет тебя к счастью.

Я не ожидала, что Дилан все так быстро поймет. Он действительно очень умный и очень чуткий человек. Такого нельзя было считать занудой...

Глядя в его грустные голубые глаза, я задерживаю дыхание, словно сейчас погружусь под воду. Обида за него сворачивается комом в желудке.

– Я не думаю, что скоро смогу прийти в себя после всего этого. Мне нужно время, но знаешь, я справлюсь. Ты даже не переживай за это, – продолжает он. – Я хочу, чтобы мы остались хотя бы хорошими знакомыми. Знаю, что это глупо, но мне бы не хотелось вычеркивать тебя из своей жизни. Ты не заслужила этого. Ты та, которую стоит помнить.

– Ты один из немногих, кто может понять меня. Спасибо за это, Дилан... – Я снимаю дорогушее кольцо и кладу в его горячую руку. – И я обещаю, что не буду избегать тебя всякий раз, когда мы случайно встретимся на каком-нибудь приеме...

– А я обещаю, что не буду прятаться за нелепую огромную скульптуру, чтобы не говорить с тобой.

И мы улыбаемся.

Дилан обнимает меня на прощание и скрывается за тонированными окнами черного форда. В компании с ним уезжает какая-то часть меня.

Все закончилось.

Я смотрю вслед исчезающей машине, и вместе с доброй грустью встречаю спокойствие. Я и не мечтала о таком хорошем исходе, потому что знала, что не заслуживаю его. Но все же я свободна. По-настоящему свободна от своих дурацких планов, установок, идиотских решений! И как приятно чувствовать этот вкус: он сладкий, но не приторный, свежий, но не холодный. Все в моих руках: будущее, настоящее. И я надеюсь, что плохое из моего прошлого станет лишь грунтом,

на котором однажды вырастет плодовитое дерево.

Я улыбаюсь зиме. Тру в руках холодный снег и вдыхаю полной грудью свежий морозный воздух.

Так пахнет мир с самим собой.

Мое воодушевленное настроение вскоре прерывает настойчивый и очень знакомый рев мотора на задней парковке университета. Короткое чувство спокойствия настигает волна тревоги.

Если это то, о чем я думаю, то это нехороший знак.

Хантер!

Он здесь вместе со своей несменной свитой наркоманов и бунтарей. Что они здесь забыли? И почему именно сегодня решили напомнить о себе? Когда это все прекратится?!

Накапливая остатки дрянной сущности, я уверенно иду к толпе байкеров, чтобы во всем этом разобраться, но замедляю ход, замечая Джейдена. И чем ближе я подхожу, тем больше подробностей всплывает на поверхность. Он весь в крови: лицо, руки, костюм. Белый снег тоже осквернен красными брызгами.

Сердце сжимается в крохотную точку от увиденного. Что-то в глубине моей души переживает за него и молится, чтобы с ним все было в порядке.

Около пяти человек стоят спиной ко мне и как последние уроды ржут.

– Что здесь происходит?! – появляясь перед ними, грозно

рявкаю я.

Хантер, видимо не ожидав меня здесь увидеть, вылупляется в удивлении. Его дурацкое кольцо на разбитой губе тут же оттопыривается в хищном оскале.

– Святая корова, какая леди! Коуэн, ты просто сногшибательно выглядишь в этом платье.

– На вопрос отвечай!

– Я часто думал о тебе, малышка. Может, чуть позже зависнем где-нибудь? – игнорируя мою злость, лепечет он.

– И это был активист клуба «Мы любим быть тупыми». До тебя с первого раза не доходит, да?

– Дакота, проваливай отсюда! – рычит Ривз, подходя ближе, но Лихачи отталкивают его в сторону, и он падает.

– Даки, только не говори, что ты встречаешься с этим придурком! Иначе я его тут на месте и прикончу.

– Два раза один вопрос повторять не буду. – Я чувствую, что шагаю в огонь.

Хантер начинает злиться. Джейд прожигает меня суровым, ошпаривающим кожу, взглядом. Лица знакомых Лихачей расплываются в акульей эфемерной ухмылке, не предвещающей ничего хорошего.

– Обычные разборки. Месть. Пару недель назад этот окровавленный танцоришка набил Харлею морду, может, помнишь его? Вот и проучаем.

– Ха-ха, а он заплатил Ривзу за это?

– В смысле?

– Чтобы улучшить внешность, обычно деньги платят. Думаю, сейчас эта кривоносая подбитая канистра выглядит намного привлекательнее, чем раньше.

– Да, запал у тебя остался. Даже в таком платье остаешься все той же... – Главварь выжидающе тарачится на меня. – А теперь и ты мне на вопрос ответь, милая! Ты встречаешься с одним из Пантер?

– Не дай и не приведи мне связаться хоть с одним байкером еще раз.

– Я тоже по тебе скучал.

Он подходит ближе и кладет руку мне на плечо. Несменный, чуть затхлый запах его кожаной куртки встает в воздухе. Желудок вот-вот вывернется наизнанку. Я почти слышу, как кричу в своем сознании. Вижу, как мои руки каменеют, чтобы дать отпор. Но усилием воли сдерживаю это желание в себе.

– Жалко... – стараясь сохранять невозмутимость, говорю я.

– Что?

– Жалко, что ты не видишь себя таким, каким вижу тебя я.

– Есть смысл?

– Конечно. Может быть, тогда бы ты понял, насколько дешевый, тупой, мерзкий тип.

Джейден единственный, кто начинает смеяться. Все остальные уставились на меня, словно я только что выстрелила в Хантера из пистолета.

– Тебе это когда-то нравилось, детка.

– Убирайся, пока не произошло столкновения моей руки с твоей паршивой мордой! – глядя в его черные зрачки, шиплю я.

– Не слишком ли ты смело себя ведешь?

– Хочешь узнать?

– Я и так знаю. Я помню ту ночь в мотеле, крошка!

Терпение кончается.

Я врезаю кулаком со всей силы по, исколотой пирсингом, роже. Мерзко об этом вспоминать, но я готова предаться прошлому и изуродовать каждый дюйм его плоти. Я забываю, кто я есть, свои обещания не срываться. Есть только сгусток гнева, который необходимо впечатать в Хантера как можно сильнее.

Меня останавливает Джейден. Он оттаскивает вместе с разгоряченным телом мою ярость подальше от главаря. Я оказываюсь в его руках, как в клетке.

– Что ты творишь, совсем крыша поехала? – орет он мне прямо в лицо, приводя в чувства.

Находя в себе силы, я отталкиваю Ривза в сторону и возвращаюсь к, красной от крови, физиономии главаря.

Я его не боюсь, и он это прекрасно знает.

– У тебя будут огромные неприятности, если ты еще хоть раз покажешься мне на глаза! Ты помнишь, что я достаточно богатенькая тварь, способная испортить твою жизнь? Как стервозная мразь, советую держаться от меня подальше.

– Мы еще встретимся, милая. И обещаю, что встреча эта будет не совсем приятной.

Он прижимает тыльную сторону ладони к носу и тяжело дышит ртом, словно собака. Да он и есть собака. Худая, облезлая, злая.

Как же я ненавижу себя за то, что когда-то связалась со всей этой мутью!

– А когда-то было иначе?

Лихач не отвечает, последний раз даря мне свою отвратительную ухмылку. Удаляющиеся байкеры пару раз громко сигналият и исчезают со стоянки.

Мигом все затихает, будто бы ничего и не произошло. Даже легкий ветер, подхватывающий снежинки, дует в другом направлении. И только мое, вырывающееся из груди, сердце и ноющие побледневшие костяшки дают понять, что я снова влезла в дерьмо.

– Вот почему ты вечно появляешься там, где тебя быть не должно?!

Ривз злобно зыркает, словно это не я только что спасла его от плохой банды, а он ввязался из-за меня в неприятности.

– Я и сама не знаю. Кажется, судьба у меня такая – купаться в неприятностях, как в горячих источниках.

Плюхаясь прямо на холодную землю и взяв горсть снега, он вытирает окровавленные руки. Да, вид у него не самый лучший, а завтра все будет ещё хуже. Я знаю это не пона-

слышке.

– Нужно обработать эту красоту. – Глубоко вздыхаю я и присаживаюсь на корточки, чтобы получше разглядеть масштаб увечий.

Нижняя губа полностью распухла, словно ее поцеловала пчела. Под левым глазом фингал размером с кулак, бровь рассечена. Даже представить страшно, что скрывается под рубашкой...

– Надо же, я думал, ты на хореографическом учишься, а ты, оказывается, доктор.

– И это твоё «спасибо»?

– За что я должен тебя благодарить? За то, что ты влезла, куда не стоило или за то, что ты не дала мне закончить разборку?

– Закончить разборку?! Да ты ее даже и не начинал, тебя здесь чуть не пришибли. Ты точно голову не повредил?

– До этого бы дело не дошло.

– Хантер придурок, ему человеческая жизнь, особенно врага, мало интересна. А покалечить такого, как ты, доставит ему только удовольствие.

– Ты его хорошо узнала, да?

– К несчастью.

– И даже переспать с ним успела...

Если бы взглядом можно было убить, то Джейден мгновенно воспользовался этой опцией. Он смотрит на меня точно так же, как раньше, когда мы с ним постоянно друг на

друга орали, как обозлённые на весь мир маразматика.

– То, что я успела или нет – не твоё дело и никогда им не было.

– Разумеется. А у него на члене тоже пирсинг?

– Развлекайся, думая об этом, не буду мешать.

Я уйду в сторону университета, а у самой остаётся неприятное послевкусие. Раньше мне было бы плевать на все это.

Раньше.

Мои ошибки, похоже, всегда будут светиться светодиодными фонарями в темное время суток.

Неожиданный удар снежком в спину заставляет меня обернуться.

– Как по-взрослому! – восклицаю я, собираясь продолжить свой путь.

– И ты даже не ответишь? – обескураженно спрашивает байкер.

– На тебе места живого нет, некуда отвечать.

– Тогда, может, сможешь добраться до дома? Я ключи от мотоцикла потерял, копать в снегу как-то не очень хочется, а в такси меня вряд ли пустят в таком-то виде.

– И ты просишь об этом меня? – Удивленно уставляюсь я на него.

– А ты здесь видишь кого-нибудь ещё?

Предупредив своих друзей, что уезжаю домой, потому что очень вымучена этим днём, я сажусь за руль. Камилла

немного поворчала и пыталась уговорить остаться на вечеринке, но Эштон меня спас. Он понял как никто другой, что мне и так на сегодня веселья вполне хватило.

Угрюмый Ривз, задумчиво уставившись в окно, всем видом показывает, что разговора не будет. Я пытаюсь не заикливаться на том, что произошло, и просто смотрю вперед, разглядывая декорации, которые зима заготовила для города.

Вечерние улицы стали немного светлее из-за снега, поблескивающего от света фонарей и праздничной иллюминации. Люди словно проснулись от долгой спячки, наслаждаясь чудесной погодой. Веселая молодежь начала играть в снежки возле парковой зоны, более старшее поколение просто вышло на прогулку, укутавшись в теплые шарфы.

Я бы тоже была бы не против сейчас пойти на центральную площадь к елке и выпить стаканчик теплого глинтвейна. Но вместо этого мне приходится везти домой разукрашенного, как рождественский пряник, байкера и слушать угнетающую тишину.

– Спасибо тебе, – заговаривает он, когда мы заходим в лифт. – Ты, наверное, столько планов из-за меня нарушила.

– Ничего нового я бы сегодня не пропустила, но пожалуйста. Наконец-то ты признал, что я была полезна.

– Ну да, вмазала Хантеру ты знатно! Я даже на пару секунд подумал, что ты его там и прикончишь. – Улыбку это не вызывает. Хотелось бы забыть этот кошмар навсегда. – И

как же твой парень? Разве у тебя не назначено в пятничный вечер какое-нибудь умопомрачительное свидание?

– А как же твоя девушка? Разве она сейчас не изводится в переживании, заметив твое отсутствие?

И вот зачем я лезу туда, куда нос совать не стоило бы?

– Уэлш? Она не моя девушка.

– Ух ты, а все думают по-другому!

– И ты?

– А при чем здесь я? Меня твоя личная жизнь не касается.

– У нас с ней был тупо секс, ничего большего. И я ей не обещал серьезных отношений, а то, что надумала толпа и она, не мое дело.

– В твоем репертуаре, не так ли?

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе не кажется, что за пару минут слишком много вопросов?

– Все потому что ты их и задаешь, при этом не отвечая.

– Какая ирония!

Джейд громко кашляет, и из носа начинает течь кровь.

Его лицо стало холстом побоищ. Мне больно на это смотреть. Хантер поступил нечестно, накинувшись на него со своей сворой. Это в его стиле, ведь в одиночку он просто дрыщавый наркоман.

– Если ты умрешь в лифте, у меня появится фобия, – протягивая ему платок, лишь язвлю я.

– Заманчивая идея, но такого счастья ты не заслужила.

Стоит признать, что он способен ответить на колкость. И хоть он не совсем сейчас в форме, удар держит достойно, собственно, как и всегда. Может, это и есть одно из отличий от всех других знакомых мне байкеров. Те, кроме пошлости и тупости, в своем загашнике ничего не имеют и иметь не смогут.

– Все, приехали, дальше я сам смогу привести себя в порядок, – заявляет Ривз, как только лифт доезжает до его этажа, и медленно ковыляет в сторону своей двери.

– Ага, до завтра справишься?

– Мне некуда спешить.

– Раз уж я тебя сюда притащила, то доделаю все до конца, так что не нужно геройствовать. – Я следую за ним.

– Я справлюсь сам! А ты езжай к своему парню, – уже более настойчиво говорит он.

– Какому, черт возьми, парню? Нет у меня никакого парня.

– Так быстро? Еще же недавно был. И чем же, позволь узнать, он тебе не угодил?

– Не твое дело. Дверь открывай или мы так и будем стоять в холле?!

– Будем, пока не ответишь.

– Тогда приятного вечера.

Я разворачиваюсь и иду обратно к лифту. Нажимая на кнопку вызова, слышу, как байкер смеется. И хоть я знаю, что это дается ему с трудом, но он и вида не подает, стараясь

лишний раз меня задеть.

– И что же здесь веселого?

– Да просто ты бесплатная ходячая радость, Коуэн, вот и все.

– А ты придурок.

– Достоинно!

Ну все, этот человек меня доконал! Я мигом выхватываю ключи из его изуродованных рук.

– Вот сейчас повеселишься на полную катушку, ведь я никуда отсюда не уйду и буду специально причинять тебе боль во время обрабатывания ран!

Я открываю дверь и бесцеремонно заламываюсь в квартиру, словно являюсь ее хозяйкой.

Глава 20 Это место осталось таким же, каким и отпечата-лось в памяти. Правда, кажется, что атмосферных фото на стенах стало еще больше. Такое ощущение, что сейчас я нахожусь на выставке какого-нибудь начинающего, но очень талантливое фотографа.

Больше всего меня заинтересовало изображение ветви-стого дерева, раздетого поздней осенью. Черно-белая экспозиция пустынного поля вывела на первый план старый дуб, покрытый серо-коричневой корой. Он один среди пустоши упрямо противится порывистому ветру. Мертвые сучья лежат на промерзшей земле, но он не сломил толстый ствол. Ветер – это всего лишь испытание. Наступит время, и его прогонят солнечные теплые дни бесценного опыта и спокой-

ствия. Отрастут новые ветви, появится молодая листва.

Это фото каждый может понимать по-своему. Кого-то оно отправит в уныние, кого-то насытит силами и верой. Я вижу упорство. Историю борьбы с проблемами. Если жизнь – поле, то я хочу быть тем самым дубом. Не жалким и одиноким, а стойким и уверенным.

– Нравится? – спрашивает Ривз, заметив, что я уже около минуты молчу, уставившись на фотографию.

– Неплохо. Снимок на любителя, но я и есть одна из них. Это ты снимал?

– Ха-ха, нет, я на такое не способен.

– Тогда я смело могу похвалить автора!

– Я ей передам.

– Ей?

– Все работы, которые висят на стене, выполнены моей сестрой.

– Так у тебя и сестра есть?

– Да, а что здесь удивительного? Я такой же человек, как и ты, и у меня тоже есть семья.

Самое забавное, что я почти ничего о нем не знаю, за исключением пары моментов. Зато общение у нас сложилось таким образом, словно мы знакомы много лет. И самое ужасное, что мне хочется узнать подробности его жизни, послушать смешные истории детства, посмотреть фотографии, где он сидит в нелепом рождественском свитере возле елки вместе со своей семьей.

Но нужно ли мне все это?

Опять несет не в ту степь...

Закончив с обработыванием ссадин на лице, я принимаюсь за сложный фронт работы. Кое-как стянув с байкера рубашку, присохшую к телу, я могу разглядеть масштаб повреждений. Сильный ушиб на боку, рваная рана на спине, изодранные в мясо локти и костяшки – вся эта живопись долго будет засыхать. На заживление уйдет около месяца, если не больше.

– С чего начнем? – озадаченно спрашиваю я.

– Давай с самого мерзкого.

– Тогда поворачивайся и приготовься страдать. Будет больно.

Смочив вату антисептиком, я осторожно притрагиваюсь к окровавленной полоске рядом с левой лопаткой. Вот сейчас Джейд должен заорать, но он геройски сдерживается, прикусив подбитую губу. Не хочет казаться слабым передо мной.

Ожидаемо.

Я надавливаю чуть сильнее, чтобы проучить этого засранца на будущее и получаю то, чего хотела, – он вскрикивает от возмущения и подскакивает с дивана.

– Ай, Коуэн! Это нечестно!

– Я та еще лапочка, верно?

– Ты наделала кучу ошибок в слове «злопамятная».

– Ты заслужил.

– Когда я тебя принес сюда летом, ты была в отключке, но

я осторожно обрабатывал ссадины на твоих коленях.

– Спасибо тебе за такую невиданную чуткость! Думаю, с этого дня мы в расчете.

Внимательно приглядевшись к рукам, я замечаю, что его раздолбанные костяшки уже привыкли к дракам. Он часто вступает в них. Неудивительно... У всех Лихачей такие отметины.

– У тебя такое лицо, словно ты в меня сейчас плюнешь, – говорит байкер.

– Это часто происходит, когда ты рядом.

– В чем причина?

– Тебе честно сказать или достаточно шутки?

– Хватит с меня на сегодня твоего юмора, директор цирка.

Обеззаразив раны на руках, я резко выворачиваю ему локоть. Ривз даже вскрикивает, но сдерживает череду проклятий в мой адрес.

– Я знаю, чем занимаются тебе подобные. И терпеть вас всех за это не могу, – прикладывая вату к ране, начинаю я.

– И чем же мы занимаемся?

– Наркотики, вечные драки за территорию, бешеные гонки по ночному городу и за его пределами. Вы опасные, непостоянные и в большинстве своем тупые. Для вас кайф устраивать такие стычки, как сегодня на парковке.

– М-да, стереотипы действительно правители этого мира. – Закатывает глаза он. – Многие считают, что чёрные парни держат пушки в карманах и торгуют дурью. Модная

шмотка из дорогого бутика – признак богатства и успеха. Если ты попал в престижный университет, то будешь умнее того, кто учится в обычном колледже. И ещё сотни, тысячи, миллионы таких же дурацких клише. Открой глаза! Перестань делать выводы, опираясь на сказки, придуманные толпой. Включи мозги. Я байкер, но я не толкаю и не принимаю наркоту. Если и дерусь, то за свою территорию, чтобы из нее изгнать таких уродов, как Хантер. Любить скорость – не значит быть плохим человеком. Ты профессиональных гонщиков тоже считаешь ужасными людьми? А насчет тупости... разве это зависит от увлечения?

Он меня только что обсадил. Теперь в моей голове две теории: одна от Хантера, другая от Ривза. Весы уравнились. Кому верить?

Но я была почти год с Лихачами и видела всю их подноготную...

– Дакота, ты только поэтому меня избегаешь? Ты боишься, что я такой же, как те, с кем ты провела не самое хорошее время? Ты боишься, что если ближе подпустишь меня к себе, то вновь вернешься к выгребной яме, забитой дерьмом?

Я, как нашкодивший ребенок, опускаю голову. Тысячи вопросов и сомнений начинают орать на меня.

Неужели я и здесь ошибалась?

Неужели я действительно мыслила стереотипами?

– Ну же, отвечай!

Джейден встает и тянет меня за руки, чтобы я тоже вста-

ла. Но даже это не помогает нам быть наравне. Он выше меня почти на две головы, а под его разъедающим взглядом я чувствую себя еще меньше.

Он раздражен, я вижу, как возмущение полосует его лицо и вздувает вены на шее.

– Давай, скажи правду! Именно из-за этого ты заставляешь меня каждый раз сдерживать свои чувства? Поэтому ты начала меня избегать? – Ривз чуть ли не кричит в желании выбить ответы.

– Да... – едва слышно признаюсь я.

– Какая же ты идиотка!

Он с силой прижимает меня к груди, отчего я не успеваю удержать шумного выдоха.

Меня только что как будто током ударило. Но я не успеваю ощутить его силу, так как мгновенно начинаю задыхаться от горячего, неистового и напористого поцелуя в губы. Я сама превращаюсь в заряженную частицу, готовую вот-вот взорваться.

Мне сносит крышу. Я перестаю соображать.

Ты – причина, болезнь, диагноз. И я не хочу от этого избавляться. Я нуждаюсь в тебе, как нищий нуждается в деньгах. Потребность. Ты всегда знал, что мне нужно, ты всегда знал, что мне нужен был ты. Я безжала от тебя, как от чумы. Ты догнал.

Эта комната пылает, здесь нечем дышать, повсюду летят искры, и витает дым. Он отравлен приятным запахом

твоей кожи. Еще пару вдохов, и я сойду с ума. Твои губы полны яда. Пара касаний к ним, и они убьют меня.

Черт с ним, тогда я хочу умереть!

Больше нет одежды. Мы не прячемся за кусками ткани, прикасаясь друг к другу голодными телами. Больше нет барьеров, границы исчезли. Я не открою свой рот, чтобы остановить его. Я не протяну свои руки, чтобы оттолкнуть. Я не захлопну перед ним дверь, чтобы уйти. Я обезврежена, прикована, побеждена. Я бессильна перед тем, что сейчас чувствую.

Огонь.

Необъяснимый, но приятный жар в сердце распространяется по каждой клетке. Его хриплый голос и сбившееся дыхание создают вибрации. Его сильные руки оставляют следы на моей коже. Его уверенный взгляд не дает мне права усомниться в правильности нашего сумасшедшего поступка.

Это срыв. Это то же самое, что алкоголик дорвался до спиртного, а сидящий на диете до запретной пищи. Мы добрались друг до друга. И сегодня ночью я не пожалею об этом.

Я лежу на груди Джейдена и слышу, как размеренно и громко бьется его сердце. Мне спокойно. Я не думаю ни о чем, кроме того, что произошло. Я ощущаю приятную истоми и удовлетворение. И даже непрерывное звяканье телефона не способно отвлечь меня от этого сказочного момента.

– Я и не думал, что может быть так хорошо...– Его голос срывается на шепот.

Я поднимаю взгляд и встречаюсь с чертовски привлекательными в приглушенном свете глазами. Они прекрасны. Он прекрасен. Даже с ссадинами и ранами по всему телу он – произведение искусства. И если бы я была художником или фотографом, то запечатлела его на бумаге.

Я не позволю своей памяти стереть этот момент, он останется вопреки всему.

Я понимаю, что смотрю на него теперь совсем по-другому, по-особенному. Нет никаких предрассудков, они бесследно сгорели в голодном огне страсти сегодняшней ночи.

– Ты чего молчишь, Даки?

– А что я должна сказать?

– Все что угодно. А то я могу решить, что тебе не понравилось.

– Но ты ведь так не думаешь...

Он ухмыляется и целует меня в пересохшие губы.

– Нет, я знаю, что хорош в этом деле!

Я легонько толкаю его в бок, и Джейд приглушенно стонет от боли. Я и забыла, что пару часов назад ему пришлось участвовать в драке.

– Прости, я...

– ... я знаю, – прерывает меня Ривз и оказывается сверху, упершись на руки. – Ответь честно только на один вопрос.

– Какой?

– Ты жалеешь о том, что сегодня произошло?

– Сейчас я ни о чем не жалею.

– А завтра?

– Это уже второй вопрос.

Он склоняется к моему уху и шепчет так, что моя кожа запускает разрядную волну мурашек:

– Отвечай, иначе я заставлю говорить!

– Почему тебя волнует то, что будет утром?

– Потому что я не хочу, чтобы эта ночь стала последней.

Кажется, Коуэн, я влип в тебя по самое не балуй...

Это не первое признание в моей жизни, но именно оно является инициатором приятно замершего сердца. Только что со мной произошло самое лучшее, что могло произойти. В глубине души я всегда ждала этого.

Время пришло, таймер сброшен, это случилось.

Дыхания вновь сливаются в вихрь. Я не отвечаю, а лишь крепко его целую, отдавая все оставшиеся силы только ему.

Только ему...

Глава 21

Я сбежала.

Я часто так делала, но этот раз стал особенным, не таким, как все. Я ушла, пока он спал, чтобы скрыть свое смущение (да-да, именно его). Проснувшись голой в его комнате, я тихонько оделась в мягкое вечернее платье и, прежде чем закрыть дверь, оставила до омерзения миленькую записку, в которой было написано, что я буду ждать его в пять вечера в кафе. Я решила, что признаюсь ему сегодня в своих чувствах, ведь ночью так и не сказала о них.

В квартире слишком тихо для двенадцати дня. Камилла, судя по всему, вернулась домой очень поздно. Я получила кучу сообщений от нее и Эштона. В основном там было много фото в бассейне универа с подписью: «Ты многое пропустила».

Друзья еще пока не знают, что я получила явно больше в эту ночь, чем они.

Приведя себя в порядок, я падаю на кровать в мягкие подушки и глупо улыбаюсь. Вместе с настоящей зимой пришло счастье. Его вкус, кажется, впечатался в мои горячие губы.

Я закрываю глаза, и меня мигом уносит в свежие воспоминания.

Джейден. Его крепкие руки. Цепляющий и пронзительный, до приятной щекотки в животе, взгляд. Сладкое дыха-

ние, обволакивающее кожу. Прикосновения.

Дух перехватывает.

Я стала впечатлительной девчонкой?

Только не это!

– Ну и где тебя нелегкая носила, блудница? – Сонная подруга заходит в комнату и садится рядом, потирая глаза.

– А ты чего поднялась так рано, еще же только обед?

– Капли воды, когда ты мылась, падали слишком громко.

Ты же знаешь, я чутко сплю.

– Ага, если чутким считается выстрел из пушки, тогда да.

Обычно тебя не добудишься.

– Ладно, раскусила! Вообще-то я переживала и надеялась узнать, как ты вчера бросила своего дружка.

– Камилла! – Обнимаю я ее и чмокаю в щеку. – Я так тебя люблю!

– Воу-воу, ты кто и куда дела мою Коуэн?

– Она здесь, ты просто еще не до конца проснулась. В общем, мы вчера расстались с Диланом без драмы.

– И?

– И?

– Это все? Я не принимаю столь развернутого ответа. На пересдачу! И что с твоей шеей?! – приглядевшись к красной отметине, восклицает она.

– Обожглась, когда выпрямляла волосы, – стараюсь соврать я.

– Неплохо же тебя какой-то стайлер для укладки засосал.

Кто производитель? Тоже себе такой хочу.

Камилла играет бровями, подчеркивая пошловатую суть ее помыслов.

– Берк!

– Коуэн! Ты расскажешь всю правду, а?

Подруга сурово глядит на меня, сложив руки на груди. Она такая милая, даже когда злится. Эта смешная морщинка, выступающая каждый раз на лбу, когда она хочет казаться строже, так умиляет.

– Хорошо, думаю, ты уже созрела для этого... Зубных фей не существует!

– Я никогда друзей не била, но сейчас готова попробовать! – кидая в меня подушку, визжит Кэм.

– Обещаю, что все остальное ты узнаешь потом, мне нужно торопиться, – уклоняясь от бомбардировки, хохочу я.

– И куда же ты путь держать намерена?

– Нужно съездить к отцу и рассказать ему обо всем. Лучше, если он узнает о расторгнутой помолвке от меня.

– Ладно, но вечером, дорогуша, придет Грифф, и мы вдвоем вытащим из тебя все, что нужно.

– Уже страшно! – отшучиваюсь я, скрываясь за дверью шкафа.

Я сижу в машине перед отцовским домом и смотрю в окно. Похолодало. Легкий морозец приклеил маленькие снежинки, похожие на звезды, к стеклу. Снежные хлопья осели в белизне. На обочинах лежат внушительные сугробы, мест-

ные детишки уже начали строить проходы, воображая, что это туннели в сказочный мир. Вокруг все такое белое и чистое, словно новая, нетронутая чернилами страница книги.

Мама любила зиму. Мы часто проводили время на катке, когда я была еще совсем ребенком. Вспоминая ее сейчас, мне кажется, что она где-то рядом. Сидит и держит за руку, обнимает, согревает, успокаивает. Через пару недель ей бы исполнилось сорок пять лет. Она бы смогла сделать столько всего грандиозного...

– Дакота, дорогая, как я счастлива тебя видеть! – открывая дверь, с ходу восклицает розовощекая экономка.

– Я без предупреждения...

– Это твой дом, оно здесь лишнее. Здесь всегда все рады видеть тебя.

– Спасибо, это взаимно. Миссис Данн, папа наверху?

– Да, он... с мисс Лайтман, – замешкавшись, отвечает она.

Я лишь улыбаюсь и взлетаю по лестнице на второй этаж. Можно понять ее осторожность, ведь она все еще побаивается моих затихших монстров. Полгода назад я бы за такое сообщение устроила знатный скандал с разбитым имуществом, и гонцу бы тоже не поздоровилось.

Но это время прошло.

– Дакота?

Отец отрывает взгляд от документов.

– Привет, пап.

Я плюхаюсь на стул, внимательно глядя на блондинку в

строгом костюме. Джозефина с опаской смотрит в ответ, стараясь как можно спокойнее улыбнуться.

– У тебя что-то случилось? – Он подходит ко мне и целует в холодную щеку.

– Нет, просто решила заглянуть в гости. Мисс Лайтман, все хорошо. Я не стану устраивать показательные выступления. Ничего не имею против вас и моего папы. Рада, что вы вместе. Правда.

Женщина расслабляется и даже облегченно выдыхает, словно все это время носила тугой корсет.

– Я знаю, Дакота, Уэйд мне сказал... Спасибо.

– Вам не за что меня благодарить. И на будущее, просто знайте, я не люблю, когда рядом со мной люди напрягаются. – Я подмигиваю ей и поворачиваюсь к папе, который вытянулся в струну, все это время молча слушая нас. – В общем, мистер Коуэн, я должна вам кое-что сказать... Вчера мы с Диланом расстались.

Он, не ожидая такого заявления, сползает на кресло, озадаченно потирая лоб.

– Как?! В смысле расстались? Почему, дочка, что случилось?

– Причина проста, мы не подходим друг другу.

– Как это? Но все это время ты была...

– ... да, я надеялась, что смогу найти хоть что-то, но это оказалось невозможным. Я знаю, что он хороший, добрый, успешный, но он не мой человек.

– Дакота, не дури! – восклицает он точно так же, как когда-то мама. Она часто прибегала к этой фразочке. Кто бы мог подумать, что я вновь ее услышу?

Я улыбаюсь, вспоминая ситуации, когда такое заявление бросалось в мою сторону, как снежок в физиономию: я пыталась делать сложные связки, мать строго заявляла:

– Дакота Мерси Коуэн, не дури! Хватит пытаться перепрыгнуть через собственную голову.

Я надевала какое-нибудь неподходящее для приема платье, а она, сидя на кровати, мимолетно произносила:

– Не дури, оно тебе не идет.

Уткнувшись в подушку, я оплакивала расставание со своей первой любовью в девятом классе, и слышала настойчивый стук в дверь, сопровождающийся ободряющим голосом:

– Милая, ну не дури. К черту этого прыщавого пацана, он тебя не достоин!

– Я тебя не понимаю, Даки... – Отец выгибает бровь.

– Пап, ты можешь не понимать, это нормально, но ты можешь меня просто любить.

– Я и люблю тебя, родная, очень люблю! И поэтому желаю тебе только счастья.

– Наверное, я счастлива... Мне кажется, я по уши влюблена в одного человека.

– Это в кого?!

Вопрос, загнавший меня в тупик. Как сказать самому близкому человеку, кто волнуется за меня по любому пово-

ду, кто вытерпел столько кошмаров, что я полюбила байкера? Того, кого принято считать не самой подходящей кандидатурой для спокойной жизни.

– Это парень... – Пришла моя очередь замешкаться.

– Ну, это многое проясняет. Кто он? – Несвойственная ему строгость выливается в словах.

– Пап, я пока не могу тебе этого сказать.

Я замечаю, как он напрягается всем телом, как его глаза наполняются беспокойством. Я знаю, что он сейчас чувствует и боюсь, что смогу его сильно огорчить.

На помощь приходит мисс Лайтман, появившаяся вовремя, как сигнальная ракета в кромешной тьме. Она кладет своему возлюбленному руку на плечо и тихо говорит:

– Уэйд, Дакота уже взрослая девушка и она вправе решать сама, кто ей нужен.

– Я просто хочу знать, кто этот парень. Всего-то...

– Ты боишься, как огня того, что я снова могу сорваться. Я могу дать тебе слово, что этого не случится. Просто пока я и сама не знаю, что происходит в моей жизни, а спешить говорить лишь о том, что может быть, глупо. Но обещаю, когда все прояснится, я поделюсь с тобой всем.

Джозефина, решая оставить нас наедине, удаляется из кабинета. Отцовский взгляд смягчается. Я чувствую, что он готов дать мне шанс веры, которого я не заслужила, но который постараюсь оправдать.

– Иди сюда!

Он крепко обнимает меня, отдавая все свое тепло и заботу. Я закрываю глаза и вижу маму, улыбающуюся и мирно наблюдающую за этой картиной в сторонке. И мне не хочется размыкать веки, чтобы продлить эту идиллию. Я уверена, что если бы она была здесь с нами, то тоже поддержала меня...

Я так люблю этих двоих!

– Милая, почему ты плачешь? – утирая слезы со щек, осторожно спрашивает отец.

– Я просто знаю, что у меня есть ты. Я чувствую, что мама живет в моем сердце, и я чувствую поддержку от нее... Это так странно, но в тоже время нормально.

– Это более чем нормально, это правильно, дочка.

– Спасибо тебе... спасибо за то, что волнуешься и переживаешь даже после того, что я натворила. Спасибо, что веришь.

– Я твой человек, и по-другому поступать не имею права, да и ни за что не захочу.

На встречу с Джейденом я еду в глубоких раздумьях. После чаепития с семьей чувствую себя умиротворенной, но слегка озадаченной. Какая-то неуверенность вновь залезла в мою душу и свесила нагло ножки.

Разговор с отцом заставил усомниться – а правильно ли я поступаю, позволяя своим чувствам к байкеру окрепнуть? Вдруг я совершу ошибку и вновь окажусь в яме? Но одна часть меня борется с предрассудками и заставляет ехать на

место встречи.

Мысли попутно возникают сами по себе, но моя сущность из последних сил противится им.

Выбрось все из головы и перестань глупостям брать над тобой верх. Хватит бежать, пора остановиться!

Так я и оказываюсь у кафе. Захожу внутрь и ищу столик, за которым уже должен сидеть Ривз. Я слегка задержалась.

Увидев его возле окна, я неловко улыбаюсь, собираясь подойти ближе.

Но этого не происходит.

Меня словно ограничили в движении, провели невидимую полосу, за которую нельзя переступить. Ноги не слушаются, мысли начинают шуметь. Я не нахожу лучшего решения, как сесть за барную стойку, чтобы прекратить это сумасшествие и успокоиться.

Даже отсюда замечаю его ямочку на щеке. Джейден улыбается. Может, он думает о чем-то хорошем в этот момент? Он такой милый даже с синяком под глазом...

Я вижу его встревоженный взгляд, направленный на часы, после второй чашки чёрного кофе. Пятнадцать минут, двадцать, полчаса. А я все также сижу у стойки, скрывшись за надежным капюшоном, и наблюдаю за тем, как он коротает время в ожидании.

Еще спустя пару минут я улавливаю в его потухших глазах грусть и разочарование, как будто только что его предали, окунули в грязь лицом. Мне неприятно, хочется встать

и подойти к нему, провести вечер и встретить утро вдвоем,
остаться.

Но... я боюсь.

Глава 22

Она не пришла, и я знаю причину. Я байкер, который участвует в гонках, следит за тем, чтобы на его улицах не было чужаков. Драки, шрамы, избитые лица. Она некогда ушла от этого, оставила в темноте своей памяти в надежде на полную амнезию того периода.

А на что я надеялся? Чего хотел? Увидел записку с сердечком в конце и меня словно подменили. Я вновь стал сентиментальным мальчишкой, чувствующим любовь вокруг. Я снова захотел стать лучше, совершить хорошее, полезное хоть для кого-то. Весь день я будто бы порхал, как гребанная бабочка с цветка на цветок, и даже помог какой-то тетке донести кучу шмоток до машины. И это все из-за единственной ночи, проведенной с Дакотой!

Коуэн – исчадие ада, но этим и зацепила. Если и существует совершенство, то это она. Я тащусь от ее пылкости, дерзости и даже стервозности, я восхищаюсь ее добротой и любовью к близким. В ней все эти чувства идеальны, они смогли ужиться друг с другом. Я часто слышал, как она мило говорила по телефону со своими родными, после изводящей ругани со мной. И она не притворялась, была собой в тот момент.

Я сидел там за столиком час и ждал, как собака, только ее. Час пялился в окно, надеясь увидеть знакомое лицо. Час

пил гребанный кислый кофе, подбирая правильные слова. Я столько всего хотел ей сказать, но она лишила меня этой возможности, заставив заткнуться.

Она испугалась, эта сумасшедшая девчонка испугалась!

И что же мне теперь думать, мисс Дакота Коуэн? Ваши выходы с каждым разом все изощреннее и изощреннее.

Слезы. Их может быть мало и много. Но не всегда достаточно, чтобы стало совсем легко.

Хочется завывать, как одинокий волк на полную луну прямо сейчас! Я иду по парковке, давясь соплями и не обращая внимания на прохожих. Я видела, как он уходил, но ничего не предприняла, чтобы остановить. Я видела его руки, сжатые в кулаки, словно он собирался врезать кому-то по морде. Злость вперемешку с расстройством выливалась из его глаз, как переполненный водой стакан.

Я сыграла с ним в игру на терпение, и кто-то из нас сегодня проиграл.

Тупица, дура, идиотка!

Это конец? Это конец всему? А все из-за моих идиотских законов. В кого я превратилась?! Чего я испугалась?! Он не такой, как они, он другой! И я знаю это, чувствую! Что со мной происходит? Почему я всего боюсь? Я столько раз решалась на многое будучи неуправляемой, но когда вернулась к нормальной жизни, риск стал синонимом страха.

Просидя около часа в машине и немного успокоившись,

я набираю Камиллу:

– Центр помощи молодым и страдающим. Если вы оказались в затруднительной ситуации – нажмите «Один». Если вы не оказались в затруднительной ситуации – ничего не нажимайте и положите трубку, вы занимаете линию, – весело тараторит она, но услышав мои всхлипы, сразу же меняется в голосе. – Ты в порядке?

– Нет.

– Постоянность.

– Кэм, я такая дура!

– Я знаю... Догадываюсь, что с тобой происходит. Девочка моя, прекрати от него бегать. Ты не спортсмен и даже не любитель. Черт знает, зачем ты раньше носилась с утра по городу, но это твое дело. Ты ненавидишь всю эту хрень. Короче, не об этом. Втюрилась в Ривза, а сейчас не знаешь, что делать?

– Да, – начинаю опять выть я.

– Приезжай домой. – Вздыхает подруга. – Мы ждем тебя.

И прекрати реветь, моя конфетка, иначе растаешь!

Я выхожу из лифта и бегу прямо к двери квартиры Джейда. В надежде на то, что он там, я настойчиво жму на звонок несколько раз. Тишина.

Где он сейчас?

Я готова весь город объехать, чтобы найти его. Мне нужно многое ему сказать и в первую очередь извиниться.

Так и сделаю, только попрошу у Кэм номер телефона

Джейдена. Вдруг он ответит...

– Милая, ты вместила в себя тонну сопливой драмы. Высморкайся.

Эштон с кружкой горячего чая встречается меня в прихожей.

– Спасибо, что вы здесь, но сейчас я занята, – обращаясь к друзьям, сходу говорю я.

– Присядь, пожалуйста.

– У меня нет на это времени.

– Я сказал, присядь! – Грифф повышает интонацию.

Камилла силком тащит меня к дивану. Мне не остается ничего, как послушаться.

Буравя их взглядом, уставляюсь на парочку. Вы знаете то нервное состояние, когда кусаете внутреннюю сторону щеки, а пальцы при этом живут собственной жизнью и раздражающе стучат по столу? Я сейчас в этом царстве.

Друзья переглядываются, скрывая за радушной улыбкой откровенные смешки.

– Мне нужен номер телефона Ривза.

– Не нужен.

– Это еще почему?

– Видела бы ты себя со стороны... Ты похожа на чокнутую, сбежавшую из самой отстойной дурки.

– Почему отстойной? – подыгрывает подруга.

– Там плохо кормят. У нашей больной голодный вид.

– А-а-а, тоже вариант, правда я думала, это из-за того,

что там пациентов заставляют носить неаккуратную униформу, – тыча в мою байку, смеется блондинка.

– Мне сейчас не до ваших шуток! – восклицаю я.

– Тебе следует умыться, причесаться, сходить в комнату и переодеться. Да, успокоиться тоже не забудь.

– Мне нужен номер!

– Будет тебе хоть десять номеров, но только после того, как выполнишь эти настоятельные рекомендации.

– Вы сейчас серьезно? У меня личная жизнь решается, а вы несете какую-то чушь!

– Пара минут ни на что не повлияет.

– Вы невыносимы. И чем же, Камилла, тебе моя байка не угодила?

– Когда ты начала носить грязные вещи?

Обращаю внимание на огромное пятно. За всеми этими душевными переживаниями, я даже не заметила, что облилась кофе.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Я сейчас вернусь, а ты пока найди номер телефона.

– Да-да, обязательно!

Не успеваю я дойти и до своей комнаты, как слышу хлопанье входной двери. Друзья ушли.

Но зачем?

Я бегу в прихожую, но встречаюсь лишь с цветочным шлейфом духов Камиллы. Телефон тут же вибрирует, принеся весточку от нее:

Увидимся чуть позже. Чмоки.

Краткое послание, поднимающее больше вопросов, чем ответов приводит меня в бешенство. Я не люблю быть участницей подобных игр. Сначала друзья ведут себя странно и вместо того, чтобы помочь, говорят, как бесполезные психологи в дешевой консультационной. Они даже не накинулись на меня с вопросами, как это обычно бывает, а в мире нет такой катастрофы, чтобы заставить их заткнуться.

Зная этих двоих, понимаешь, что что-то здесь неладное...

Конечно, отвечать на звонки ни один, ни другая не собираются. Ну и ладно, сама со всем справлюсь! Переоденусь, найду Джейда, а потом прикончу своих друзей.

Иду обратно к комнате, но когда толкаю дверь, мое сердце пропускает удар. Я открываю рот от удивления, заметив зажжённые желтые лампочки на гирлянде в форме капелек, хаотично развешенной по стене.

Несмело пройдя внутрь, я замираю.

Откуда это здесь?

Украшение стало напоминанием о маме. Я как будто сразу же вернулась в то время, когда каждый день видела ее лицо, слышала ее голос, чувствовала запах ее дорогого парфюма.

Сотни, тысячи эмоций разъедают грудную клетку, как кислота ржавчину. Избавляясь от последних барьеров, душа обмякает и становится чистой и умиротворенной.

Чье-то тихое дыхание сзади шевелит мои волосы. Я спиной ощущаю тепло. И кто бы это ни был, я знаю, что буду

счастлива увидеть его, потому что такой подарок может сделать лишь человек, которому на меня не все равно.

– Ты переплюнула всех своей выходкой в кафе.

Передо мной появляется Джейден. Хриплая вибрация его голоса проходит теплой волной по телу. Океан внутри меня разражается ураганом. И только огонь его глаз – мой спасительный маяк. Я плыву навстречу, безотрывно глядя на него.

– О, это человек, который влюблён в меня? Нужно разбить ему сердце.

Под его стальным взглядом мои ноги превращаются в вату. Я чувствую стыд, изжигающий кожу. Ривз держится слегка отстраненно, но я знаю, что его нервные клетки сейчас взбешены.

– Прости меня. Я последняя кретинка.

– ... я не позволю этому случиться, – продолжает он свою мысль, пропустив мимо ушей мое извинение. Словно обливая ведром воды, он останавливает мои сопливые оправдания. – Ты должна знать, что я не позволю тебе так поступать со мной.

– Я знаю.

– Если твои идеалы не разрешают тебе подпускать меня ближе, тогда я их уничтожу. Я стану тем, кто разнесет все к чертям и создаст что-то совершенно новое.

– Никаких идеалов больше нет.

– Я полгорода объездил в поисках именно той гирлянды, о которой ты говорила на вечеринке. Их было валом, но только

в одном магазине нашлась такая в форме капель. Я ни на кого столько времени не тратил, как на тебя. Ты должна мне его вернуть.

– Так это ты писал записки?

– Да, влез в штаны идиота-романтика.

Джейден, подобно хищной пантере, стремительно надвигается, пока его грудь окончательно не вжимает меня в дверь. Властным маневром он показывает, что моя сегодняшняя выходка не останется безнаказанной.

Как же я жду этого наказания!

– Тогда я отдаю тебе то, что ты хочешь. Забирай, – в силах сказать лишь это, прерывисто шепчу я.

– Спасибо. Я позабочусь о твоём сердце, будь уверена.

Он выпивает мое дыхание жадным поцелуем. Исходящая от него уверенность и сила, прекращает дрожь в теле. Я расслабляюсь, ощущая полное спокойствие и безопасность. Его объятия, как стена, ограждают меня ото всего мира. Отныне у нас своя реальность. Свои правила. Свои законы.

Глава 23

– Как же хорошо! – восклицаю я, сидя за столом на кухне с чашкой горячего кофе в руках.

– Ты опять залезла в мой тайник и сожрала все сладости? – Камилла недовольно складывает руки на груди.

– Это и тайником назвать нельзя. Кто прячет конфеты в банке для чая?

– На твоей фигуре это скажется, не смей потом ныть, что поправилась. И если Ривз тебя уронит при поддержке, то это будет только твоя вина!

– Не уронит, он никогда меня не уронит, даже если я поправлюсь на двадцать два фунта!

– А если на двадцать три? – смеется подруга и отпивает мой кофе.

– Этого не произойдет, двадцать два – максимальная отметка.

– Вы такой сладкой парочкой за этот месяц стали, что аж зубы сводит!

– Ха-ха, говори за себя, блондинка! Сама-то не от печали по ночам голосишь, развлекаясь со своим Майком или Мэттом.

– Его зовут Мэтт, и пора бы это запомнить!

Я отбираю у Кэм свою кружку и треплю ее по щеке. В ответ она строит смешную рожицу.

Люблю эту девчонку!

– Сама-то давно запомнила, как его зовут? Ты с ним в отношениях почти с моего дня рождения, это твой рекорд, да?

– Да, можешь мной гордиться, но, кажется, я нашла неплохую кандидатуру.

– Кандидатура состоятельной оказалось. Кто ж мог подумать, что этот нереальный блондин является наследником неплохого состояния?

– Ты же знаешь, что не из-за этого...

– ... знаю, подруга! Я рада за тебя.

– А я за тебя. Даже поверить не могу, что ты стала собой, а не ревущей по ночам в подушку девой.

– И я не могу.

Бывает, ты открываешь глаза и осознаешь – все изменилось. На тебе по-прежнему старая футболка со знакомым рисунком, но вот понимаешь ты его уже не так, как раньше. Раньше это была всего лишь неясная абстракция, а сегодня ты замечаешь, что она превратилась в солнце. Раньше была такая же дождливая погода, но только сегодня ты видишь всю прелесть серого неба и прозрачных капель на лобовом стекле. Раньше ты ёжилась от ветра, а сейчас тебе хорошо от того, что твои волосы развеваются в разные стороны.

Прошло чуть больше месяца. Я и Джейден официально стали парой. И ни одного дня я об этом не пожалела. Ни разу не задумалась, не усомнилась. Я рискнула, и риск оправдался.

Он тот, кто мне нужен. Я та, кто нужна ему. Я знаю это, когда замечаю довольную улыбку при встрече. Когда слышу учащенный пульс при поцелуе. Когда ночью во сне он инстинктивно притягивает меня ближе к себе, и утром я просыпаюсь на его половине кровати.

Он байкер, но он не такой, как Лихачи. Он – не они. Я сама в этом убедилась.

Я познакомилась с его друзьями – тоже байкерами, и они ни на секунду не заставили меня подумать, что являются плохими ребятами. Они просто любят свое увлечение. Они не водят дел с наркоторговлей. Они нормальные.

Мы часто катаемся по ночным дорогам. Чувства свободы острее, когда сидишь за спиной надежного человека на огромной двухколесной машине, мчащейся по шоссе, словно гонимые ветром облака в небе. В такие моменты кажется все нипочем. Волны свежего воздуха, скорость, полный контроль над ситуацией и ОН... Тот, кто всегда рядом.

Яркий свет уличных фонарей падает на паркет, выстилая тоненькую дорожку от окна к двери. Тени домов, деревьев ложатся пятнами под ноги. В танцевальном зале пора бы уже давно включить свет, но ни я, ни Джейден не собираемся этого делать.

В полумраке мы сливаемся в танце. Мы чувствуем один одного, знаем, как без слов сказать важное друг другу. Наши отражения в зеркалах транслируют отточенные пластичные

движения и поддержки. Спокойная музыка, раздающаяся из колонок, доходит до наших душ, выталкивая из нее нужные эмоции.

До экзаменов меньше трех месяцев, но самое главное – найти свою историю и вылить ее в танце, мы сделали.

– Я соскучился, – шепчет Джейден на ухо, после того как опускает меня на пол из высокой поддержки.

– О чем ты говоришь? Мы весь день вместе танцевали! – переводя дыхание, шепчу я в ответ.

– Мы танцевали не те танцы.

Он снова поднимает меня на руки, несет к подоконнику и усаживает на холодную древесину. Я обвиваю ногами его бедра, прижимаю к себе и целую в мягкие губы, притрагиваясь пальцами к влажным от пота голым ключицам.

Джейд же ведет себя куда более смелее, сжимая мою кожу на ягодицах и покусывая шею.

– Что ты делаешь? – хрипло спрашиваю я, находясь в состоянии эйфории.

– Сейчас узнаешь! – стягивая с меня бретельку топа, приглушенно говорит он.

– Но нас могут застукать, будет очень неловко смотреть охраннику в глаза...

Он достает из кармана штанов ключи, машет ими в воздухе и бросает на пол. Звякающее эхо раздается по залу.

– Неловко? И это говорит безбашенная девушка, совратившая меня прямо на сидении машины посреди белого дня.

Его голос въедается под кожу приятным разрядом. Все начинает плыть, пока он не отрывается от моих губ, чтобы снять с меня остатки одежды. И я не собираюсь препятствовать.

Наши тела вскоре подстраиваются под ритм сумасшедше бьющихся сердец.

Чтобы разбудить огонь внутри меня, тебе не нужно время. Чтобы позволить мне летать, тебе ни к чему обладать магией. Чтобы показать чудо, тебе не требуется открывать мне глаза.

Я могу убежать, но ты последуешь за мной на край света и догонишь. Я знаю это, но дразнить тебя так приятно! И я знаю, что тебе нравится, когда я так делаю. Сейчас, растворяясь полностью в твоих руках, я подвластна только тебе. А ты, ощущая меня каждой клеткой, находишься под моим господством.

На окраине Филадельфии зима чувствуется значительно, нежели в центре. Если здесь еще можно заметить следы снега, то в даунтауне его уже давно не существует словно и не было вовсе. Небольшой трейлер и старые гаражи расположились на северо-западе города. Это место стало убежищем для многих ребят-байкеров. В основном здесь они чинят своих стальных коней, устраивают гонки и просто общаются.

Джейден тут самый главный. Именно он создал Пантер два года назад. Я заметила, что его побаиваются, но уважают.

Со всякими проблемами обращаются только к нему. Здесь он беспрекословный лидер, но его и сравнивать с Хантером язык не повернется. Тот лишь и мог, что запугивать и держать в страхе своих же соратников.

В банде около двадцати парней разного возраста от шестнадцати до тридцати лет. Всех я так и не запомнила, но тех, с кем пересекаюсь чаще, могу назвать по имени.

У Джейдена есть лучший друг – широкоплечий и высокий брюнет Ной. Он наш ровесник и с ума сходит от гонок, поэтому часто в них участвует. Я ему сразу, как он сказал, "зашла", и он одобрил выбор своего приятеля.

Братья-ирландцы Киран, Джаред и Патрик тоже хорошие и веселые рыжеволосые парни, с ними я нашла общий язык. Им понравилось, что я не стою в сторонке при разговорах, как монашка, а сама проявляю инициативу.

Такая смелость не угодила только бородатому Джо, он посчитал меня слишком ветреной. Его право.

Он держится ото всех в стороне, вечно роясь в своем мотоцикле, словно хирург во внутренностях пациента и редко участвует в коллективной деятельности.

Отшельник – так я его и прозвала.

Наши чувства взаимны, я тоже не питаю к нему особой теплоты, поэтому не обращаю на него никакого внимания.

Терри и Густав – последние, чьи имена вбились под корку. Эти парнишки в наколках по всему телу часто привозят сюда девушек, причем каждый раз разных. Их конечно дело, но

этим они не отличаются от типичных бабников. Зато у них шикарное чувство юмора, и они часто веселят меня своими забавными историями.

Мне нравится это укрытие ото всего мира. Я понимаю, почему Джейден сюда рвется и зовет меня с собой. Когда он обычно занят, я наливаю себе кружку горячего чая, беру плед, усаживаюсь на небольшое кресло рядом с трейлером и люблю живописной природой.

Ровная полоска леса на противоположной стороне дороги оградила это место от шумного города. Помимо рева моторов мотоциклов можно услышать, как птицы исполняют свои партии, как ветер завывает симфонию, сбивая белые шапки с деревьев, как язычки огня в костре отыгрывают стаккато, облизывая трескучие поленья. Здесь чувствуется спокойствие и воодушевление. Я даже блокнотом и ручкой запаслась, чтобы прописывать хореографию, идеи которой теперь часто посещают мое воображение.

Мама все время писала. В ней было столько фантазии, что хватило бы на троих...

– Что делаешь?! – вскрикивает Ной, подкравшись незаметно со спины.

– Черт возьми, зачем так пугать?! – Я подпрыгиваю на месте, чуть не прикусив язык. Он озорно ухмыляется, и я тут же подавляю негодование. – Да так, небольшие заметки... Ого, а что у тебя с рукой? – обращая внимание на сухую корочку крови на костяшке, спрашиваю я.

– Мотался пару дней назад в Нью-Йорк за запчастями и на Лихача наткнулся.

Моя снисходительная улыбка тут же пропадает с лица. Эти придурки Хантера в любую брешь моего существования пролезть могут.

– И часто вы так на них натываетесь?

– Достаточно. Наши злейшие враги повсюду.

– А что вам делить?

– Многое, Даки, многое. Ты этого никогда не поймешь, тебе и не нужно. Они просто уроды, и ты знаешь это не понаслышке.

– Хотелось бы забыть.

– Сложная тема. Гадость тяжело отдраивать.

Я толкаю брюнета в бок. Он наливает себе чая, садится рядом, и мы продолжаем молча глядеть на пейзажи.

Время здесь течет по-другому. Все замедляется. Я словно в машине времени. Она уносит меня в хорошие воспоминания. Туда, где я не знала банду Лихачей.

– Джейд очень изменился! – Ной нарушает тишину.

– Хочешь сказать, я в этом виновата?

– Да, но это не укор. Я знаю его два года, а сейчас как будто с другим человеком знаком. Он стал рассудительнее и спокойнее, и это даже на пользу! Иногда он мог сразу в нос дать, а сейчас хорошо подумает, прежде чем врезать.

– То есть я усмирила пса?

– Образумила.

– Странно, что ты мне об этом говоришь. Тебя бы тоже пора образумить, а то последняя гонка с покорёженным мотом обошлась дорого.

– Если найдется такой человек, я обязательно тебе об этом сообщу.

– Буду ждать с нетерпением.

– Тебя здесь никто не обижает? – по-братски интересуется он.

– Думаешь, Джейд бы позволил? – хохочу я.

– Ну мало ли, здесь многие могут вздыбиться, правда, потом огребут по полной.

– А сейчас ты скажешь, что я могу рассчитывать на тебе и, если что, жаловаться?

– В точку, Коуэн! Джейден – мой кореш, я за него убить готов, а, значит, и за тебя.

– Надеюсь, обойдется без кровопролитий.

Протяжный рев мотора отвлекает нас от занимательной беседы, и мы оборачиваемся. Мой парень сидит на байке и грозно машет рукой Ною:

– Дружок, а не пытаешься ли ты увести мою девушку?

– Дружок, а не пытаешься ли ты угробить мой мот? – отвечает тот.

– Нет, я столько сил положил, чтобы восстановить его, иди проверяй.

Ной подмигивает мне и радостно, словно пятилетний ребенок, получивший в подарок крутую игрушку, бежит к сво-

ей железной ласточке.

Я посылаю воздушный поцелуй своему ревнивцу и возвращаюсь к блокноту и ручке.

Как же все изменилось!

Еще год назад я находилась в компании уродов, надиралась до чертей, крушила, портила, ломала, убивала в себе человека, превращаясь в монстра. Я была внутри поезда, потерпевшего крушение и уже не надеялась вернуться к жизни. К нормальной жизни, наполненной положительными эмоциями, радостями. Я представить себе не могла, что смогу полюбить, почувствовать любовь в ответ. Я не верила, что смогу смириться с уходом мамы. Я не думала, что смогу воскреснуть, восстать из пепла, как феникс.

Глава 24

Ровное дыхание весны. Шаг за шагом, день за днем она стремительно врывается в легкие ласковым ветром и прогоняет зимний холод. Текущие по дорогам извилистые ручьи, пропадают под решетками ливневой канализации. Люди потихоньку снимают с себя утепленные куртки и переходят на весенний гардероб. Солнце припекает сильнее и настойчивее, целуя оранжевыми лучами все живое. Сквозь сырую землю пробивается зеленая трава. Филадельфия наполняется яркими красками и оттенками новых звуков.

На смену дневному теплу в вечерний город наведывается прохлада и вместе с проливным дождем отмывает дороги от грязи и пыли, полирует стекла, безудержно стучась в окна.

Крупной картечью капли дребезжат по парапетам и образуют лужицы.

Я стою под крышей рядом с Джейденом и жду окончания очередного ливня, застилающего глаза. Сегодня мы хотели проехаться по ночной Филадельфии, но погода, кажется, внесет коррективы в наши планы.

– Ты можешь быть иногда такой милой! – прижимая меня к себе ближе, говорит он.

– Разве я не всегда такая?

Поворачиваюсь к нему лицом, чтобы увидеть любимые ямочки на щеках и огонь в темных зрачках.

– Нет, и слава богу. Я бы с ума сошел, если бы ты была сладкой, как сахарная вата.

– Даже так...

– Ты идеально подходишь мне. Где-то в глубине души я понял, что больше не буду свободным, когда сжал твое, содрогаящееся от истерики, тельце тем летом.

– Но тогда я тебя отпугнула, не так ли?

– Ты вела себя как самая настоящая стерва, но этим и подогрела интерес.

– А потом ты узнал, что я знакома с Хантером...

– И мне хотелось тебя прикончить за это.

– Ну ты и осел!

– Коуэн, это еще ласковое прозвище! Теряешь хватку?

– Не дожدهшься! – отходя от него и скрещивая руки на груди, смеюсь я. – Готов к очередному удару?

– С тобой не соскучишься. – Он озадаченно почесал затылок.

– В общем... Хочу познакомить тебя со своим отцом и сестрой. Выдержишь?

Реакция Джейдена стоит того, чтобы описать. Он заливается громким недоверчивым хохотом и поднимает руки вверх, словно я держу его на мушке.

Я обещала папе, что когда настанет время, расскажу ему о Ривзе. Оно пришло, тянуть нечего.

– Самое забавное, что я хотел тебе сказать что-то подобное, дорогая. Мы едем в Нью-Йорк к моей семье на этих вы-

ХОДНЫХ.

Я не то что округляю глаза, они вылетают из орбит. Мне было не знакомо чувство страха при таких обстоятельствах, но, кажется, настал его час. Я вряд ли смогу понравиться родителям своего ненаглядного, уж не тот я человек. Это раньше я была золотой девочкой, которая у всех вызывала восхищение, а что сейчас?

– Ты уверен, что это хорошая идея?

– Такой же вопрос к тебе!– Поднимает плечи он и лучезарно улыбается.

Я выдыхаю, стараясь не показать смятения.

– Джейд, мы никогда не говорили о твоей семье. А сейчас ты хочешь меня им представить?

– Боялся спугнуть.

– Хорошо, стало быть, ты хочешь отвезти меня к ним завтра?

– Зришь в корень.

– Теперь мне нужно больше информации. И, если честно, я немного в шоке, что твоя семья живет в Нью-Йорке...

– Хорошо, спрашивай все, о чем хочешь узнать, только давай вернемся домой...

Усевшись на потрепанный временем диван, я задумываюсь.

Он решил познакомить меня с самыми близкими людьми. Сомневаюсь, что кому-то из его прошлых пассий удалось дойти до этого уровня.

– Почему ты тогда в Филадельфии, раз твоя семья в другом городе?

– Захотелось самостоятельности, – вздыхает Джейд. – В восемнадцать лет я улетел во Францию. Тайком подал документы в академию, а когда прошел конкурс, поставил всех перед фактом, что купил билет в один конец. Проучившись два года, мне пришлось вернуться в штаты. Моя сестра Эрика попала в аварию, и я должен был быть рядом с ней.

– Она талантливая, я не прочь с ней познакомиться. – Я приковываю свое внимание к тому самому дереву на стене.

– Да, гениальный фотограф... Я даже удивлен, что ты о ней не слышала, она очень известна в Нью-Йорке.

– Раньше я была равнодушна к этому виду искусства. Видишь, какой у меня огромный недостаток?

– Это не недостаток, а просто недоразумение, – притягивая меня к себе, шепчет Джейд.

– Так как ты очутился здесь?

– Пришлось переводиться из французской академии. В Нью-Йорке в тот год все места были забиты под завязку, вот я и переехал сюда. Не так далеко от родного дома.

– А твои родители, м-м-м, какие они? – вспоминая о том, что мне скоро предстоит их увидеть, спрашиваю я.

– Вечно в делах, заботах. Они владеют сетью ресторанов по США.

Я открываю рот в безграничном изумлении. Стало быть, Ривз не бедный скиталец, хоть и всякими способами пыта-

ется убедить в обратном.

– Надо же, я еще способен на то, чтобы тебя удивить! – смеется он, когда замечает выражение моего лица.

– Но почему ты, почему... – путаясь в мыслях, повторяю я.

– ... почему я живу в этой не помпезно обставленной квартире и не кручусь в богатом обществе, к которому ты привыкла? Наверное, потому что не хочу рисоваться. Такой образ жизни мне по душе, я не нуждаюсь в деньгах, но и не сорю ими. У меня есть кое-какие акции от бизнеса, и я, как и ты, могу позволить себе все. Но дело в том, что я просто не хочу этого.

– В тебе полно загадок, Ривз! – Я поняла, что многого не знаю о нем. – Почему ты стал байкером?

– Я езжу на мотоцикле с шестнадцати лет.

– И поэтому сколотил здесь банду?

– Ну оно как-то само получилось. Я просто начал гонять по городу и нашел таких же единомышленников... О чем задумалась? – касаясь моего подбородка, хрипло шепчет он.

– Ты... оказывается, я тебя плохо знаю.

– Разочарована?

– Приятно удивлена. Теперь я не буду беспокоиться, что ты со мной из-за денег! – хохочу я, съезжая с серьезной темы.

– Тебе не совсем одиноко на высоте своей заносчивой натуры? – кидая в меня подушку, смеется в ответ Джейд.

– Не-а, только немного прохладно на самом пике горы.

Я прыгаю на диван и бросаю, прилетевший в меня, мягкий снаряд прямо ему в лицо.

– Тогда снизойди на землю.

Ривз поднимает меня на руки и крепко целует.

Я обвиваю ногами его тело, словно лоза могучий стебель. Его учащенное дыхание греет мой нос, спускается к шее, ключицам. Я таю, как последний снег под настойчивыми весенними лучами. Мои пальцы запутываются в его волосах, губы теряются в сладких, как мед, поцелуях, сердце стучит, словно отбойный молоток, подстраиваясь под его сердцебиение.

Мигом все затихает, как темная ночь в ожидании бури чувственных действий, ударов молний гипнотического взгляда, раскатов грома из легких. Светлые небеса души разверзаются. Наше желание синхронно нарастает.

Есть много моментов, которые приносят мне удовольствие, но самый главный и впечатляющий из них – ты.

Дом семейства Ривзов находится в Манхеттене на Верхнем Ист-Сайде. Подумать только, мы жили когда-то в одном районе, ходили по одним и тем же улицам, обедали в одних и тех же ресторанах, но встретились совсем в другом городе!

Если это не судьба, то что тогда?

Я захожу в роскошные двухэтажные апартаменты, вцепившись вспотевшими пальцами в подол оливкового платья. Но и застесняться не успеваю, как светловолосая высокая строй-

ная женщина, выглядящая явно не на свой возраст, радушно восклицает и идет навстречу:

– Вы пришли!

Она крепко обнимает Джейда и целует в щеку, а после все ее внимание переключается на меня.

– Здравствуйте, миссис Ривз, – робко начинаю я и подаю руку.

Вместо рукопожатия она так же тепло обнимает меня, и я успеваю ощутить легкий аромат лимонной вербены.

– Дакота, я тебя умоляю, зови меня просто Хлоей, долой официальность! Ты красавица и такая малышка! – Так она отметила нашу разницу в росте с Джейденом. – Ты и представить себе не можешь, как я рада тебя видеть! Джейден за все свои двадцать два года никогда сюда никого не приводил.

– Мам... – встречает он. – Не начинай, пожалуйста!

– Все-все, замолкаю! Остальные скоро подойдут, поэтому пока предлагаю выпить чая.

Очутившись во внушающей своими размерами гостиной, я понимаю, насколько богата эта семья. Я привыкла к роскоши и достатку, но и не думала, что родители Джейда настолько состоятельные. Белый рояль возле панорамного окна сразу же бросается в глаза, обычно такой инструмент занимает много места, но только не в этом доме. Здесь просторно, как в море.

Если честно, я не знаю, как себя вести, вся моя смелость потихоньку рассеивается, словно дым. Я никогда не была в

подобной ситуации, поэтому чувствую себя крайне некомфортно, но вскоре это проходит.

Хлоя действительно добрая радушная женщина и даже чем-то похожа на мою маму. Ее голубые глаза щурятся в мягкой исчезающей улыбке, смех искренний и не наполнен условностями. Она располагает к себе.

Как и Она.

– Джейден мне говорил, что ты раньше жила в Нью-Йорке...

– Да, двадцать один год, но потом мы с отцом переехали в Филадельфию.

– Я знаю о твоей маме, и очень соболезную, моя хорошая. Это тяжело пережить, – украдкой говорит она, касаясь моей ладони.

– Да... Это так.

– Но ты молодец, раз смогла. Это многое говорит о человеке.

Да, но чего мне это стоило...

– Спасибо, миссис... Хлоя.

Не совсем приятную тему своим долгожданным появлением прерывают мужчина в очках и деловом костюме и девушка с красными волосами и короткой стрижкой под мальчика.

Мистер Ривз и сестра Джейда – Эрика.

– Произошло невозможное, и он явился! – пищит она, кидаясь в объятия к брату.

– Весь Нью-Йорк стоит в огромной пробке, я думал, что мы оттуда никогда не выберемся! Прошу прощение за опоздание, – чмокая в губы свою жену, говорит глава семейства.

Я поднимаюсь с кресла, когда он поворачивается ко мне, и встречаюсь со знакомой до боли улыбкой. Он улыбается в точности так же, как его сын! Та же ямочка на щеке, те же складки возле губ. Джейден унаследовал все.

– Дакота, так? Я Макс, рад знакомству!

Моя маленькая ладонь утопает в его огромной руке.

– Взаимно, мистер Ривз.

– Какой типаж, какое лицо! – встречает Эрика.

Она в открытую таращится на меня, словно я какая-то скульптура, полная тайного смысла. Успеваю заметить выступающий шрам рядом с левым виском.

Наверное, это последствие аварии, в которую она когда-то попала...

– Эрика, ты хотя бы сейчас могла бы не думать о своей работе? – начинает Джейден. – Даки, это моя сестра, как ты уже поняла.

Я улыбаюсь, глядя на молодую девушку с широко раскрытыми глазами.

– Ох, прости мне мою бестактность, иногда меня может заносить! – Она заразительно хохочет.

– Да ничего, все ведь нормально, я тебя понимаю.

– Ты просто обязана согласиться на пару снимков.

– Пару снимков?

– Да, я хочу тебя пофотографировать. Видишь ли, у тебя очень интересная внешность... Ты естественная, не то что многие модели, с которыми мне приходится работать.

– Не знаю... – Смущаюсь я, морща лоб.

– Пожалуйста! – состроив щенячьи глазки, просит она.

– Хорошо.

– Так, Эрика, только не сейчас! Я знаю, что ты сумасшедший гений, но все свои планы ты реализуешь только после того, как мы пообедаем. – Хлоя приглашает нас за стол, на котором чего только нет! Изысканные блюда, дорогое вино и огромный букет белоснежных роз в центре стола.

Приступив к обеду, мы беседуем на разные темы, в основном касающиеся меня и Джейда. Макс рассказывает, какой сорванец его сын, Хлоя то и дело делает мне комплименты и спрашивает про мое детство, а Эрика лишь и говорит, что о предстоящей съемке.

Джейден сидит рядом, положив одну руку мне на колено, и о чем-то думает, не особо участвуя в разговоре. Он косится на фотографию, висящую на стене, где запечатлена его сестра. Она сидит на байке со шлемом в руках и счастливо улыбается.

Внутренний монолог в его взгляде настораживает не по-детски. Мне не нравится, как он морщится. Мне не нравится, как он сжимает подол моего платья. Учащенное дыхание говорит, что ему приходится скрывать злость.

Что заставило его все это почувствовать?

– Ты в порядке? – шепчу я ему после того, как подают десерт, и внимание остальных ко мне немного приутихает.

– Да, все в норме... А ты? Еще не устала от всего этого? – проходясь взглядом по своим родным, спрашивает он.

– Они милые и их можно понять.

– Я тебя поздравляю, ты им понравилась! Они уже полюбили тебя.

– Правда?

– Я знаю их, поверь мне. Мои родители не всем так улыбаются, а тебе прям океан тепла подарили.

Я прикусываю губу, стараясь спрятать безмерную радость. Тяжело поверить, что я смогла их впечатлить, да я даже не надеялась на это. Я вела себя как обычно, отпускала шутки, смело отвечала, не опускала голову, пряча глаза. Многих это, бывает, настораживает, но я рада, что это не касается его семьи.

Я довольна, что познакомилась с ними.

Они славные.

Долгий обед подходит к концу, и Эрика уводит меня в свою мастерскую на втором этаже.

Небольшая темная комнатка без окон вместила в себя уйму профессиональной техники и пару компьютеров. Здесь повсюду лежат фотоаппараты и объективы, стены увешены огромным количеством снимков, на полу стоят десятки разных по размеру штативов. Настоящая современная студия,

нечего добавить.

– Я сделаю пару фотопроб, чтобы потом придумать хорошую экспозицию и, собственно, идею для съемки.

– Я думала, мы сегодня с этим покончим. – Ощущая холодок, пробегающий по ногам, обнимаю себя я.

– Я не настолько гениальна, но ты не переживай, тащиться сюда еще раз не придется, я сама приеду в Филадельфию.

– Ладно.

– Здесь прохладно, извини. Этого требует моя техника, но ты можешь накинуть на себя вот это, пока я подготовлю аппаратуру. – Она подает мне мягкий плед, и я укутываюсь в него.

Пока Эрика копается в своем столе, я усаживаюсь на кресло и прислушиваюсь к грустной фортепианной мелодии, доносящейся с первого этажа. Произведение кажется знакомым, и, если я не ошибаюсь, это Together We Will Live Forever Клинта Мэнсела. Мама часто включала его, когда оставалась наедине с собой. У нее даже номер был под эту композицию, я точно помню! Грустный номер...

Меня отвлекает череда ярких вспышек. Пару секунд я способна видеть перед собой лишь белый свет.

Протерев глаза, замечаю сосредоточенную Эрику с фотоаппаратом в руках.

– Идеально! – бубнит она себе под нос.

– Но я... я не была готова!

– Живые фото – самые лучшие! Ты была такой задумчи-

вой и располагающей к себе, что рука сама навела объектив и щелкнула.

Да, с людьми искусства часто такое происходит, мне ли об этом не знать. Эрика помешана на своем деле точно так же, как я. Только вместо того, чтобы запечатлеть историю на бумаге, я ее создаю в танце.

Думаю, мы найдем общий язык.

– А что это за музыка?

– А, это? Наверное, Джейден сел за рояль.

– Джейден умеет играть?! – восклицаю я, не ожидая подобного открытия.

Как многого я о нем не знаю, черт побери!

На что еще способен Ривз?

– Да, в детстве родители настояли на том, чтобы мы освоили хотя бы один инструмент. Я уцепилась в гитару, а Джейд... Ну, ты поняла, что его привлекло. Правда играет он очень редко, в основном когда находится глубоко в своих не совсем хороших мыслях.

– Пару часов назад он был в хорошем расположении духа. Что на него так повлияло?

– Если он и скажет об этом, то, думаю, только тебе...

Глава 25

Я спускаюсь по лестнице, но останавливаюсь на ступеньках. Композиция и меня цепляет за потаенные уголки души. Сердце то замирает, то ускоряет свой ритм.

Джейд действительно сейчас в себе. Его угрюмое лицо мне совсем незнакомо. Длинные пальцы скользят по черно-белым клавишам уверенно и умело, а взгляд самозабвенно направлен далеко за пределы пейзажа, открывающегося из панорамного окна. Несмотря на то, что на улице еще светло, кажется, будто дом впитал негативную энергию и погрузился в сумерки.

Я медленно, почти на цыпочках, подхожу к нему и становлюсь за спиной. Джейден не сразу ощущает мое присутствие, но когда поворачивается, его мысли возвращаются из странствий, и он мягко улыбается.

– Может, ты мне сразу расскажешь, что у тебя еще припасено? За эти сутки произошло слишком много открытий, боюсь, я не справлюсь с такой нагрузкой, – обнимая его за шею, шепчу я.

– Тогда стоит притормозить.

Он усаживает меня на колени и легонько касается губ холодными пальцами.

– Моя сестра тебя не утомила?

– Нет, ни капли. – Обнимаю его лицо своими ладонями

и сосредотачиваюсь на глазах. В них мелькает явно больше эмоций, которых он не в силах скрыть. – Джейд, что с тобой происходит? Я же вижу, что что-то не так...

– Ничего серьезного, просто не совсем приятные воспоминания. Пока тебе не стоит в них погружаться вместе со мной.

– Я знаю, что у нас с тобой странные отношения. Мы почти не разговариваем серьезно, вечно шутим друг над другом, язвим. Это и придает перчинки, но долго мы так не сможем. Я хочу, чтобы мы с тобой говорили, просто говорили...

– Дакота? Теперь я тебя не узнаю. Что случилось с моей безбашенной дамой?

– Так вот, какой ты меня считаешь!

Я нахмуриваю недовольно лоб, но в следующую секунду щелкаю его по носу.

– О, привет, Коуэн!

– Ривз! – словно мы только что встретились, восклицаю я.

– Ладно, согласен. Просто у меня такие серьезные отношения первые, и я многого не знаю, но готов учиться.

– Учиться вместе со мной...

– Учиться вместе с тобой.

Он властно припадает к моим губам и, покусывая их, хрипло шепчет:

– Чем займемся?

– Не тем, чего ты ожидаешь.

– А чего же я ожидаю?

– Спросим у твоего члена, который встал между нами?

– Еще одно слово, и я отнесу тебя в свою комнату.

Я чувствую горячую волну, выплеснувшуюся из моего сердца на поверхность, и вспыхиваю от ушей до кончиков пальцев ног. Кажется, вся кожа тут же покраснела.

Это желание.

Желание подчиниться, желание управлять им, желание быть настолько близко, насколько это возможно.

– И что мы будем там делать?

– Тебе как маленькой нужно объяснять?

– Можешь приступить!

Мне нравится его дразнить. Этот не совсем понимающий взгляд заставляет улыбнуться.

– Хорошо... Для начала я тебя раздену, положу на кровать, а потом сведу с ума. И каждое твое движение завтра будет напоминать тебе об этом.

– Какой же ты развратник! Среди бела дня, в доме своих родителей, ай-яй-яй!

– Какие же стальные аргументы, неужели они способны тебя остановить?

Преодолевая сильнейшую стихию в себе, я слегка отстраняюсь от него.

– Спешу тебя разочаровать, мой милый парень.

– Что?! – восклицает он, словно я сказала что-то абсурдное.

Поднимаюсь на ноги и, немного нахмурившись, тихо за-

являю:

– Пока мы в Нью-Йорке, я должна кое-что сделать.

Мой мир начался с тебя, мама... И в течение года я думала, что на тебе он и закончился.

Вечер потихоньку прогоняет, затянутое плотным смогом, солнце с небес. Лишь небольшая дымка последнего света ненадолго задерживается на горизонте прохладного заката.

На кладбище совсем нет живых, кроме двоих – меня и моего спутника. Джейден рядом. Он переживает за меня, поэтому крепко держит за руку, словно я вот-вот упаду на холодную землю.

Я стою возле могилы матери с охапкой кроваво-красных роз и смотрю на выбитую дату смерти на мраморной табличке.

Она прожила недостаточно...

Но того времени, которое было в ее распоряжении, хватило, чтобы оставить после себя важный след во многих жизнях.

Впервые ощущаю странное и незнакомое спокойствие. Раньше мое сердце либо колотилось, либо замирало, а душа при этом всякий раз уходила в пятки, когда я появлялась здесь. А теперь я слышу его размеренное биение, оно не вырывается из груди и не застывает камнем. Мой самый родной человек отныне живет в нем. И это мрачное место с огромным количеством крестов и памятников больше не является

ее обителью.

– Миссис Коуэн! – подойдя ближе к могильной плите, начинает уверенно Джейд. – Ваша дочь – самое лучшее, что вы подарили этому миру, и я хочу, чтобы вы знали об этом. . . Мы с вами не знакомы, но я все равно чувствую к вам безмерное уважение и любовь. Разрешите представиться, я Джейден Кристофер Ривз. Мне двадцать два года, и я учусь вместе с Дакотой в одном университете. Родители нормальные, с детства воспитывали меня как надо. Вредных привычек нет, пирсинга, татуировок тоже. С головой вроде все в порядке, насколько я знаю. – На секунду он затихает. – Да, тараканы в голове только что это подтвердили. Эх. . . ладно, думаю, я бы вам понравился. Миссис Коуэн, я знаю, что вы меня слышите, поэтому хочу сказать лишь одно: за Дакоту можете быть спокойны. Я обещаю, что буду любить и беречь ее всегда.

Глаза застилает соленая пелена. Мне приходится прикусить губу, чтобы не всхлипнуть. Я не ожидала, что Джейден так проникнется. . . Но то, что он сказал, тронуло меня до глубины души. Я еще сильнее полюбила этого человека.

Джейд подходит ко мне и вытирает дорожки слез со щек. Его мягкий поцелуй в лоб разносит тепло по всему телу. Он подносит мою руку к губам и тихо говорит:

– Поговори с ней, я подожду тебя в машине.

Я трясую головой, сбрасывая безмолвное оцепенение, и остаюсь одна посреди кладбища. Мне многое хочется ска-

зять, но я не уверена, что смогу.

Падаю на колени и притрагиваюсь к шершавой плите. От нее исходит холод, но когда я начинаю плакать, мрамор словно разогревается, питаюсь горячими слезами.

– Я скажу по тебе. Ты мне часто снишься. Раньше это были кошмары, но когда я поняла твое решение, то они прекратились. Я хочу попросить прощение за то, что допустила возможным ненавидеть тебя. Мне было больно из-за пустоты. Она поедала все живое внутри и вынуждала быть монстром. Я знаю, что даже после того, как ты ушла, ты все равно где-то со мной. Я люблю тебя и всегда буду любить.

Без понятия, сколько я вот так вот сижу у надгробия. Время утратило свою власть. Темнота вечернего неба запуталась в желтом свете фонарей. Волглая прохлада от почвы потерялась в горячем дыхании.

Я вспоминаю дорогие сердцу моменты. Через них я слышу голос матери, чувствую касание ее теплых рук, аромат несменного парфюма. Кажется, что сейчас она сидит рядом и смотрит прямо на меня чистыми каре-зелеными глазами. Ее душа обрела покой, взгляд стал умиротворенным.

Я ее не вижу, но знаю, что она здесь.

Однажды мы потеряли друг друга, но снова нашли.

Я не верю, что в моей жизни все может быть настолько хорошо... Такое чувство, словно ошибки, которыми я некогда проклеймила свое существование, расщепились на атомы и

стерлись с лица земли. Я забыла слово «боль», забыла ее колющие удары в сердце, ее потоки слез, обжигающие кожу. Я забыла, что когда-то была очень плохой.

Подставляя лицо яркому апрельскому солнцу, я счастливо улыбаюсь и вдыхаю аромат голубых ванильных облачков сахарной ваты. Сегодня я, Джейд и Ив пошли в парк аттракционов. Пока эти двое играют в догонялки, бегая, как сумасшедшие, по молодой зеленой травке, я умиротворенно наблюдаю за ними. Ивонна пищит и смеется, когда Джейден поднимает ее вверх и кружит в воздухе. Я слышу довольный смех. Этот brutальный байкер, отпустивший небольшую бородку, радуется вместе с ней.

Они полюбили друг друга и нашли общий язык сразу после знакомства. Пару недель назад я представила Джейда своей семье. Меня не посетила и капля сомнения, что я делаю что-то неправильно. Сначала отца насторожило байкерское увлечение Джейдена, но тот смог убедить его, что беспокоиться не о чем. Папа потом подошел ко мне и сказал лишь одно: «Мередит бы одобрила твой выбор. И у меня нет оснований думать иначе».

Моя жизнь полностью изменилась с того момента, как я прекратила ненавидеть все вокруг и вернулась к близким. Я думала, что из той ситуации нет никакого выхода. Мне казалось, что все двери закрыты, в окна тоже не пролезть. Я считала, что наглухо застряла в четырех стенах своей ненависти. Но появился шанс, маленькая возможность выбраться, и я

бесконечно довольна, что воспользовалась ею.

Через пару дней мою семью ждет фундаментально важное событие. Отец женится на мисс Лайтман. Эта женщина заслужила мое доверие. Она заменила Ивонне мать. Они часто проводят время вместе, ходят по магазинам, делают прически, Джозефина даже ее домашнюю работу проверяет. Я хочу, чтобы моя сестра выросла в полноценной семье, чтобы за воспитание взялась женщина, любящая ее, как свою собственную дочь. Мисс Лайтман с этим прекрасно справится.

– Дакота, посмотри, я выше тебя! – кричит малышка, сидя на плечах у Джейдена.

Они подходят ко мне и усаживаются на плед.

– Хочешь пить? – спрашиваю я, поправляя ее желтую шляпку, слетевшую набок.

Пока Ив жадно опустошает коробку апельсинового сока, Джейд внимательно глядит куда-то вдаль, поджав губы.

– Что-то случилось? Ты сам не свой.

– Показалось, что увидел знакомого...

– Не очень хорошего?

Он старается улыбнуться, но я вижу, что ему не до этого. В последнее время он часто думает о чем-то. Я чувствую, что эти мысли ему неприятны, но он продолжает настоятельно терзать себя ими. И мне ужасно не нравится это.

Пора разобраться.

– Ивонна, не хочешь нарисовать нас? – доставая из рюкзака карандаши и альбом, предлагаю я.

– С радостью! – визжит она и отсаживается чуть дальше, чтобы полностью захватить меня и Джейда в поле зрения.

– С твоей сестрой форму никогда не потеряешь.

– Уморила?

– Нет, наоборот, я полон сил!

– Значит, мы сможем поговорить...

Я беру его ладонь и поглаживаю немного грубую кожу на пальцах. В мягком взгляде царит удовлетворение, но я способна разглядеть в нем тревогу.

– Только не говори, что ты беременна! – отшучивается он.

– Обычно мне так Камилла говорит.

– Ну мы же с ней друзья, нечему удивляться, нахватался.

Так что, что ты хочешь мне сказать?

– Джейден обними мою сестру! – полностью увлекшись рисованием, указывает Ив.

Он выполняет ее требование и пододвигается ко мне ближе, обхватив рукой талию.

– Сегодня я хочу послушать тебя, – продолжаю я. – Я вижу, что с тобой что-то не так... Ты порою себя странно ведешь. Стараешься казаться веселым, а у самого душа не на месте. Джейд, я хочу знать причину, я имею на это право.

– Это часть серьезных отношений, верно?

– Это часть нас с тобой.

Он глубоко вздыхает и смотрит на меня, стараясь сбить с мысли, но я непреклонно прожигаю его серьезным взглядом.

– Хорошо. История долгая и не совсем веселая, – сдается

он.

– У нас полно времени.

– Когда мы были с тобой в Нью-Йорке, я кое-что узнал. Но, наверное, стоит начать сначала... Эрика когда-то давно встречалась с Хантером.

– Что!?! – не веря в услышанное, восклицаю я.

– Да... Это было давно. Мы с Хантером были друзьями, ну или что-то типа того. Нас свело одно увлечение, и ты прекрасно знаешь, какое. Мы вместе разъезжали по городу в погоне за острыми ощущениями. Раньше он был не таким уродом. А потом он познакомился с моей сестрой и заманил ее в свои сети. Я уехал в Париж, она осталась вместе с ним. Если бы я знал, что не стоило ее оставлять, многого можно было бы избежать! Я сдал последние экзамены на втором курсе, когда родители мне позвонили и сообщили страшную новость: Эрика попала в аварию и оказалась в критическом состоянии. Уже когда я приехал, то узнал все подробности. Хантер и она участвовали в гонке. Эрика сидела за ним, когда байк на скоростном дрифте сбросил ее с сидения. Она сломала ногу, пару ребер, потеряла много крови. И вместо того, чтобы вызвать скорую, Хантер свалил с трассы, оставив свою же девушку умирать. Если бы не другие байкеры, то, возможно, это был бы ее последний день.

Иррациональный страх и ужас прокалывают грудную клетку острыми ядовитыми шипами. Я задерживаю свое судорожное дыхание, чтобы унять тремор в руках.

Я знала, что Хантер мерзкий, но чтобы настолько!

Это все объясняет... Объясняет, почему Джейден так его ненавидит. А все эти рассказы о защите своей территории – всего лишь предлог для Пантер.

– Я нашел его и поколотил чуть ли не до смерти. Я пообещал, что засажу его в тюрьму, но этот урод сумел выкрутиться. Он успел обзавестись кое-какими связями, и закон теперь ему не писан. Это меня посадили на пару суток за избиение, а не его за то, что он чуть не угробил Эрику.

– Что было потом? – на одном дыхании, спрашиваю я.

– Сестру привели в порядок. Она выкарабкалась. А потом я уехал из Нью-Йорка. Дальше ты знаешь, я восстановился в универе, собрал свою банду и начал мстить Хантеру всеми возможными способами. Обламывал ему сделки с наркоторговцами, выгонял со своей территории. А когда мы приехали к родителям, сестра сказала, что Хантер начал доставать ее звонками. Он постоянно молчит в трубку и говорит, что я забрал у него кое-что ценное – тебя. Этот урод теперь вне себя от ярости, зная, что ты встречаешься со мной.

Меня сейчас стошнит. Ненависть к Лихачу распространяется словно смертельный ураган над мирным городом с каждым моим вздохом. Я готова уничтожить эту мразь, вырвать его сердце, как страницу из мятого черновика. Меня трясет от злости и отвращения.

– Ты видел его здесь сегодня?

– Нет, мне показалось, что за нами наблюдает один из его

прихвостней...

Я внимательно осматриваюсь по сторонам, глядя на отдыхающих в парке. Кроме детей, их родителей и еще парочки молодых людей рядом никого.

Сейчас меня терзает лишь чувство вражды и готовность отметелить преследователя. Пускай он благодарит судьбу, что не попался мне на глаза.

Мысль, что теперь за нами кто-то ходит по пятам и видит все, что его не касается, приводит меня в бешенство. Я проклиная тот день, когда познакомилась с уродом по имени Хантер!

Будь проклят он сто тысяч раз! Будь проклят чертов наркоман!

Глава 26

– Объявляю вас мужем и женой! Можете поцеловать невесту.

Шквал аплодисментов и возгласов заполнили просторный зал громким эхом в пятизвездочном отеле Филадельфии. Состоятельные гости, которых здесь пруд пруди, смотрят сейчас только на одну пару – мистера и миссис Коуэн.

Под нежную мелодию скрипки новоиспеченные муж и жена сливаются в поцелуе, полном счастья, любви и радости.

Я стою рядом с Джейденом в первом ряду и утираю слезы. Видите ли, это не совсем привычно – быть гостьей на свадьбе родного отца. А после той клятвы, в которой он сказал про маму, вспомнив ее добрым словом, мне и вовсе захотелось завывать во всю глотку.

– Ты в порядке? – осторожно интересуется Джейд, притягивая меня ближе к себе.

– Все в норме... – тихонько смеюсь я и вытираю подбородок.

Папа и Джозефина в первую очередь подходят к нам. Опуская все формальности, я целую мачеху в щеку и поздравляю.

– Дакота, я прошу тебя только об одном: всегда знай, что можешь на меня рассчитывать. Я никогда не заменю тебе мать, но стать подругой и надежной опорой – в моих силах.

– Спасибо. – Я мягко пожимаю ее руку.

– Родная! – шепчет отец. – Спасибо, что ты здесь со мной.

– Я твой человек, и по-другому поступить не имею права, да и ни за что не захочу.

Он улыбается, узнавая свои же слова, некогда сказанные мне.

Я крепко обнимаю его и на пару секунд возвращаюсь в то время, когда деревья были большими, а трава ярко-ярко зеленой. Мне кажется, что я все еще маленькая, крепко держу папу за руку и знаю лишь одно: он всегда будет рядом, всегда будет любить. Куда бы я ни ушла, ни уехала, ни улетела, он будет со мной, а я буду с ним.

Он заслужил счастья, и если оно заключается в отношениях с Джозефиной, то я рада вдвойне: оно будет крепким и надежным.

Я обнимаю парочку и смотрю на Джейдена, стоящего за их спинами. Он губами шепчет мне три слова и шлет воздушный поцелуй. Я как будто главная героиня фильма с хорошим сопливым сюжетом, ей-богу! Но лучше уж так, чем быть персонажем из дешевого психологического триллера с отвратительно плохой концовкой.

Размах торжества, учитывая состоятельное положение, можно себе представить. Просторный зал, схожий по размерам на ангар. Повсюду декорации из тандема белых лилий и красных роз. Льющийся свет позолоченных люстр, обрамляет рельефный потолок. Тьма разодетых гостей. Здесь шумно,

каждый хочет поздравить жениха и невесту. Музыканты играют старый джаз. Фотографы то и дело ослепляют вспышками. Официанты бегают вдоль банкетных столов.

– Дакота!

Я оборачиваюсь и вижу Фостера! Да-да, того самого Фостера, с которым думала, что свяжу свою жизнь...

– Дилан! Рада тебя видеть! – восклицаю я, ни капли не привирая.

Я действительно рада его видеть, это почти то же самое, что встретиться с хорошим другом.

Он немного изменился, отрастил бороду, тем самым став немного взрослее и солиднее. Появилось больше уверенности во взгляде.

Джейден слегка напрягается и недоверчиво смотрит на него, прищурив глаза. В знак того, что мое прошлое никогда не влезет в настоящее, я беру его за руку и крепко сжимаю ладонь.

– Как твои дела? Ты в верном направлении? – Подмигивает англичанин.

– Да, в самую точку, – вспоминая наш последний разговор, улыбаюсь я. – А ты?

– Ну... и у меня вроде все налаживается. – Он показывает на девушку, стоящую возле огромной вазы с лилиями.

Блондинка небольшого роста застенчиво сцепляет руки в замок и растерянно улыбается нам. Сразу видно, что она хорошая, скромная девушка. Та, кто подходит Дилану. И она

любит его, это и по взгляду можно определить. С некоторых пор я научилась этому. У меня было достаточно примеров: Джейд и я, мама и папа, бабушка и дедушка. Лишь любящие люди смотрят друг на друга по-особенному. В их глазах живой огонь, которым они будут делиться только с одним человеком на всем белом свете.

Дилан нашел своего человека, я нашла своего... Нам все-го-то нужно было расстаться, и я рада, что нашла смелости пойти на этот шаг.

Кто знает, что бы было, если бы мы до сих пор были вместе?

– Нужно поздравить Уэйда, надеюсь, мы еще увидимся! – Фостер уходит, а Джейден тарашится на меня так, словно его голова сейчас лопнет от количества вопросов.

– Что это только что, твою мать, было?! В каком таком направлении ты сейчас?

– В верном.

– Загадками говорить вздумала? Я ведь могу заставить тебя ответить, – вплотную приближаясь ко мне, хрипит он.

– Заставь, – на полном серьезе заявляю я, вытаскивая из верхнего кармана его однобортного пиджака ключ-карту от номера отеля.

Я потираю слегка онемевшие запястья после того, как Джейд связал их галстуком и провел тщательный «допрос». Не очень-то красиво с нашей стороны, но, кажется, никто и

не заметил нашего отсутствия.

Мы возвращаемся в зал как раз к тому моменту, когда гости, достигнувшие подходящей кондиции, просто танцуют или смело раскрывают некоторые детали своего бизнеса, стоя у бара с бокалами. Шумиха поутихла, и теперь свадьба стала похожа на обычный прием.

Найдите десять отличий.

Ах, стоп, их нет!

– Красный румянец на твоих щеках выдает тебя со всеми потрохами!

Джейден смело целует меня в губы и поправляет бретельку платья цвета серебряной луны.

– Пусть это будет индикатором моего удовольствия. Не хочешь ли ты потанцевать? – прислушиваясь к зажигательной латиноамериканской композиции, спрашиваю я.

– И показать мастер-класс этим неумехам? – глядя на скучное топтание полупьяных парочек в зале, ухмыляется он.

– Ты ведь умеешь танцевать латину?

Он молча тащит меня в центр, смеясь, как ребенок, затеявший небольшую шалость.

К нам тут же приковывают взгляды, когда Джейден, закружив меня вокруг собственной оси, выводит в сторону на расстояние вытянутой руки. Я даже задерживаю дыхание от такой неожиданности и краснею еще сильнее.

– Ладно, я задала глупый вопрос! – не ожидав подобного,

улыбаюсь я, поправляя пряди, выбившиеся из низкого пучка.

Ох уж этот долгий взгляд, в котором зарождается не только страсть, подогретая латиноамериканскими мотивами, но и верность, вера, уважение, любовь, дружба.

– Твоя прическа этого не выдержит, позволь мне все исправить!

Он резко притягивает меня к себе и одним движением распускает волосы, убирая заколку. Локоны падают на плечи и отправляются в полет вместе со мной.

Мы танцуем, зная мысли друг друга. Нет такого, что кто-то наступает на ногу, подает не ту руку. Мы синхронизировали манеру, технику. За время долгих вечерних репетиций в университете, дома и даже на улице, мы выучили один одного, сумели максимально прочувствовать.

Мы идеально подходим друг другу не только в личной жизни, но и на танцевальном поприще. Вопреки частым и затяжным ссорам в начале нашего знакомства, мы пришли к тому, что можно считать полной совместимостью.

Отправляясь в сложные верхние поддержки и заставляя зрителей воскликнуть от восхищения, я уверена, что не окажусь на полу, согнувшись от боли. Он никогда меня не уронит. Кружа по всему залу так, что все сливается в бесконечную полоску, я знаю, что он не разомкнет ладонь, а будет держать ее крепко и в то же время нежно.

Мы дополняем друг друга, мы определяем друг друга.

Финал нашего танца-импровизации застаёт меня в подвешенном состоянии над полом. Крепко обнимая за талию, Джейден склоняется надо мной под громкие аплодисменты толпы. Наше учащенное дыхание сливается в один поток; расстояние между губами стремительно сокращается, пока и вовсе не пропадает.

Горячее касание. Огонь превратился необъятным пламенем в сердце.

Я люблю тебя. Каждый дюйм твоей души и тела.

Пока Джейд играет с моей неугомонной сестрой, кружа ее по фойе, словно перышко на ветру, я сижу за столиком и перевожу дыхание от недавнего танцевального фурора, так поразившего гостей.

Еще бы, здесь удивляться нечему, мы ведь оба знатоки своего дела, как бы самовлюбленно это ни звучало!

Может, стоит добавить пару латиноамериканских на наш проект?

– Нас ждет новость? – Бабушка подсаживается ко мне и хитро щурится.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты нашла себе хорошего парнишку, мне он нравится! Он отличается от того англичанина, да и подходит тебе больше. Я уже в предвкушении серьезного объявления.

– Свадьба? Сейчас? Нет, точно нет. Я не хочу спешить, да и надобности в этом нет, – усмехаюсь я.

– Не тот ли это Ривз, чья семья владеет одним из лучших ресторанов в Нью-Йорке возле Центрального парка?

– И все-то ты знаешь, бабуль!

– Значит, он довольно состоятельный.

– Меня это мало волнует, если и волнует вообще. Я сама не так давно узнала, что он из богатой семьи.

– Уэйд говорил, что он байкер...

Замечаю в ее глазах беспокойство. Ее забота греет сердце, и я знаю, чего она опасается. Того же самого, чего и я когда-то...

– Он совершенно другой. Не тот, с кем я однажды имела несчастье связаться.

– Главное, чтобы ты чувствовала себя с ним в полной безопасности. Он должен быть для тебя не только шикарным любовником, девочка ты взрослая и сама понимаешь, о чем я... Дакота, он должен быть для тебя глухой стеной от угроз, рисков и неприятностей.

– Так и есть, бабушка... Когда я с ним, я знаю, что со мной ничего не случится.

– Тогда я полностью доверяю твоему выбору и теперь люблю его, как внука. Раз он сумел зажечь твои некогда потухшие глаза, то достоин этого.

Она обнимает меня и целует в лоб. А я продолжаю наслаждаться моментом, подарившим многое мне сегодня.

Семья в полном составе приняла человека, в которого я по уши влюблена, с которым готова шагнуть вперед не только

по, вымощенной успехом, дороге, но и в пропасть. Рискнуть только затем, чтобы подать ему руку помощи. Я знаю, что он должен оберегать меня, но то же самое для него должна делать и я.

И сделаю, если придется...

Глава 27

Внутренний бассейн в доме отца усыпан маленькими белыми лепестками. Без понятия, где в середине мая Эрика достала жасмин, но если она что-то задумает, то непременно воплотит это. Я уже даже не удивляюсь, что на мне сейчас восхитительное светло-фиалковое платье с кружевным длинным шлейфом. Кажется, я видела такое в каталоге лимитированных нарядов от Армани. Заполучить его – та еще задача!

Пока Эрика в творческом настроении настраивает свет для предстоящей фотосессии, я распускаю волосы и смотрю на озадаченную Камиллу. Ее настроение явно не касается миссии сделать мне макияж. Она чем-то удручена и даже не пытается это замаскировать. Редко ее встретишь в подобном состоянии.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, подавая ей косметичку.

– Да-да... может, чуть позже об этом поговорим. И вообще, замолчи, я накрашу тебе губы!

Она достает помаду и уходит полностью в процесс, изредка комментируя свои действия.

Эрика напомнила про съемку, когда я уже и думать о ней забыла. Она посчитала, что мой какой-то там типаж идеально подойдет ее задумке. Поэтому сейчас я стою по грудь в воде в дорогом платье, а его нежный шлейф плавает на по-

верхности вместе с сотней приятно пахнущих лепесточков.

Пара ярких прожекторов создает блики на голубой глади, вид и вправду становится нереально красивым. Дымовая установка пускает белые облака над водой, отчего кажется, что я в тумане.

В течение тридцати минут я принимаю разные положения. Бурная фантазия фотографа заставляет меня то лежать на спине, то погружаться под воду, то стоять в странных позах и чуть ли не плясать. Нужно признать, что быть моделью – дело очень утомительное, сродни часу занятий в танцевальном зале.

– Эти снимки точно станут главными на моей выставке! – красноволосая девчушка чуть ли не пищит, глядя на экран фотоаппарата.

– Только не говори, что их увидит тысяча людей! – выжимая волосы, восклицаю я в ответ.

– Хах, тысяча? Да миллионы, моя ты зайчика!

– Что?!

– Ты бы видела, сколько у меня фанатов, и ты станешь бомбой, которая их разорвет на части от восхищения!

– Стоило предупредить меня об этом раньше...

– Стоило подписаться на мой инстаграм, тогда не было такой реакции.

– Да уж, впредь буду все основательно проверять.

– Ты станешь звездой раньше, чем прославишься на сцене. В общем, не пугайся, ты прелесть! И я просто счастлива,

что мой братец вовремя привез тебя ко мне.

– А я просто счастлива, что у моего парня такая сумасшедшая сестренка, – улыбаюсь я, укутываясь в полотенце.

Я потихоньку возвращаюсь из образа фотомодели и наблюдаю за довольной Эрикой. Шрам возле ее виска наводит на вопросы, но я побаиваюсь их задавать. Не знаю, какая реакция может меня встретить.

– Ты хочешь что-то спросить? – заметив то, как я на нее пялюсь, интересуется она.

– Хм... если честно, да.

– Хантер?

Она выдыхает это имя так, словно раньше держала его глубоко в себе. И я понимаю, что поступила неверно, задев ее неприятное прошлое.

– Он все еще звонит тебе?

– Джейден запретил мне об этом говорить... Но я не думаю, что молчать – верное решение.

– Он хочет меня оградить от всего этого, но незнание иногда только все усугубляет.

– Больше не звонит, я сменила номер, зарегистрировала его под фамилией своей подруги, а то раньше он доставал меня каждый вечер.

– Он угрожал тебе? – чувствуя, как вскипает кровь в венах, хриплю я.

– Нет, он вызывал тошнотворные ощущения больше из-за упоминаний о наших отношениях.

– С таким уродом это и неудивительно.

– Да уж... Раньше он был другим, я знала его еще до того, как он сорвался с цепи. Но, к сожалению, и успела застать его в нынешнем облики монстра.

– Ты еще что-то чувствуешь к нему?

– Бога ради, нет! Всю любовь выбило, как пробку, в тот самый день, когда я поняла, насколько он мерзко поступил. – Эрика притрагивается к шраму и замирает. – Это было ужасно. Я помню тот едкий страх, те минуты, кажущиеся вечностью, когда лежала на обочине и не могла пошевелиться. Хантер даже не остановился. Он оставил меня там одну. Повезло, что другие гонщики оказали первую помощь. Я очнулась уже в больнице. Долгое время было больно не из-за травм, а из-за предательства. Я была привязана к нему, старалась найти оправдания его поступку. Одержимо хотелось стереть себе память. Поначалу было трудно, и если бы не Джейден... Он всячески оберегал меня от Хантера и от всего, что с ним связано, пока я сама не поняла, что больше не хочу знать этого человека.

Я закрываю глаза и пытаюсь представить все это. Мерзкий Хантер причинил многим столько боли, и ему все сошло с рук. Вооруженная несправедливость.

– В общем, мне опасаться нечего, а вот тебе...

– ... мне?

– Он часто говорил о тебе, утверждал, что ты его и ничья больше. Он влюблен в тебя, хоть и проявляет это чувство

ужасно, но факт остаётся фактом. И это очень сильная угроза для тебя.

Все внутренности переворачиваются от отвращения. Меня сейчас вырвет.

Я не боюсь Хантера, я его ненавижу.

– Я смогу с ним справиться.

– Ты сильная, ты не такая, как я... И я уверена, что он тебя не сломит, как когда-то сломил меня. Он зря тратит свои силы на то, чтобы тебя запугать, но ты просто будь всегда наготове...

Она напоследок чмокает меня в щеку и уходит со всем оборудованием, оставив меня одну с жутким чувством неопределенности. Я не знаю, что может задумать Хантер, но уверена, ждать следует чего-то отвратительно крысиного.

Вернуть бы время вспять и обойти Лихачей стороной...

– Здесь пахнет так, словно я нахожусь в обществе старой бабки, пользующейся жасминовыми духами! – заявляет Камилла, лежа на спине в бассейне.

Я тоже переделалась в купальник и уже спускаюсь в воду, чтобы отдохнуть от съемки и недавнего разговора.

– А мне нравится этот запах. Может, прикупить себе пару флакончиков? – подшучиваю я над подругой.

– Только посмей, и я выгоню тебя из дома!

Я поворачиваюсь на спину и смотрю на потолок, отражающий блики. Солнечные зайчики прыгают из стороны в сто-

рону и играют в догонялки друг с другом.

– Кэм? – настороженно начинаю я.

– Да.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Водичка супер.

– Что с тобой? Ты сама не своя, я тебя не узнаю... Не беременная ли ты? – смеюсь я, вспоминая, как она меня об этом обычно спрашивала в шутку.

– Надо же, в твоих руках даже детский пистолет выстрелил!

– Что?! – Я подрываюсь с места, забрызгивая все вокруг, словно только что заметила пиранию, и тарашусь на Камиллу.

– Ты все правильно поняла – я в жопе, – будто это в порядке вещей, спокойно отвечает она.

– Я-то думала, что ты беспокоишься из-за экзаменов, которые уже через неделю...

– Это сейчас меня мало заботит.

– Когда ты об этом узнала?

– Сегодня. Прямиком из консультации поехала к тебе.

Шестая неделя.

– Это ребенок Мэтга?

– Ну не Эштона же! – раздраженно выпаливает она.

Я склоняюсь над подругой, внимательно глядя в глаза, пока она не встает напротив и не складывает руки на груди, словно защищаясь.

– Кэм, а при чем здесь Эштон?! Ты что...

– ... да, я что.

– Охренеть! Только... только... – я задыхаюсь от переизбытка эмоций. Мои друзья переспали друг с другом! Это то же самое, что узнать о сексуальном контакте брата и сестры.

– Знаю, что ты сейчас чувствуешь. Я сама не в восторге... наверное.

– Наверное?! Камилла, ты слышишь себя?! Почему я узнаю об этом только сейчас, почему ты не сказала раньше?

– Да это было меньше двух месяцев назад, мы были пьяными. Мэтта не было, он уехал в Лос-Анджелес на пару недель, Грифф остался у меня ночевать, а ты как всегда тусовалась где-то с Джейденом.

– И поэтому вы занялись сексом? Да ты даже когда в ши, контролируешь ситуацию!

– Ха-ха, ну вот, ты меня знаешь лучше, чем я сама. Ладно, Даки... Мне всегда нравился Эш, а я всегда нравилась ему, просто мы этого не признавали.

– А теперь у вас есть ребенок.

– Пока нет никого ребенка. Я еще не уверена, что хочу оставить его.

– Ты с ума сошла?! Даже не смей думать об этом! Тебе не пятнадцать лет, ты не бедная, у тебя есть все возможности, чтобы родить и воспитать его!

– Посмотри на меня, какая из меня мать?! Я безбашенная сумасшедшая девчонка...

Чтобы немного успокоиться и охладить пыл, я ныряю под воду и плыву в сторону бортика, а после глубоких раздумий возвращаюсь обратно.

Я должна уговорить подругу не наделать еще больших глупостей. Нет оснований отказываться от малыша.

У нее нет на это никаких оснований, кроме предрассудков!

Обнимаю блондинку так крепко, насколько позволяет мне моя любовь к ней. Я понимаю, что она сейчас чувствует полную неопределенность, ей страшно, она запуталась и сама не знает, как быть дальше. Но я не позволю ей совершить ошибку, о которой она однажды пожалеет.

– Ты только внешне похожа на заядлую тусовщицу, – начинаю я. – В душе ты очень серьезный и сильный человек.

– Ага, на какой ее глубине?

– Ты можешь сколько угодно думать, что не подходишь на роль матери, но должна знать, что очень сильно при этом заблуждаешься. Не дури! Кэм, я помогу тебе со всем разобраться. Если хочешь, я поговорю с Гриффом и Мэттом.

– Ну уж нет, позволь мне это самой решить... Но было бы неплохо, если бы ты находилась рядом.

– Ну а куда я денусь? Конечно я буду с тобой и за тебя, что бы ни случилось! Если хочешь, я могу даже помочь вырастить и воспитать этого малыша или малышку!

– Надеюсь, я его оберегу от этой угрозы!

– То есть, ты не будешь делать аборт? – вселив всю надеж-

ду в вопрос, подвизгиваю я.

– Нет, – опустив голову, отвечает она. – Куда уж теперь?! Ты меня прикончишь своими укорами, если я решусь на это.

Подруга впервые начинает плакать, оголяя свою душу. За все время знакомства я ни разу не видела ее слез, ни разу! Она всегда была в боевом духе, на подъеме, сидела на вечном позитиве, словно на сильнодействующих наркотиках. Каждый раз она помогала мне справиться с моими проблемами, а теперь и я стала той, кто поможет ей.

Держась за руки, мы ложимся спинами на воду и просто молчим, обдумывая дальнейшие действия.

Мы справимся.

Меньше чем через восемь месяцев на свет появится маленькое чудо, похожее на моих самых близких друзей, и я буду рядом, когда это произойдет.

Я улыбаюсь, представляя блондинку с фиолетовыми прядями мамой. Она непременно станет хорошей мамой.

Я верю в это, знаю это, чувствую это.

Глава 28

Вечер перед последним и самым важным экзаменом мы с Джейденом проводим в зале, доводя до идеала все связки и технические вопросы. Мы придумали замечательную историю, которую уже завтра смогут увидеть все.

– Костюмы, музыка, оборудование... – бубню себе под нос я и стараюсь унять волнение, вычеркивая все пункты из списка.

– ... ты, я, – встречается Джейд.

– Что?!

– Что? Самое главное – это мы, а мы у нас есть, поэтому перестань так волноваться и поцелуй меня!

Я закатываю глаза и продолжаю проверять список, когда Джейден забирает у меня блокнот и обнимает, удерживая в крепкой хватке все попытки вырваться.

– Не будь занудой, мы все сделали, а твои переживания лишь мешают. У тебя самый лучший партнер во всем мире, а у меня самая лучшая партнерша. У нас все получится, и то, что мы задумали, сработает!

– Я знаю... знаю, – сдавшись, смягчаюсь я. – Просто для меня важно то, что будет завтра. Я делаю это не только ради себя...

– ... ради мамы.

– Да.

– Я уверен, что будь она здесь, то гордилась бы тобой. Ты невероятная, и завтра об этом узнают все важные шишки экзамениционной комиссии. Это ведь ты придумала идею, ты исписала хореографией все, что можно.

– Спасибо. Ну без тебя здесь тоже не обошлось!

– Разумеется, – игриво приподнимая брови, смеется он.

– Только не зазнайся!

– Даже в мыслях не было... Даки, у меня есть для тебя кое-что...

Джейден достает из кармана куртки небольшую плоскую коробочку и загадочно улыбается.

– О нет! Только не говори, что ты подаришь мне какую-нибудь дорогостоящую побрякушку! У меня этого добра валом, а ты становишься слишком традиционным! – Я шуточно закрываюсь руками, чтобы показать всю нелепость его поступка.

– Коуэн, заткнись сейчас же!

Он открывает перламутровую крышку и вытягивает серебряную ниточку браслета.

Простое украшение с замысловатым плетением оказывается на моем запястье. Я внимательно рассматриваю звенья и улыбаюсь. Ладно, пожалуй, этот подарок мне нравится именно из-за своей простоты и элегантности.

– Спасибо, но не нужно было.

– Я не дарил девушкам подарков раньше, ты первая. Я вспомнил, что никогда не приносил тебе цветов или конфет,

а еще этих дурацких плюшевых мишек. Я знал, что ты так отреагируешь, но, видишь ли, мне хотелось сделать тебе приятно. Надеюсь, что так и будет.

– Мне приятно. Хм... Не дарил? А как же гирлянда?

– Не считаю это примером. Когда ты будешь смотреть на браслет, то вспомнишь обо мне, а не о маме. Пусть это прозвучит эгоистично, но я хочу отдельное место в твоём сердце.

– Нет таких моментов, когда я забываю о тебе, Джейд. И если бы ты был бедным байкером, то я бы заставила тебя вернуть это обратно. Мне не нужно от тебя ничего, кроме тебя самого. Запомни это раз и навсегда!

– Хорошо, больше не буду вообще тебе ничего дарить и кофе по утрам приносить тоже!

– Эй, это уже перебор!

– Я шучу. – Он включает фонарик на телефоне и оттягивает серебряную цепочку от запястья, чтобы подсветить ее. – Этот браслет с небольшим напоминанием.

На белой стене в зале появляется три слова:

«Я тебя люблю».

Раскрываю рот от удивления. Такое я вижу впервые.

Чего же только не придумают!

– И я тебя люблю. – Я целую Джейдена.

Самый лучший мужчина, в душе которого есть все, что мне нужно! Самый сильный, умный, верный. Он все-таки тот еще романтик, но при этом остается серьезным байкером,

надежным партнером, сумасшедшим сорванцом.

– Собирайся, Камилла уже третий раз мне названивает, до тебя ведь не достучаться, – не отпуская меня из объятий, заявляет он.

– Зачем?

– О-о-о, кто-то заработался! Ты забыла? Кэм и Эштон пригласили нас на ужин.

Черт! Из головы вылетело, что сегодня мы празднуем начало их официальных отношений. Прошлая неделя была той еще по насыщенности. Из-за подготовки к экзаменам и личной драмы подруги я истратила много нервных клеток. Но, слава богу, все обошлось. Мэтт принял неприятную для него новость, на удивление, спокойно, зато Эштону чуть неотложку вызывать не пришлось. Он пару дней не мог поверить, что станет папашей. К счастью, эти двое действительно влюблены друг в друга, и отказываться от пути, который не предоставляет особого выбора к отступлению, не собираются.

У меня ужасно потеют руки, звенит в ушах, и сердце бьется так, словно я выпила около литра энергетика. Я стою за кулисами в одном легком кротком платице телесного цвета и в массивных ботинках.

Осталось две пары, и мы следующие.

В зале полно зрителей, а экзаменационная комиссия куда более серьезней, чем я ожидала. Приехали экзаменаторы из других прославленных университетов и руководители из-

вестных студий. Но меня пугает не то, что на нас будут смотреть сотни глаз, не то, что я могу запутаться – нет, этого не произойдет! Мне страшна реакция людей, когда они поймут, что играть придется по нашим правилам. Ведь пока еще никто не догадывается, что чтобы им увидеть наш номер, нужно будет поднять свои задницы и выйти из зала.

Наши одноклассники подготовились довольно неплохо, но эти клишированные движения... Все по канону, от этого и скучно. Подражание – верная дорога в творческую могилу.

Уэлш тарашится на меня, словно я ее только что облила помоями. Ей до сих пор не по себе видеть Джейдена рядом со мной. Она считает, что я его отбила у нее. Как бы ни так! Будь она не такой глупой, то заметила, что Ривз никогда не чувствовал к ней того, чего ей нестерпимо хотелось. Бедная девчонка.

– Я правильно понял, что у вас нет декораций к номеру? – мистер Сэймор внимательно смотрит на нас.

– Так и есть. Здесь их нет.

– Ривз, что ты имеешь в виду?

– А то, что вы хороший педагог и спасибо вам за два года терпения меня! Спасибо, что были непреклонны, когда мы с Даки просили вас о замене партнеров. Вы многое сделали, а сейчас, прошу вас, не волнуйтесь, мы знаем, что делаем!

– Да-да, ребята, я знаю, только... – Сэймор взглядом упирается в мои ноги и восклицает: – Дакота, а ты в курсе, что в ботинках здесь не танцуют?!

– Извините, нам пора! – хватая за руку Джейдена, лишь заявляю я в ответ и оставляю преподавателя в полнейшем замешательстве.

Как хорошо, что окна зала, где проходит экзамен, выходят на главную улицу! Пантеры нам помогли организовать хороший звук, притащив самые мощные колонки, и теперь главная площадь перед универом превратилась в нашу сцену. Декораций почти не потребовалась, ведь самое главное – городская суэта, непрерывный поток машин, движения прохожих и открытое небо, с почти отработавшим свою смену, солнцем у нас и так есть. Это самое лучшее оформление, и придумывать что-то другое в наши планы изначально не входило. Мы вытащили на улицу только рояль.

– Готова? – Джейд довольный, как слон, чмокает меня в щеку и улыбается.

– Да... – Страх мгновенно исчезает.

– Вот он, момент.

– Какой момент?

– Который запомнится навсегда.

Я замираю. Ведь так оно и есть. Это запомнится, отпечатается надежными чернилами, которых не стереть. Я занимаюсь тем, что люблю с тем, кого люблю.

Громкой музыкой мы обращаем все внимание людей, проходящих мимо, на себя. Заинтересованные происходящим, они замедляют ход и уставляются на нас.

Дело остается за малым – вытащить экзаменаторов. В

этом нам помогут Эш и Кэм. Уж эпатировать эти двое при-
выкли.

Мы в нужных позициях ждем начала. Через минуту, уви-
дев лицо офигевшего Сэймора и десятки таких же эмоций
у других, я улыбаюсь. Ничего не понимающие зрители тара-
щатся на нас в ожидании объяснений.

– Молодые люди, что здесь происходит?! – спрашивает
глава комиссии, но его заглушает звук инструмента, и он от-
ступает.

Джейден начинает играть, я лежу на крышке рояля. Шум
города, легкое дуновение ветра, растрепывающее мои воло-
сы и подол платья, создает подходящее настроение и верный
темп. Мелодия впивается в кожу приятными покалывания-
ми и запускает череду мурашек. Медленно сползаю вниз и
тянусь рукой к клавишам. Джейд прекращает игру и замира-
ет, включается музыка. Я резко встаю и пластично отхожу
в сторону, пропитываясь эмоциями, настроением и звуками.
А потом в прощальных лучах солнечного света бегу к свое-
му самому надежному партнеру и оказываюсь в его руках.

Мы готовы.

Готовы рассказать историю любви двух людей, которые
раньше терпеть друг друга не могли. (*В нашем танце много
сложных и даже опасных поддержек, но ни одна из них не
срывается*).

Однажды зажигается искра между ними, и они идут на-
встречу к ней, оказываясь так близко, что притяжение тут

же связывает их в единое целое. *(В исполнительной технике много смешения стилей, начиная от современного балета, заканчивая па бачаты).*

Парень и девушка преодолевают трудности, свои характеры, учатся находить компромиссы. *(Синхронность, с которой они это делают, отражается в наших движениях. Я – отражение Джейда, копирующее каждый его шаг, прыжок, полет и падение).*

И теперь они вместе, готовые идти рука об руку, поддерживать, оберегать, защищать и любить только крепче изо дня в день.

Джейден поднимает меня вверх на вытянутых руках, и я замираю. Я чувствую, как его мышцы ослабевают, чтобы сбросить меня с высоты.

Выдох, и я падаю.

Падаю в его объятия, а после уверенно становлюсь на ноги, обняв за шею своего партнера. Один взгляд, в котором можно прочесть все, о чем он думает, и я заряжаюсь на максимальную мощность. Его любимые глаза полны озорства и магнетического влечения.

Мы возвращаемся к роялю. Джейден вновь начинает играть, а я кладу голову ему на плечо и дослушиваю композицию. Внутри меня бушует буря удовлетворения и облегчения. Я знаю, что стихия накрывает не только меня. Рядом со мной он – тот, кто знает, что я сейчас переживаю.

Я поднимаю голову к небу и понимаю, что счастлива. Я не

слышу аплодисментов и одобрительных возгласов. Я слышу стук своего сумасшедше бьющегося сердца.

Джейд обнимает меня и целует в плечо, а я смотрю прямо на зрителей, собравшихся вокруг нас со стороны улицы и университета. И сквозь эту толпу вижу только одного человека – *Ее*.

Мама стоит позади всех в красном платье, ее глаза полны гордости и нежности. Так она на меня смотрела всякий раз, когда я перешагивала очередную высокую планку. В этот момент она тоже здесь. Живая, полная сил и вдохновения.

Она во мне, в моем сердце и душе. Навечно.

– Ну, ты чего? – вытирая слезы с моего подбородка, шепчет Джейд.

– Я чувствую ее, я вижу ее, Джейден! Я ни разу не видела ее после смерти. Она приходила ко мне во снах, но это было не то. А сейчас я ее вижу, вижу!

Я улыбаюсь сквозь пелену слез и поворачиваюсь туда, где стоит она. Мама все еще там. Пускай это лишь плод моего воображения, но настолько реальным он еще никогда не был!

– Это значит, что сегодня ты показала все, на что способна, и смогла впечатлить не только этих людей, но и себя.

Довольные лица экзаменаторов говорят о том, что мы смогли их удивить. Они лишь кивают нам в знак одобрения и уходят обратно в университет.

– Вы все-таки сумасшедшие и очень рискованные ребята! – Мистер Сэймор с укором глядит на нас, но вскоре смягчает-

ся. – Но должен признать, вы оправдали мои надежды. Хоть и сделали это в своей манере, от этого хуже не стали. Вы понравились всем, понравились мне. Так что я вас поздравляю! Творческие люди нужны этому миру.

– Без вас ничего бы не было. Стоит хотя бы вспомнить вашу стойкость и непреклонность! – отшучиваюсь я.

– С вами, детишки, только так и нужно! Ладно, мне пора выслушивать мнения, а вы расслабьтесь. Теперь это можно.

Мы смеемся, и пока я пытаюсь переварить все произошедшее, ко мне подкрадывается Камилла и обнимает сзади.

– Вот же тихушники! Могли бы уже нам сказать вашу задумку, а то мы с Эштоном выглядели как дурочки, когда заставляли всех в зале выйти на улицу. Ривз, ты оказывается еще и на рояле брынькать умеешь!

– Спасибо, спаси-и-ибо, Кэм! – обнимая подругу, хохочу я.

– Вы молодцы! Танец, признаю, самый сильный, но меня больше поразило ваше взаимодействие... У вас были такие взгляды, что я думала вы сожрете друг друга в любви и страсти. Даже трудно поверить, что когда-то вы собачились серьезнее, чем кто-либо.

– Жизнь – сложная, но интересная штука, Берк. Тебе ли об этом не знать?

– Вот именно! Вы тоже скоро познаете всю ее прелесть. Вечеринка завтра вечером в честь завершения гребанных экзаменов. И только попробуйте не прийти!

– Ты даже сейчас неугомонная!

– Хотя пить мне и нельзя, но не становиться же занудой из-за пузожителя?

Глава 29

Я захожу в квартиру, набитую донельзя не только нашими одноклассниками, но и незнакомцами.

Кажется, в этом месте собрались тусовщики со всего города: гламурные девицы в коротких платьях, парни в модных костюмах. Здесь нет только стриптизёров, ди-джеев и наряда полиции, а так можно было бы сказать, что штат укомплектован.

Камилла переплевывает саму себя: с каждым разом вечеринки становятся более масштабными, более громкими и более яркими.

Ну вот откуда она достала столько световой установки?!

– Кэм, ты поставила на уши полдома! Музыка уже в лифте слышно. Почему входные двери не закрыты?!

– Сегодня нам можно все! – Довольная подруга обнимает меня и целует в щеку.

– М-м-м, апельсиновый сок! – Забирая у нее стакан, я утоляю жажду.

– Да, я же не могу пить алкоголь из-за него! – Она показывает на живот и недовольно смотрит на пустую емкость в моих руках.

– Для тебя я достану сто литров этого сока, если пожелаешь!

– Удачи, только мои вкусы меняются со скоростью света,

и сейчас я хочу уже яблочного! И вообще, куда ты Ривза подевала? Я думала, вы вместе придете.

– Он скоро приедет, появились какие-то проблемы с мотоциклом...

– У него появится больше проблем, если он сюда не явится!

Подруга угрожает мне кулаком и тащит на кухню.

Черт возьми, такое ощущение, что я нахожусь на фабрике по производству алкоголя! Здесь есть все, чтобы надраться и откинуть копыта. На полу, подоконнике и даже на холодильнике стоят бутылки, пустые стаканчики валяются на столе. А это еще только начало!

– Что ты видишь вокруг себя? – спрашиваю я, заметив кое-что весьма забавное.

– Кучу трудностей и столько же заморочек! Знала бы ты, как меня может тошнить по утрам!

– Правда? А я чувака в женских шмотках. Кажется, в твоих...

Мы приглядываемся к пьяному парнишке, разгуливавшему в вечернем зеленом платье Кэм. Благо, он худой и одинакового роста с ней, иначе ткань разошлась бы по швам, и одна блондинка выпустила бы все внутренности у этого несуразного манекена.

– Твою мать! Пойду-ка я разберусь! – громко ставя стакан на стол, воинственно рычит она.

– Тебе помочь?

– Поверь мне, ты не захочешь видеть макруху!

Проходит около часа, а в наш дом все так же продолжают поступать тела. Конвейер на их доставку работает без перебоев. Я уже устала отшивать пьяных придурков от себя, устала следить за порядком, поэтому сейчас сижу с бокалом вина на диване и смотрю на вакханалию со стороны.

Какой-то парнишка в одних трусах орет на всю квартиру смешные речевки, а все остальные снимают это на телефоны. Кто-то просто, позабыв о приличии, сосется прямо возле меня. Девушка в коротких шортах устраивает бармен-шоу и крутит в руках три бутылки подряд, разливая всем желающим напитки.

Я же решаю все-таки переодеться во что-нибудь более нарядное, дабы соответствовать настроению вечера. Как хорошо, что Камилла предусмотрительно закрыла мою комнату, и сейчас я не удостоиваюсь чести застукать какую-нибудь пьяную парочку на своей кровати!

Хочется побаловать сегодня Джейда, которого с минуты на минуту следует ожидать, и я облачаюсь в весьма пикантное черное кружевное белье. В зеркале отражается смелая, красивая, уверенная в себе девушка. Я знаю ее, мне не приходится удивляться отражению. Улыбаюсь и крашу губы яркой красной помадой.

Вы оцените, мистер Ривз!

Надев черное платье на бретельках до колен с пайетками по всей длине, я принимаюсь за волосы. Высвободив от вы-

сокого хвоста, распускаю их.

Идеально!

Образ завершен, можно сводить с ума моего байкера.

– Вот ты где! – Джейден появляется в дверях и внимательно смотрит на меня. – У-у-у, какая красота, какие формы... Интересно, а что под этим коротеньким платьем?

Он поднимает подол, но я бью его по рукам и смеюсь.

– Не так сразу, жеребец! Я наводила эту прелесть не для того, чтобы ее сразу же разрушили.

– Ты и в рваном мешке будешь прекрасной, а без мешка так тем более!

Он прижимает меня к себе и смело кусает губы. Его пальцы блуждают по моему телу в поисках застёжки. Прикосновения оставляют следы на коже в виде красных горячих пятен. Я покрываюсь мурашками от удовольствия. Кипит все: чувства, желания.

– Я забыла кое-что... – хрипло шепчу ему на ухо.

– ... стянуть с меня штаны или снять, для начала, футболку?

– Браслет.

– Что?! Боже, ты сейчас серьезно думаешь об этом?

Джейден поднимает меня и бросает на кровать, накрывая собой.

– Он отлично подходит к наряду! – взвизгиваю я после того, как его ладонь бьет меня по ягодицам.

– Если он будет единственной вещью на тебе, тогда я не

против. М-м-м, что у нас там?

Он спускает бретельку платья и хищно смотрит на кружевной бюстгальтер.

Громкий стук прерывает нашу прелюдию, и мы оба таращимся на дверь.

Камилла.

– Черт возьми, Берк! – хором орем мы.

– Какая горячая сцена! Делаете подружку для моего ребеночка? Жалко прерывать, но там тебя, Ривз, спрашивает какой-то, исколотый в пирсинге, пацан.

– Хантер?! – я выкрикиваю это имя так, словно меня ударили по лицу.

– Да фиг знает, я не спрашивала.

– Будь здесь и никуда не выходи! – Джейд подрывается с кровати, и я вижу в его глазах сгусток злости, в зрачках полыхает мгновенная ярость. То, что мне эта ситуация не нравится – это мягко сказано.

– И речи быть не может, я пойду с тобой!

Я встаю и собираюсь открыть дверь, но она сразу же захлопывается прямо перед носом.

– Я сказал, будь здесь! – Появляется металл в его давящем голосе.

– Он пришел в мой дом.

– Он позвал не тебя.

– Как будто если бы было иначе, ты позволил мне выйти! – Я стараюсь сохранять спокойствие, но с каждой секун-

дой делать это становится труднее.

– Интересненько... – заявляет подруга, прерывая наш спор.

– Камилла, останься с Дакотой и не позволь ей сбежать. Поверь, это для ее же блага.

– Согласна! Коуэн, ты аж покраснела, это не к добру. Джейден уходит, а блондинка становится перед дверью, преграждая путь.

– Ты же не станешь драться с беременной?

– Камилла! – начинаю уже кричать я. – Ты не понимаешь, я должна быть там! Этот урод мог прийти сюда, только чтобы сделать какую-нибудь гадость, не иначе.

– Даже если так, то Ривз хочет тебя от этого защитить. Думаю, он поступает правильно. Пускай мужики сами во всем разбираются, девчонке там не место!

– Ты многого не знаешь...

Я падаю на кровать и закрываю дрожащими руками горячее, от вскипающих эмоций, лицо.

– Неудивительно, ведь ты обычно немногословна.

– Это очень плохой человек. Я была с ним почти год, я знаю всю его подноготную. Он не зря здесь.

– В любом случае там Эштон и еще десяток крепких парней. Ничего плохого с твоим любимым не случится.

Я измеряю комнату шагами уже, черт знает, сколько минут. Это место скоро заискрится из-за моих вспышек ярости, беспокойства и переживаний, нарастающих смерчем.

Подруга молча сидит на кресле и следит за мной. Время останавливается. Секунды могут долго длиться не только в щекотливых моментах кинофильма, но и когда ты чего-то очень сильно ждешь.

Я жду, когда эта дверь откроется. Жду, когда в нее зайдет Джейд. Слишком долго жду.

– Все, больше не могу!

Дергаю за ручку и выбегаю из комнаты так, словно собираюсь побить рекорд олимпийского чемпиона. Расталкивая с прохода пьяных людей, я оказываюсь в эпицентре тусовочных событий. Кажется, здесь можно встретить кого угодно, но нигде, черт возьми, нигде, не видно двух байкеров! Они будто испарились.

– Эштон, где Джейд? – Тормошу друга за плечи.

– Он ушел с каким-то парнем и сказал, чтобы я не выпускал тебя из дома.

– Ты ведь мой друг?

– Да, Коуэн, и даже не думай давить, используя это.

– Неверный ответ. – Нервы на пределе. – Ты отпустишь меня, а если этого не сделаешь, то я врежу тебе!

– Ну что ж, валяй!

Он встает в боевую стойку, собираясь принять все удары, которые я могу ему нанести в порывах гнева. И видит бог, я готова пойти на это.

– Эш, оставь ее! – Камилла, стоящая позади нас, уставши выдыхает. – Она все равно сделает то, что задумала.

– Я обещаю, что не наделаю глупостей! Спасибо, что волнуетесь, но это, правда, лишнее!

Я хлопаю Гриффа по плечу и лечу сломя голову к выходу.

Дверь открыта нараспашку. Я появляюсь в квартире Ривза, отчаянно пытаюсь восстановить дыхание.

Ничего не валяется, все стоит на своих местах. Значит, драки не было. С замиранием сердца я вхожу в гостиную, ожидая увидеть все что угодно, но когда замечаю целого и невредимого Джейдена, то немного успокаиваюсь. Он сидит на диване, уставившись в пол, и держит в руках мой браслет – его подарок.

– Что ему было нужно? – тихо-тихо спрашиваю я.

Он не обращает внимания на меня, словно оглох и ослеп. Чувствовать себя пустым местом я не привыкла, поэтому повторяю вопрос, на что получаю ту же реакцию.

– Что происходит?!

Подсаживаюсь к нему, но он тут же отодвигается. Это, мягко сказать, не добрый знак...

– Ривз, мать твою, говори сейчас же!

– Уходи. – Он поднимает на меня полный боли взгляд и крепко стискивает зубы, будто только что проглотил кислую жидкость.

– Что ты сказал?

– Уходи.

– Пока не объяснишься, можешь лишь мечтать об этом!

Я наблюдаю за тем, как он резко встает и опрокидывает дряхлый журнальный столик с кучей барахла на пол.

Я вздрагиваю от неожиданности. Чувство напирającego страха дает под дых. Меня колотит изнутри.

– Как думаешь, откуда у меня это?! – Он водит браслетом прямо перед моим лицом и злостно прожигает каждую клеточку тела своими, почерневшими от гнева, глазами.

Украшение стремительно летит в кипу бумаг. Я поднимаю его и сжимаю в кулак. Холодное серебро почти прожигает кожу.

– Не знаю. Откуда?

– Хорошая актриса.

– Прости?

– Хоть сейчас не ври! – Я только что услышала максимальную мощь его голоса.

– А почему ты думаешь, что я вру?

– Потому что знаю правду.

– Надо же! Тогда зачем спрашиваешь?!

Неприятно находиться в состоянии такой невесомости. Меня словно подвесили над жерлом проснувшегося вулкана. Ниточка понемногу обрывается, и я уже чувствую жгучую боль по ногам от прикосновений плескающейся горячей лавы.

– Хантер мне все рассказал, можешь не рисоваться.

– И что же, позволь узнать, он тебе рассказал, раз ты готов меня чуть ли не прикончить.

– Я готов тебя не только прикончить, Дакота... – Злость в глазах демоническая. – Как ты могла?! Ты все это время так искусно плевала мне прямо в лицо!

– Я тебя не понимаю... – Мне страшно и больно от того, что я сейчас слышу. Я не знаю, что происходит и боюсь, что когда узнаю, будет еще хуже.

– Ты была его крысой, докладывала обо всех моих делах. А я-то думал, почему почти все планы относительно Лихачей обламываются у самых истоков их воплощения. Я подзревал кого угодно, но только не тебя. Но самое мерзкое – ты спала с ним! Это вообще удар в спину топором!

– Что ты такое говоришь?! – подрываюсь я и кричу до хрипоты от возмущения.

То, что я сейчас услышала – вопиющая ложь! Меня подставили, причем критически серьезно. Хантер хуже мерзкого ублюдка, его забить до смерти мало...

– Подстроенные гонки, сломанные байки, торговля наркотой прямо под моим носом... а все из-за тебя.

– Замолчи немедленно и выслушай меня!

– Уверен, ничего нового я не узнаю.

– Ты хочешь сказать, что веришь каждому слову мерзкого урода Хантера, а не мне?!

– Я верю доказательствам.

– Каким?!

Я уже не способна держать свои нервы под контролем. Мне хочется забиться в угол и выть так, словно эта послед-

няя возможность высказаться.

– Браслет, который должен быть на твоей руке, оказался в лапах Хантера. Он сказал, что ты сегодня сама его оставила в мотеле после того, как поскакала на его члене прямо там же. Он рассказал про каждую отметину на твоём теле, которую увидеть можно только раздев тебя. И еще, что ты самолично встречалась с ним и рассказывала о Пантерах. Он знает о нас абсолютно все.

Падаю на пол и обнимаю себя за колени. Я знаю, что можно ответить, как можно защитить себя. Но впервые за долгое время теряю дар речи. Стоит что-то сказать, но я не в состоянии. Мой рот словно заклеили скотчем, и все, что я могу, это мычать, захлебываясь в слезах.

– Что, раскусили девочку? – Незнакомая ухмылка ненависти адресована прямо мне.

– Нет, Джейден, не раскусили. – Проглотив соленые капли, устало говорю я. – Это тебя развели, как последнего лоха.

Вижу, доказывать что-то бесполезно. Он уверен, что я его предала. Он уверен не во мне, а в дурацких аргументах Хантера.

Браслет мог кто-то стащить. Шрамы на спине можно было увидеть, когда я допустила крупнейшую ошибку и переспала с ним в конце лета. Информацию о планах Пантер мог выдать кто угодно из его банды. Это не я крыса, а кто-то из его дружков. Но я не буду проливать свет на ситуацию и что-то судорожно доказывать. Я не виновна по всем статьям.

Хочется врезать ему по лицу за то, как он обращается со мной. Как бы я его не любила и не видела в нем защиту, именно он заставил почувствовать сильнейшую боль. Меня только что облили кислотой. Она разъедает все живое внутри. Токсичный взгляд Ривза только усугубляет ситуацию. Его отношение и полная уверенность, что я способна на подобную гадость, о многом говорит. Я не смогу этого стерпеть, да и не стану.

Поднимаюсь на ватные ноги, вытирая последние слезы со щек, и продолжаю смотреть на того, кто только что разочаровал меня. Сад из прекрасных цветов, выращенный им в моем сердце, превращается в кладбище колючих шипов диких роз. Все тускнеет и увядает прямо на глазах.

– Если я уйду, то навсегда, Джейден. Если эта дверь закроется за моей спиной, то я больше никогда не позволю себе появиться здесь снова. Ты больше не увидишь меня... Поэтому спрашиваю лишь раз: уверен в своих словах?

Он молчит. Моя чаша переполнена. Точка.

Могло произойти все что угодно, но только не завершение. Завершения вообще не должно было быть.

– Прощай, – бросаю я напоследок и ухожу, оставив позади моменты, позволившие мне стать счастливой.

Глава 30

Иногда мы говорим «Прощай». Иногда это происходит тогда, когда мы совсем этого не хотим. Дерьмо случается, к несчастью.

Каждый день в мире кому-то разбивают сердце. Разрезают на куски душу. Каждый день кто-то присутствует на похоронах своих чувств. Пришла моя очередь. Мое сердце раздроблено. Все, чем я могу сейчас насладиться, – это его осколками. Боль победила со счетом 2:1.

Прошло около двух недель после того, как все закончилось. Я исчезла. Меня невозможно найти. Я снова свободна как ветер. Мне тоже хочется выть.

Я скрылась ото всех, предварительно соврав, что улетела до выпускного в Лос-Анджелес. На самом же деле я валялась на кровати в номере отеля на окраине города, чтобы ненароком не повстречать знакомых. Эти четырнадцать дней прошли как в тумане. Я мало что помнила. Обычно я спала до обеда, а потом всю ночь пропадала в барах и бродила по улицам, пока ноги не начинали адски ныть, прося отдыха. Я не напивалась, просто позволяла разуму чуть опьянеть, чтобы не думать.

Думать теперь опасно и крайне вредно.

Мне хочется быть в стороне ото всех. Я убедила себя, что так будет лучше. В тот самый вечер, когда все произошло,

я незаметно вернулась в нашу с Кэм квартиру, взяла пару необходимых вещей и пропала.

Мне требовалось общество одиночества. Я его получила.

Жизнь не остановится на этом. Все это чушь! Справлюсь. Я пережила смерть матери, а кончину отношений и подавно переживу.

Я убеждаю себя в этом, пока слезы текут ручьем по щекам. Я повторяю это, словно мантру, пока часть меня пытается выбраться из воспоминаний. Я надеюсь на это, пока израненное чувство веры и любви выползает из эпицентра сражения и оставляет кровавые подтеки.

Отношения – игра, к тому же азартная. Влипаешь по уши, а выходишь из неё ни с чем. Пустым. Вот и я пустая. Потребуется время, чтобы наполнить сосуд до краев и снова радоваться жизни.

Я возвращаюсь в номер после очередной прогулки с бутылкой вина. Багрового, как рожка кассира в магазине, который не хотел принимать карточку из-за моих красных глаз, посчитав меня наркоманкой. Знал бы он, что я могу скупить весь его клоповник с несвежими продуктами, не отходя от кассы!

Стук в дверь. Если это снова горничная, вечно приперающаяся не вовремя, то ей лучше убраться подальше. Сегодня я готова обляять любого.

– Мне не нужны ваши услуги, проваливайте! – кричу я и наполняю бокал до верхов.

Стучание не прекращается. Кажется, меня нарочно хотят вывести. Делаю глоток и собираю весь запал в голосе.

Резко открывая дверь, я уже было открыла рот, чтобы наорать, как тут же потеряла дар речи.

Какого лешего?!

– Где Дакота?!

Я вламываюсь в ее квартиру. Почти задыхаюсь и теперь пытаюсь перевести дух, стоя с пунцовой физиономией напротив Гриффина. Я старался приехать сюда настолько быстро, насколько это было возможно.

После того, что я узнал, мне захотелось вспороть себе живот. Я натворил столько дерьма, а все из-за уродца Хантера! Он не то что подставил, он попытался меня уничтожить. И это, признаться, у него получилось...

– По одной из версий, в Лос-Анджелесе, но в это что-то слабо верится, – спокойно заявляет он, продолжая пить чай.

Похоже, ни он, ни Камилла не знают, что произошло на самом деле. Это в духе Даки – все держать в себе.

– Это она так сказала?

– Ну не Римский же Папа! Подозреваю, что она сейчас не в лучшем состоянии старается зализать кровоточащие раны, которые ты ей организовал.

Я плюхаюсь на пол и чуть ли не вырываю волосы со своей тупой башки.

Моя бедная девочка...

Она далеко. Она пропала. Я не знаю, где ее искать. Она хорошо спряталась, потому что не хотела быть найденной. Она ушла, и я даже не остановил ее, не выслушал. Я поверил самому подлому человеку в мире, а не своей малышке.

Что с ней?

Зная ее характер, можно ожидать только ужасного. Не дай бог, она ввязалась во что-нибудь паршивое!

– Я такой придурок...

– Мягко сказано. Мы ее друзья, но даже нам она не сказала, что с ней происходит. Вариант был только один – ты. Ты что-то натворил, раз она сбежала, не сказав никому ни слова. И знаешь что, приятель, если с ней что-нибудь случится, я набыю тебе рожу так, что мать родная не узнает.

– Я сам себя уничтожу, не парься.

– Что произошло? Рассказывай сейчас же!

Обеспокоенная Камилла, как только открывается дверь, заламывается внутрь и крепко хватает меня за руки, словно я воришка, пойманный на месте преступления.

– Охренеть, Коуэн! Тебе сейчас следует все объяснить. Я истратила кучу нервных клеток! – Она оценивающе смотрит на меня и кривится от возмущения.. – Что за видок у тебя, черт бы побрал это место?!

Я знаю, что выгляжу сейчас хуже, чем дешевая шлюха на обочине трассы. Последний раз я причесывалась дня два назад, в душе была тогда же.

– Как ты меня...

– ...нашла? – сразу же перебивает она.

– Да. – Опускаю я голову, чтобы спрятать пристыженный взгляд.

– Я тупо увидела тебя на улице, когда ты проходила мимо заправки. Как хорошо, что моей тачке понадобился бензин! Как хорошо, что в этой жопе города находится моя консультация! Чудеса, не правда ли?! Оказывается, Лос-Анджелес расположился на окраине Филадельфии... Нужно подать на своего учителя географии в суд за то, что он вводил меня в заблуждение!

Я усаживаюсь на мятую постель и то ли проклиная стечения обстоятельств, то ли радуюсь им.

Счастлива ли я увидеть знакомое лицо или готова сейчас же пулей вылететь отсюда?

– Чем здесь пахнет? Дохлым котом? – оглядывая мой номер, спрашивает она.

– Может быть, от этого места всего можно ожидать.

– И даже не четыре звезды, Коуэн! Ты меня удивила.

– Камилла...

– ... Даки, ладно, – вздыхает подруга. – Прости. Ты же знаешь, что я сейчас зла на тебя только потому что беспокоюсь. Что-то случилось, и это «что-то» очень дерьмовое. Ты опять стала коллекционировать проблемы.

– Не опять, а снова.

– Выкладывай, родная.

В ее глазах столько тревоги и боли за меня, что хочется волком выть. Она подходит ко мне и обнимает.

Четырнадцать дней я была лишена этой блажи, я успела адаптироваться к одиночеству. И сейчас знакомое тепло ее рук снова возвращает меня к прежней Дакоте.

Я наливаю ей стакан воды, а сама беру бокал и принимаюсь вытаскивать все стрелы из раненого сердца.

– Ну и дела! Коуэн правильно делала, что старалась истребить свои чувства к тебе. Лучше бы она осталась с тем англичанином... Хотя нет, лучше быть одной, чем с вами двоими!

Эштон офигевает от моих излияний, пока я исповедываюсь ему, словно святому отцу.

– Хантер сыграл на моих слабостях. Он решил забрать самое дорогое, что у меня было. В моей банде был стукач, и я его нашел, но как я мог подумать на Дакоту?! Как?! Она не простит меня, да и я себя тоже. Я должен ее увидеть и попросить прощения.

Предателем оказался бородатый козел Джо. Он с самого начала был сам по себе, но я думал, это из-за его отшельнического характера, а объяснение оказалось куда более простым. Он докладывал Хантеру о каждом моем шаге и даже не побрезговал следовать за мной по пятам вместе с Лихачами. Я отдал его на растерзание Пантерам. И если они все-таки его прикончат, я помогу закапать труп.

– Думаешь, ей нужны твои извинения?

– Не знаю. Я надеюсь.

– Она была готова пойти за тобой даже в темноту и быть твоим светом, она собиралась следовать за тобой в знойную пустыню и стать источником кристально чистой воды. Господи, с каких пор я так литературно выражаюсь?! Короче... Пойми, если уж она кого-то полюбила, то не бросит его и не предаст. А это значит, что она не поступила бы так и с тобой. А вот ты поступил...

– Да.

– Я считаю, что Даки сможет отмыться от помоев, которые ты на нее вылил и без помощи. Но я буду плохим другом, если оставлю ее одну. Она сильная, но не должна тянуть все на себе. Мы с Камиллой ей поможем, а ты лучше проваливай отсюда и больше никогда не появляйся в ее жизни.

– Ну уж нет, не ты, не Берк этого не дождетесь! Я сделаю все, чтобы она простила меня и вернулась обратно.

– Она не твоя собственность! – Грифф старался держаться, но сейчас его голос стал выше на октаву.

– Ты прав. Дакота не вещь, она душа. Моя родственная душа. Без нее я – не я. И уверен, что она также считает относительно меня.

– Эта душа разбилась на мелкие осколки и сейчас, черт знает, в каких местах ее следует искать, чтобы постараться склеить!

– Я найду ее.

– Ты в истории, чувак! Теперь думай, как из неё выйти.

Достаю из кармана куртки рисунок.

Я и Дакота.

Пускай он нарисован детской ручонкой Ив, но дорог мне больше, чем самая дорогая картина в музее.

Я не ценил то, что имел, но когда потерял...

Сжимаю в руке браслет, подаренный Ривзом. Я унесла его с собой в ту ночь как последнее упоминание о счастливых моментах. Было бы здорово, если бы я смогла забыть Джейдена, но те чувства, это самое светлое, теплое, что я хочу помнить вечно.

После того, что мне пришлось рассказать Кэм, держаться стало сложнее. И теперь мы вдвоем режем, устроив потоп в номере.

– Даки, ты думаешь, что слезы затекут обратно, если ты будешь лежать лицом в пол?

Подруга тянет меня за руку и переворачивает на спину.

– Дай мне бутылку! – хрипло прошу я.

– Я позволю тебе напиться только после того, как ты перестанешь выть.

– Сама перестань!

Мне нужно смотреть в его глаза, не то голубые, не то зеленые; видеть его улыбку, всегда означающую нечто большее, чем просто радость; мне нужно его присутствие, оно спасало меня, всегда спасло. Но этого нет и больше никогда не будет, а моя судьба стоит рядом и держит наготове нож, чтобы мет-

нуть его в спину.

Я захлёбываюсь в очередном бокале вина, как выброшенный за борт корабля посреди глубокого океана, утопающий, пока подруга в ванной приводит в порядок потекший макияж.

– Все, больше не хочу слышать о том, что ты несчастна. Это глупо! – Она вперила руки в боки и деловито продолжила: – а знаешь, что такое «глупо»? Это скупить весь бар и притащить его на встречу анонимных алкоголиков. Мы забываем напрочь обо всем дерьме и карабкаемся вверх. Пора выползть из вонючей норы, Коуэн! Тебе и твоему разбитому сердцу следует вернуться домой.

Камилла собирает мою одежду в сумку, а я продолжаю неподвижно сидеть, уставившись на браслет.

Зачем мне куда-то возвращаться?

Я согласна с тем, что пора проходить реабилитацию, но ехать туда, где каждая вещь будет напоминанием – это ли не глупость?

– Вставай! – Она подает мне руку.

– Я не хочу, чтобы меня поднимали, я хочу встать сама.

– Окей, действуй!

– Я не об этом, Кэм. Я должна сама справиться с тем, что произошло. Без помощи.

Блондинка мягко улыбается, словно перед ней сидит капризный маленький ребенок.

Может, я и есть это вечно ревущее по любому поводу су-

щество...

– Ты думаешь, что выбрав одиночество, никто не сможет причинить тебе боль?

– Да.

– Не да! Я не дам тебе остаться наедине с собой. Две недели посидела, хватит! Я на сто процентов уверена, Дакота, что ты можешь стать, кем захочешь. Вот только я боюсь твоих желаний. Уверена, что ты сможешь со всем справиться и в одиночку, но это глупо, имея двух верных и преданных людей в арсенале. Мы разделим обязанности.

Впервые за четырнадцать дней я улыбаюсь. Делать это непривычно, но, знаете ли, приятно!

Не все потеряно, когда есть друзья. Не все...

Глава 31

Кто-то отстукивает ритм. Три коротких дразнящих удара пальцами, два уверенных кулаком. Я знаю, кто сейчас стоит за дверью моего номера.

Хантер.

Это его излюбленная манера.

По спине пробегается неприятный липкий холодок. Противно признавать, что мое тело все еще реагирует на этого урода. Лучше бы оно молчало и оставалось равнодушным, потому что ненависть, поступившая в кровь, никогда не даст мне вздохнуть спокойно и начать новую жизнь.

Однажды я попыталась, и что из этого вышло?

Я все еще в темноте. До сих пор. Я вернулась к исходной точке.

– Может, откроешь? – Камилла внимательно смотрит на меня. – Если это горничная, то ей самое время приступить к своей работе. Здесь грязно и воняет...

– Кэм, иди в ванную и не высовывайся оттуда! Несмотря ни на что, будь там. Ты организуешь еще одну проблему, если ослушаешься. Это не шутка!

Воздух сдавливает грудь. Я начинаю судорожно глотать кислород и стараться спрятать подругу, таща ее за руку в ванную комнату, пока она упирается. Хантер не должен знать, что она здесь. Не хочу, чтобы он смотрел на нее своими мерз-

кими глазищами, даже дышать в ее сторону будет за жирно! Я огражу своего близкого человека от ненужного знакомства, чего бы мне это ни стоило.

– Ты с ума сошла?! Что происходит?!

Я ее немного испугала, это видно по встревоженным глазам. Но в ее положении только гнусности по имени «Хантер» не хватало.

– Дакота, я знаю, что ты здесь! – Лихач снаружи угрожающе продолжает сводить меня с ума.

– Кэм, пожалуйста, хотя бы один раз сделай то, что я прошу! Все будет хорошо, пока ты находишься в ванной, поверь, – уже быстро проговариваю я, чуть ли не выталкивая ее отсюда.

– Ладно, но потом мы поедem прямиком домой, – шепчет она и скрывается с поля зрения.

Я подхожу к двери и утыкаюсь в нее лбом. Стоит перевести дыхание и казаться максимально спокойной перед придурком, испортившим все в моей жизни. Мне хочется уничтожить его за это. Я обязательно это сделаю, клянусь. Все равно, будет он гнить в тюрьме или под землей. Видит всевышний, я даже на убийство пойти готова, так он меня довел! Но сейчас стоит стать той, кем он привык меня видеть.

Вырисовываю на своем лице непробиваемую гримасу равнодушия, мысленно проклиная ситуацию и дергаю за ручку. Передо мной появляется демон во плоти.

Его морда пополнилась коллекцией нового пирсинга, он

даже тату черной змеи на виске набил и внешне стал похож на свою внутреннюю сущность: злую и уродскую. Но что-то осталось неизменным – его самодовольная ухмылка, мерзко застывшая на исколотых губах, все та же.

– Привет, детка! Рада меня видеть? Как дела?

Он по-хозяйски заходит в номер и сразу же усаживается на кровать.

– Хочу просто послать все, хотя нет, достаточно только тебя... Черт, неужели я умерла во сне и попала в чистилище?

– Ну, место здесь и вправду мерзкое. – Оглядываясь по сторонам, щурится он. – Что ж ты тут забыла?

– Такой же вопрос.

– Думаю, ответ будет одинаковым.

– Думаешь?! – Злость, требующая найти выход, высвобождается. Она начинает показываться в голосе, нарастая с каждым вздохом. – Проваливай отсюда, мне неинтересно, зачем ты сюда приперся!

– Ха-ха, вот, вот, по чему я так скучал! Все это время мне только не хватало твоего запала! Ты занята?

Он вплотную подходит ко мне и смотрит в глаза.

Хищник.

Но я не его жертва, и никогда ей не стану.

– Занята, – отталкивая его от себя, шиплю я. – Приди через сто лет, тогда я наверняка выкрою для тебя минутку.

Он опять смеется. Как же я ненавижу этот смех! От него противно звенит в ушах и щемит в сердце. Зубы скрипят и

то приятнее.

– Джейден придурок, такую горячую штучку бросил! К слову, как самочувствие после расставания? Полный отстой или терпимо?

– Тебе никогда не понять этого состояния.

– Правда? Я его некогда пережил. А знаешь, кто мне его организовал? – Он в негодовании косится на меня и судорожно хватается за воздух. – Ты.

– Ты обдолбался что ли?! – Эта дурацкая игра меня уже порядком достала.

– Ты влюбила меня в себя, а потом ушла. Закрыла дверь после той ночи, когда впервые в жизни позволила овладеть собой. Появилась, а потом снова исчезла.

– Ты конченный психопат! Думаешь, я не знаю, что ты просто гребанный садист? Ты и чувства такого, как любовь, не знаешь. Все, к чему ты прикасаешься, терпит либо боль, либо отвращение. Тебе нравится наблюдать за этим, нравится смотреть, как другие страдают.

– Замолчи, иначе пожалеешь! – срывается на крик он.

Лихач идет на меня, пока я не оказываюсь прижатой к стене. Если меня сейчас вырвет на него, то я буду этому только рада.

– Пожалее?! Ха-ха-ха, в этом весь ты! Нравится угрожать? Нравится чувствовать себя сильнее других? Я тебя умоляю... Посмотри на себя, ты дрыщавый байкер, и твои угрозы – лепет маленького человечка, незначащего ровным

счетом ничего в этом мире. Ты бесполезная пустышка.

Пограничный смех вырывается из моего горла. Вроде бы я смеюсь, а в следующую секунду понимаю, что нестерпимо хочу плакать. Но черта с два он выбьет из меня слезы!

Его рука смыкается на моей шее, начинает сдавливать. Он думает меня запугать, но мне ни капли не страшно. Я лишь боюсь, что Камилла выйдет из укрытия и переведет все внимание на себя.

Исколотые губы почти касаются моих волос, он протяжно вдыхает их аромат, как дорожку кокса и закатывает глаза.

Ненавижу!

Ненавижу!

Ненавижу!

– За это ты мне и нравишься! – Лихач отходит, глядя на мое спокойное равнодушное лицо. – Сама невозмутимость...

– А ты мне противен. Я откровенно не понимаю, чего тебе нужно. Если ты хотел, чтобы я больше не была с Ривзом, то ты добился этого. Поздравляю! Громкие аплодисменты, работа проделана на высшем уровне. Но это не значит, что я буду с тобой. Этого не произойдет, даже если ты будешь меня пытаться.

– Я хотел отомстить вам двоим. И, какая ирония, мне даже не пришлось долго думать, каким образом! Два человека, насолотившие однажды, стали встречаться. Вот это поворот, не правда ли?!

– Зачем ты сюда пришел? – устало спрашиваю я. Говорить с ним о Джейдене мне не хочется.

– Хотел посмотреть на тебя.

– Посмотрел? – Я открываю дверь. – А теперь купи себе лес и заблудись в нем!

Хантер резким хлопком закрывает ее, оставаясь в номере. Он меня раздражает настолько сильно, что от этого начинает болеть голова. Не могу понять, как вообще смогла провести в его компании около года. Я была другой, что лишний раз подтверждает, сколько мерзости и беспринципности во мне зародилось.

– Не так быстро. Выполнишь одно условие, и я больше не появлюсь в твоей жизни. Я забуду дорогу в этот город и вообще не вспомню о твоём существовании.

Зная его, так просто я это не заполучу. Придется чем-то жертвовать, и цена будет явно высокой, но я готова пойти на все, лишь бы навсегда избавиться от этого человека.

Он стоит и молча смотрит, как я расщепляюсь, сгорая в огне ненависти.

– Ты возвращаешься в Нью-Йорк на пару дней, участвуешь со мной в гонке. Все как полагается, сидишь сзади и...

Хохот, вырывающийся из глубин души разрядной волной злости и недоверия, заставляет его заткнуться.

– Так просто?! Никогда в это не поверю. Что ты задумал на самом деле? Хочешь накачать наркотой, изнасиловать, держать в заложниках?! А-а-а... или подожди... я знаю... Сбро-

сишь меня на скорости в какую-нибудь канаву, как Эрику?

Ему явно не понравилось мое последнее предположение, он мигом мрачнеет и становится темнее тучи. Что-то внутри Хантера все-таки екнуло и напомнило о неприятном.

– То был несчастный случай, Дакота.

– Никто и не спорит. Просто потом ты смылся, как крыса, оставив бедную девочку бороться за жизнь в одиночку. Ты хоть знаешь, сколько боли, придурок, ей причинил?!

– Это не...

Он не успевает договорить, как моя рука со всего размаху вписывается в его щеку. Красный горячий след застывает на коже. За эти пару секунд во мне вскипела вся ненависть на этого человека, и сильным ударом я выплеснула наружу лишь наименьшую ее часть.

Лихач злится, но держит себя в узде и лишь молча тарашится на меня.

– Если ты ее еще хоть раз потревожишь, то, обещаю, я сделаю все возможное, чтобы тебя стерли с лица земли!

– Так будет, если ты согласишься, – вернувшись из замешательства, отвечает он. – А если нет, то я продолжу появляться не только на твоей дороге. Угроза уничтожить меня от такой сладенькой барышни звучит слишком заманчиво.

Прикусываю внутреннюю сторону щеки, раздумывая над его словами.

Выхода нет.

Придется вернуться в состояние, в котором я паразитиро-

вала долгое время...

Я вернусь, чтобы потом навсегда забыть об этом кошмаре. Пора ставить жирную точку.

– Обещай мне, что я больше никогда тебя не увижу.

– Одна гонка, и ты свободна.

Внутри себя я плачу и кричу. Сердце разрывается, как мне не хочется ввязываться во все это. Но я должна быть сильной. Не только ради себя, но и ради всех своих близких.

И я буду сильной, я справлюсь.

– Ты похож на пулю: смертоносно опасный, быстрый... – изучающе глядя на его оскал, оголяющий белые зубы, безэмоционально говорю я.

– Неплохое сравнение, мне нравится.

– Ах, да... Забыла уточнить, на холостую пулю. Шума много, и больше ничего. Бессмысленная пуля.

– Как скажешь! Ну что, договорились, красотка? – Малоубедительной улыбкой сверкает Хантер.

Он протягивает руку, чтобы скрепить пакт, но я отстраняюсь от него и бездумно скольжу глазами по месту, которое больше никогда не увижу. Оно такое же мрачное, душное, мятое, как моя душа в данный момент.

Забрав жакет, я выхожу из номера в сопровождении самого мерзкого существа на планете.

Больше никаких байкеров в моей жизни и всего, что связано с гонками! Я на пушечный выстрел не подпущу к себе человека, имеющего хоть что-то общее с бандами.

Никогда.

Никого.

Последний раз. Терпи.

Глава 32

Нью-Йорк никогда не спит. Даже в два ночи он бодрит своей насыщенной жизнью, как крепкий кофе по утрам.

Небрежный ветер раннего лета дует в лицо и развеивает спутавшиеся локоны в стороны. Позади Ист-Ривер и блошиный рынок. Я попросила Хантера дать мне пару часов спокойствия, пообещав, что буду в логове Лихачей вовремя.

Не знаю, куда идти, поэтому просто держу свой путь вперед. Прохладно. На мне только футболка с джинсами и легкий жакет. Но я готова мерзнуть, лишь бы не думать обо всем, что сейчас отчаянно гонится за мной, следуя тенью по пятам.

Помню то время, когда боль разъедала не только тело, но и душу. Я точно также бродила по улицам Нью-Йорка, точно также хотела остановиться, но ноги продолжали меня вести в поисках очередного ложного утешения. Я была почти сожжена ненавистью и затянута в пустоту. Еще пару недель назад эти моменты являлись лишь в кошмарных снах, а теперь снова стали реальностью.

Я нахожусь в своих мыслях, как, в окутанном пожаром, лесу. Везде огонь. Он прет на меня словно поезд, уверенно едущий на человека, привязанного к рельсам. Пепел, летающий в воздухе, не дает нормально дышать. Мои попытки спастись – тщетны. Я не успеваю выбраться.

Я пыталась, правда, пыталась, но сейчас, кажется, сто-рю окончательно. Не хочу возвращаться к Лихачам, не хочу участвовать в гонке. Но меня не оставят в покое, и я боюсь, что так будет и дальше. Хантер так просто не отпустит, я это прекрасно понимаю.

Он может пообещать все что угодно, лишь бы я играла по его правилам. Он знает мои уязвимые места, знает, на что давить.

И вот прямо сейчас я клянусь, глядя на ночные огни го-рода, небоскребы, отражающие их свет, полную луну, плы-вущие облака, если он от меня не отстанет после выполнения условия, то я сделаю все необходимое, чтобы стереть его из своей жизни.

Проблему по имени «Хантер» можно решить только са-мой крайней мерой. И, черт возьми, я на нее пойду!

Так я и слоняюсь по улицам, опустошённо глядя на все вокруг, пока сумрак не прогоняют первые лучи солнца. Где-то неподалеку звучит музыка. Я иду на мотивы гитары и оказываюсь возле небольшого скверика, где стоит целая тол-па туристов вокруг молоденького, совсем еще юного гитари-ста. Кто-то ему подпевает, кто-то старается танцевать, кто-то просто слушает. Я же не могу разделить этого наслаждения с ними. Мне хочется лечь посреди дороги и плакать, выть, реветь навзрыд под грустную мелодию, исходящую от струн инструмента.

Мне как никогда нужна поддержка, и я бы позвонила дру-

зьям, если бы не оставила телефон в номере. Камилла меня убьет...

Что она сейчас думает?

Представляю, каково ей сейчас.

– Грусть обязательно пройдет, девушка. И чтобы ускорить ее уход, разрешите пригласить вас на танец?

Хромой мужчина лет шестидесяти с явно европейским акцентом подходит ко мне. Несмотря на возраст, в его светло-голубых, почти белых глазах горит огонь. Улыбка на морщинистом лице счастливая и спокойная. От него исходит свет. Никаких злых умыслов, просто добрый жест.

Таких людей редко встретишь, но они есть. И я рада знать, что в этом мире не все так плохо.

– Я не умею танцевать, да и мне уже пора. Извините, – вымученно улыбаюсь я в ответ и шагаю прочь.

Пора вернуться к тому, с чего все и началось. Моя грусть уйдет лишь после того, как я разберусь с ее причинами.

Есть вид на жительство. Мне нужен вид на счастье.

– Какие люди, Дакота! – Встречает меня один из Лихачей, чье имя я уже и не вспомню. – Как дела?

– Жизнь прекрасна. Я тащусь от проблем и ненавижу байкеров.

Появляюсь в убежище банды. Здесь воняет бензином, алкоголем и дешевыми шлюхами. Впрочем, ничего нового. Несмотря на то что сейчас около семи утра, никто не спит.

Все в предвкушении сегодняшнего события.

Я не много знаю об этом, но и этого достаточно, чтобы понять, чего ожидать. Гонки часто устраивают, но масштабные пару раз в год. Эта одна из них.

Приедут байкеры из других штатов. Они ставят деньги, и тот, кто выигрывает заезд, забирает все. Как правило, суммы большие, это же касается и риска. А девушки, которых привязывают ремнями к гонщику, – всего лишь украшение.

Я ни разу не была таким аксессуаром, всегда отказывалась, когда Хантер пытался меня уломать. А теперь и уговаривать не пришлось...

Я прохожу мимо парней и сажусь на дырявый диван. На меня все смотрят, как на привидение, но, судя по их лицам, они ему очень рады.

Рядом с Хантером стоит светловолосая девушка, крепко обнимающая его дрыщавое тело костлявыми ручонками. Она не похожа на тех, с кем обычно встречаются байкеры. Слишком простая, наивная, серая. Мышка, одним словом.

Что ж ты здесь забыла, бедняга?

– Ты изменилась, похорошела, – подсаживаясь ко мне, заявляет один из прихвостней.

– Все из-за того, что мне не приходилось долгое время видеться с вами.

– Как неуважительно! Что же ты тут делаешь тогда?

Он старается меня обнять, но я крепко хватаю его за лапу и сжимаю так крепко, насколько могу.

– Если ты, креветка контуженная, не свалишь через три секунды, я отгрызу твои клешни, и никакой доктор не сможет их пришить обратно!

– Ладно-ладно, спокойно, чудачка...

Он пожимает плечами и уходит.

Здесь все знают меня только такой – злой сукой, сорвавшейся с цепи. Они никогда не видели во мне слабости, снисхождения и теплоты. Я успела заработать репутацию стервы, с которой шутки плохи. Стоит вспомнить хотя бы выбитые зубы или сломанные носы неудачников, пытающихся влезть в мое пространство.

– Дакота, будь добрее! Смотри, сколько лиц здесь рады тебя видеть! – Хантер появляется передо мной, и его рожа блестит так, словно начищенный ботинок.

– Где здесь лица? Одни морды облезлых собак!

– Ох, ты просто прекрасна в гневе!

– Короче, – прерывая его, восклицаю я, – я хочу спать.

– Мия тебя проводит, детка. Отоспись, вечером ты должна сиять.

Эта девушка кажется совсем безобидной. Она несмело подходит ко мне и скромно кивает. Ее маленькое личико такое милое, что кажется, будто она совсем еще ребенок. Светлые жиденькие волосы едва закрывают бледные неприкрытые плечи. Чуть вздернутый нос украшен веснушками, а серые боязливые глаза безудержно смотрят в пол.

Бедное дитя... Я по сравнению с ней то еще чудовище.

– Я буду сиять, когда увижу твоё бездыханное тело, Хантер. – Многие ли задумываются, что у улыбки есть обратная сторона? Все видят обложку, но не читают содержания. Я сейчас улыбаюсь врагу, пока душа рвёт сердце на мелкие куски.

Провожаемая его тупым мерзким смехом, иду вслед за девчонкой. Она приводит меня в одну из комнат, где я никогда не была. Здесь довольно мило и уютно, в отличие от всего помещения. Стоят цветы в горшках, диван, небольшой шкаф и зеркало в полный рост, даже коврик есть! Видно, что здесь поработали женские руки.

Мия молча стоит у двери, опустив голову.

Это страх.

Жалко её. Она меня совсем не знает, а уже боится.

– Я тебя не съем, обещаю. – Вздыхаю я, глядя, как она топчется на одном месте.

– Мне нужно взять одну вещь, и я уйду... – еле слышно говорит она.

– Меня зовут Дакота. Уделишь немного времени?

Блондинка присаживается на диван и все также не смотрит на меня, словно я медуза Горгона, способная убивать лишь взглядом.

Ее поджатые коленки, разукрашенные небольшими ссадинами, руки, нервно сжимающие подол юбки, прерывистое дыхание, реально наводят на жалостливый смех.

– Что ты здесь забыла?

Я стараюсь говорить мягко, отбрасывая усталость подальше.

– Я здесь живу.

– И давно?

– Пару месяцев.

– Только не говори, что ты встречаешься с этим потным бабуиновым яйцом!

– Я его люблю, не обзывай его, пожалуйста. – Это прозвучало так, словно она меня умоляет, а не требует.

Тут уже я начинаю заливаться смехом, будто надышалась веселящего газа.

– Что? Любишь? Деточка, дам тебе совет, беги! Прямо сейчас беги... Он не заслуживает такую, как ты. Ты хоть понимаешь, что он тебя просто использует в качестве бесплатного тела?

Она закрывает глаза и молчит. Я наблюдаю за ней с надменной улыбкой, пока не замечаю на щеках дорожку из слез.

Только не это!

Ненавижу смотреть, как плачут, потому что не умею успокаивать.

– Это неправда, он говорил, что я лучшее, что с ним могло произойти. Я знаю, он плохой, но он хочет исправиться. И он любит меня, я чувствую это...

Она сжимает свои маленькие руки у груди, и ее наивный взгляд меня убивает.

Вот это клиника!

Я озадаченно потираю лоб.

Да, любовь зла...

Она ослепляет, оглушает и превращает в тупой овощ. Хантеру нужна такая, чтобы самоудовлетворяться. Мерзкий гад!

– Хочешь, я тебе прямо сейчас докажу, что это не так?

– Не надо, – чуть ли не пищит она. – Пожалуйста, я не хочу, чтобы было больно.

– Ты боишься этого? Боишься боли?! Да тебе будет в сто раз больней, если ты не уйдешь от него. Ты в курсе, что он тебе изменил со всеми дорожными шлюхами?

– Это не так, не так, не так!

Она что, сумасшедшая? Мне хочется и смяться и плакать. Теперь я жить спокойно не смогу, зная, что Хантер использует эту девчонку.

– Сейчас сделаешь все, что я тебе скажу.

– Зачем? – Она впервые смотрит на меня с интересом.

– Так надо.

Хантер появляется в комнате, заметив раскрытую нараспашку дверь. Я стою в центре, чтобы он не зашел дальше и не обнаружил, притаившуюся за шкафом, Мию.

– А где моя подружка? Как она тебе, кстати?

– Не знаю, ушла куда-то... Скажу одно – ты мразь, а девочка бедная.

Я снимаю жакет и остаюсь в футболке, позволяя байкеру

любоваться декольте, а у самой аж челюсть сводит от омерзения.

– На ее месте могла быть и ты.

Он подходит ко мне вплотную, прикасаясь к лицу тыльной стороной ладони. Мне хочется плюнуть в него, но я терплю ради Мии.

– Ни за что на свете, – я говорю это без ненависти, а скорее заигрывая.

Кто-нибудь врежьте мне со всей силы!

– Жалко... она совсем не умеет вести себя в постели. Признаться, я иногда вспоминаю наш с тобой секс.

Заметив, что я никак не реагирую на подобные слова, он фривольно скользит рукою по шее, ключицам, пока не опускается чуть ниже.

– Отпусти ее, зачем она тебе?

– На безрыбье и рак рыба. Ты ведь никогда не будешь моей, вот я и веселюсь как могу.

Я прикусываю губу, стараясь показать заинтересованность и увлечение, но делаю это, скорее, чтобы не впечатать свою ногу в его яйца.

– Ну ты и тварь... – шепчу я.

Это происходит. Он целует меня. Нагло, слюняво, омерзительно. Я выдерживаю пару секунд, а потом отталкиваю его в сторону.

Мия тут же выходит из укрытия и сокрушенно смотрит на нас двоих. Ей хочется выть волком, но она лишь коротко

всхлипывает.

Я причинила ей боль, но по-другому глаза ей не откроешь. Нужно было стукнуть кирпичом по голове, чтобы она поняла, в ком на самом деле души не чает.

Говорила же!

Хантер даже не пытается оправдаться, просто равнодушно смотрит Мие вслед, пока та не исчезает из комнаты.

А я другого и не ожидала.

Он притягивает меня к себе, чтобы продолжить начатое, но я успеваю не дать делу хода и плюю прямо ему в рожу.

Как же долго я этого ждала!

– До вечера, придурок.

Лихач лишь хохочет, словно его устроил такой исход событий и, не сказав ни слова, уходит.

Что ж ты за извращенец-то такой?!

Чувствую себя крайне отвратительно. За эти пару минут я разбила сердце безобидной девушке и поцеловалась с самым мерзким человеком. Проще было жабу облизать.

Ненавижу себя.

Глава 33

Меня вырубило на часов десять.

Когда я открываю глаза, солнца уже не видно. Вечер уверенно наступает, обнимая комнату темным покрывалом. Очертания предметов теряются в приглушенных тонах. Лишь играющий на стенах, скудный свет от уличных фонарей неохотно проникает сквозь маленькое окно и не позволяет погрузиться в крошечную тьму.

Встаю с дивана и головокружение стремительно уносит меня вниз. Я не ела со вчерашнего дня. Тело ломит так, словно я разгружала вагоны. Произошла полная синхронизация с состоянием души. Щемит, печет, неприятно тянет. Болит все.

Терпи. Терпи! Через пару часов все закончится.

Надеюсь.

За дверью очень шумно. Оно и понятно – скоро гонка, все на взводе. Я глубоко вздыхаю и закрываю глаза. Мечтаю лишь о том, чтобы все происходящее было сном, который забудется, сотрется из памяти в розовом рассвете первых солнечных лучей.

Поднимаю уставшие веки – облом.

М-да, в данном случае мечтать вредно.

– Я принесла тебе поесть!

В комнату заходит Мия. Она улыбается, и совсем не по-

хоже, что ей пришлось горевать или реветь белугой несколькими часами ранее. Хантер хорошо напел ей в уши, судя по всему. Ну или она просто хочет меня отравить и тем самым отомстить за выходку. Этот вариант мне нравится больше. Хотя, уверена, на подобное она не способна.

– Спасибо, – коротко отвечаю я, глядя на блюдо из мяса и овощей.

Накидываюсь на еду, и пока тарелка не пустеет, не говорю ни слова. Да я и не знаю, что говорить. Стоит ли извиняться? По ней не скажешь, что стоит. Она вполне довольна тем, что произошло.

– Было очень вкусно. Это ты готовила?

– Да.

– Я так понимаю, ты здесь что-то типа кухарки на побегушках?

– Дакота, мне нравится то, что я делаю. Мне нравится быть здесь.

А вот сейчас она меня не по-детски злит. Готова пинками вытолкнуть ее к черту. Ради нее я пошла на отвратительный шаг, а она хоть бы хны! Идиотка!

– То есть я зря целовалась с твоим типа парнем?

– Нет, ты открыла мне глаза, но я ничего поделать с собой не могу...

– Можешь просто уйти отсюда, ты не рабыня. Как только твои родители позволили тебе встречаться с ним?

– Они не знают о нем... Я приехала в Нью-Йорк из ма-

ленького города в Техасе, чтобы учиться.

Ну да, теперь все понятно.

– Вижу я, чему ты тут учишься! Короче, это не мое дело. Хочешь быть жертвой и по совместительству подстилкой триперного кролика, будь.

Выхожу из комнаты, громко хлопая дверью.

Я попыталась ее спасти, моя душа чиста.

Ужасно хочу напиться. На это есть, как минимум, три причины. Самая главная – скоро гонка. Мне нужно пережить ее. И лучше будет, если я ничего не запомню.

Я нашла бутылку виски в типа «потаенном» месте Лихачей. Все свои припасы они прячут в маленькой комнате, больше напоминающей подвал, где извращенцы-маньяки держат своих жертв.

И теперь, сидя за гаражом, я наблюдаю за тем, как туман плывет по земле. Его волны накрывают влажную почву и устремляются вверх. Ревы мотоциклов сливаются с ветром. Он разносит звуки далеко за пределы байкерского логова.

Через час мы уедем на место, где будет гонка.

Через час я буду сидеть спиной к своему врагу и надеяться, что это последнее наше времяпровождение вместе.

Через час.

Когда бутылка стремительно пустеет, я закрываю глаза и вижу Джейда. Он будто бы стоит рядом и молча наблюдает за мной. Кажется, его последний поцелуй застыл на моих губах.

Я помню тот момент...

Тогда я не знала, что будет через пару секунд, когда Камилла появится в комнате и принесет дурную весть.

Его браслет на моей руке. Я перебираю звенья, а в голове звучит мягкий хриплый голос. Он мне сейчас так нужен! Но я больше никогда не увижу и не услышу Ривза. Он мне не поверил, он сделал мне больно.

Он думает, что я предательница.

И все из-за одного единственного человека...

– Вот ты где! – Хантер появляется с какой-то тряпкой в руках. – Ты что, напилась?!

Я лишь глупо улыбаюсь. Он рывком вырывает емкость из моей руки и внимательно смотрит в глаза. Это вызывает во мне приступ неконтролируемого смеха.

Его змея на виске морщится, как лаковая сумка под воздействием высокой температуры.

– Даже алкаш трезвее твоего разума!

– А бомж чище твоих носков. – Я почти задыхаюсь от собственной шутки. – Хантер, ответь, это мировое бытие заставило тебя стать дерьмом?

– Замолчи.

– Да ладно тебе, успокойся. Я знаю, каково это считать себя дрянью.

– Коуэн, да заткнись ты уже! Я принес тебе кое-что. В этом ты поедешь на гонку.

Скептически смотрю на короткое кроваво-красное платье

и подавляю смешок. Будь я трезвой, то послала бы Лихача к черту и разорвала бы в клочья этот ошметок, но я ведь не трезвая!

Я прикидываю платью к себе и начинаю еще громче хохотать.

– В какой дыре моды ты его нашел? Фасон абсолютно не мой, в нем я буду похожа на дешевую проститутку.

– Ну вот и прекрасно, порадуешь меня напоследок, а еще и других парней! А если не сделаешь этого, то можешь считать, что договор расторгнут.

А вот сейчас меня стошнит. Не от того, что в крови блуждает алкоголь, а от одной мысли, что я стану объектом для похотливых взглядов. Раздевая глазами, на меня будут тарашиться мерзкие придурки.

Все повторяется...

– Ну так что скажешь?

– Удавься собственным пирсингом, скотина!

Он лишь протяжно хохочет, показывает мне средний палец, и уходит.

Вбираю в легкие как можно больше кислорода. Стараюсь изо всех сил держать себя в руках и не раскидаться проклятиями. Я пьяная, но это не особо помогает отвлечься. Сейчас я еще больше загоняюсь.

Вырубите меня, пожалуйста! Кто-нибудь, прошу!

Пытаюсь сдержать слезы, поток мыслей вместе с ругательствами смешивается в кашу. Я перестаю соображать.

Мне плохо.

Меня опять накрывает.

Я хочу раствориться.

Мне нужна помощь.

Необходимо, чтобы меня немедленно спасли.

– Мамочка, – шепчу я в темноту, роняя слезы. – Я хочу к тебе. Ты бы все поняла, ты бы помогла мне со всем справиться. Я ввязалась в такую пакость... Прости меня за это, я ведь обещала, что этого никогда не случится.

Рассвет, закат – бесконечная череда двух явлений. Добро, зло – вечная борьба противоположных понятий. Падение, подъем – регулярное течение жизни. Это нормально. Это баланс. Так должно быть.

К сожалению.

Я почти в отключке и еле держусь на ногах после лошадиной дозы спиртного. Я не знаю, где я, как сюда попала. Не помню. Все сливается в одну неразборчивую картинку, а еще ужасно болит голова. Повсюду шум, неприятно тянущий за нервы. Вокруг все вражеское и неприятное.

Ясно одно – здесь дофига байкеров, байков и баб, от которых разит дешевой туалетной водой. Рядом стоит Мия и держит меня за руку, чтобы я ненароком не грохнулась. Она похожа на мою служанку. Кажется, ей не привыкать обихаживать кого-нибудь.

Что уж поделать, кто-то становится сильным, а кто-то про-

гибается. Равновесие.

– Принеси воды, – устало прошу я и сажусь на какой-то камень.

Мне плевать, как я сейчас выгляжу, а вид у меня такой, как и у всех напарниц здесь – шлюховатый.

Как одна единственная шмотка может превратить человека в дно болота?!

Меня тошнит от самой себя.

Я лью воду из бутылки прямо на лицо, чтобы хоть немного освежиться. Мия даже вскрикивает от неожиданности, ведь брызги летят во все стороны и на нее в том числе.

Помогает. Теперь я вижу огромные застройки гаражей, где-то неподалеку проложена закрытая трасса, по которой и будут мчаться ненормальные байкеры, а еще много, МНОГО людей. Тут как будто все население зачуханного городка с края штатов собралось.

– Семьдесят тысяч зеленых на кон, это абсолютный рекорд по сумме! – восклицает кто-то из толпы.

– Ага, но достанется она кому-то одному, – подхватывает еще один.

– Да ладно, просто представь, какие это бабки! Ты даже в руках столько не держал.

– И не поддержишь, – откликаюсь я. – Неудачники!

– Что ты сказала?!

Одутловатый бритоголовый бугай с вздернутыми усами, как из порно семидесятых направляется прямо на меня. Мия

тут же начинает орать, словно резаная. Я толкаю ее в бок, чтобы она заткнулась, так она и вовсе убегает. Хоть у кого-то инстинкт самосохранения не барахлит.

– Так ты еще и глухой, что ли? Черт возьми, как не повезло...

Все равно, что меня сейчас могут вырубить. Я похожа на мелкую собачку, гавкающую на добермана. И мне плевать. Пофиг. Фиолетово. Хуже уже не будет.

– Это смеет говорить мне чья-то дешёвая шавка?

– Так у тебя и со зрением проблемы? Слушай, жирная глιστα в скафандре, хочешь, я дам тебе денег, чтобы ты обследовался, а не задавал столько глупых вопросов.

– Эй, дубина! – окликает амбала Хантер. – Чего пристал к ней?

– Так это твоя подружка, брат? Прости, не знал. Просто хотел, чтобы она пояснила за треп.

– Она тебе может так пояснить, что у тебя будут проблемы с законом! Хотя... лучше так, чем с этой ненормальной. Поверь мне, не лезь к ней вообще.

Один придурок только что защитил меня от другого.

Весело...

– Мне не нужна твоя помощь!

– Я ему помогал, а не тебе. Выпей воды, и хоть немного протрезвей!

Он протягивает мне бутылку, и я покорно выпиваю чуть сладковатую жидкость. Если бы не сухость во рту, как в пу-

стынях Африки, то я бы не стала что-либо брать из его рук.

– Когда это дерьмо уже начнется?

Я устало смотрю на то, что окружает меня. И мне до скрежета в зубах не нравится все вокруг: люди, обстановка, бесноватая музыка, едкий смех. Лучше уйти в монастырь, чем еще хоть когда-либо оказаться здесь.

– Ты про гонку? Скоро, детка. Уже не терпится прокатиться с ветерком?

– Не терпится послать тебя к черту.

– Ты такая сексуальная в этом платье! – Он тянет за подол этой тряпки и хищно смотрит на декольте.

– Мия, заметь, это он говорит мне, а не тебе! – Я притворно смеюсь прямо в лицо им обоим и ухожу, оставляя за собой щенячьи глаза и акулий оскал.

И вот он тот момент, которого все ждали. Меня макнули в темноту еще глубже.

Я сижу спиной к Хантеру и держу ремень в руках. Я даже почти протрезвела от волнения. Только теперь мне становится страшно. Кожа превращается в пемзу из-за неприятных холодных мурашек. Сердце стучит, как проезжающий товарняк на скорости. Кажется, я никогда в жизни так не боялась, как сейчас. Я не доверяю человеку, который находится рядом. И это чувство усиливается в тысячу раз с каждой секундой.

А вдруг скорость будет слишком высокой, и мы разобьем-

ся? Этот урод ведь без тормозов...

В одну линию на старте выстраивается около двадцати байков, на каждом из них сидит пара. Я смотрю то направо, то налево. Везде довольные ухмылки полураздетых девиц. Не удивлюсь, если они под чем-то...

Во что я ввязалась?!

Услышав неистовый рев моторов за спиной, я вскрикиваю и подпрыгиваю на сидении от неожиданности, роняя ремень.

Посыпаются проклятия от Хантера. Не знаю, что сейчас происходит, но, кажется, что-то серьезное и явно не входящее в его планы.

Следуют неразборчивые крики.

Громкий гудок.

Внезапная тишина.

И лишь один знакомый голос уверенно прерывает ее.

Я сижу спиной и не вижу этого человека, но я знаю, кто он. Кожей чувствую, я не ошибаюсь.

Глава 34

Все происходит словно в замедленной съемке. Я сползаю с байка, ноги еле волочатся по земле. Такое ощущение, что кто-то стукнул меня по темечку. Буквально на секунду картинка происходящего теряет четкость и размывается, но я трясую головой, и реальность более-менее проясняется.

– Игры кончились, сворачивайтесь и гребите своими пробитыми ушами в камыши! – грозно рывкает ОН.

Джейден Ривз стоит напротив гонщиков. За его спиной около полусотни мотоциклов и их владельцев. Атмосфера накаляется. Фильмы с подобным сюжетом обычно заканчиваются не очень хорошо...

Нас разделяет около сорока футов, но я вижу его отчетливо, словно он рядом. В ушах звенят колокола, отыгрывающие вечерний звон, а я пялюсь на него так, будто только что увидела восьмое чудо света.

Помимо него узнаю знакомые лица Ноя, Густава и Терри. Парни облокотились на свои байки, сурово уставившись на своих противников или союзников. Черт не разберет, кем они здесь приходятся друг другу.

Как они сюда попали?!

Губы Джейдена перестают двигаться, когда он встречается со мной взглядом.

Облегченная улыбка, ямочка на щеке, глубокий вздох.

– Дакота! Боже мой, ты цела, иди ко мне, родная.

Я не могу выполнить его просьбу, иначе все, что я перетерпела, будет напрасным издевательством. Я должна участвовать в этой гонке. Это условие. Я хочу на него наплевать, но желание избавиться от плохой компании сильнее.

Мысли безудержно трещат тихим эхом.

– Даки, ты правильно думаешь, – шипит Хантер.

– Дакота! – настойчиво повторяет Ривз.

Я вижу его встревоженное лицо. Он ничего не понимает. Конечно же, ведь по сценарию я должна кинуться к нему на шею и радоваться спасению.

Молча поворачиваюсь и иду обратно на свое место.

– Правильное решение, малышка.

Хантер улыбается, стараясь сдержать желчь. Он победил.

Я признаю это.

А я далеко зашла.

На меня смотрят абсолютно все. Я опускаю голову и, обездолено оттягивая браслет от запястья, направляю его на свет. На земле появляется нечеткая фраза.

Это были не пустые слова. Я знала, что меня любят. И я любила. Я была счастливой.

Была.

Громкая сирена разрывает меня с мыслями.

Копы!

Красно-синие мигалки контрастируют на фоне желтого света фар. Взвинченные байкеры тут же заводят моторы в

надежде скрыться от облавы.

– Нужно валить, поворачивайся! – орет Хантер.

Встаю, чтобы сесть нормально, а сама не соображаю, зачем я это делаю. Все происходит на автомате, пока чья-то крепкая рука не останавливает меня и не тащит вниз.

Джейден.

И тут я почувствовала себя игрушкой, которую два маленьких ребенка в младшей группе садика с диким воплем тянут в разные стороны за все конечности. Меня делят. Один пытается удержать на байке, второй с него ссадить. Я поддаюсь оцепенению.

– Держись! – В мешанине я не понимаю, кто выкрикнул это, но инстинктивно цепляюсь за железный поручень.

Хантер, чертыхаясь, давит на педаль газа и увеличивает расстояние между собой и своим противником.

В меня мгновенно врзается порывистый ветер. Кожа становится максимально чувствительной. Кажется, в нее всадили тысячу иголок одновременно. Я вскрикиваю не своим голосом и закрываю глаза.

Гонке быть.

Острое чувство страха смешивается с болью и необъяснимой эйфорией. Мы едем очень быстро. Будь у байка выдвижные крылья, так мы бы уже давно взлетели. Нарушая все правила, Лихач выжимает максимум, петляя по встречке.

Я оборачиваюсь. Кроме темноты позади больше ничего нет. Как в вакууме. Свирепый рев мотора рассекает воздух.

Меня трясет. Сердце вот-вот вывалится. И все, что я могу, это кричать. Громко, отчаянно, моля:

– Пожалуйста, остановись! Мне плохо. Я сейчас упаду. Хантер! Хантер! Стой!

Может, я беспрерывно ору уже полчаса. Не знаю. Горло болит, пальцы на руках сводит судорогой. Мысленно я уже попрощалась со всеми, кого люблю. Не верю, что эта поездка оставит от меня живое место. Если мы и не разобьемся (что вряд ли), то я свихнусь умом.

Неожиданно все затихает. Я открываю тяжелые веки и вижу пустынную заброшенную улицу. Резко подсакиваю с сидения, но ноги меня не слушаются, и я падаю на локти в траву. Ее влага моментально впитывается в платье и волосы. Если бы внезапно не отключилась способность осязания, то я бы почувствовала неприятность холодного прикосновения земли.

Я помню, как мне делали местную анестезию, когда зашивали порез на колене, появившийся после очередной стычки в баре. Тогда боль отступила, все отступило. Сейчас ощущения такие же.

Что со мной происходит?!

Надо мной склоняется Хантер. Его паршивый рот целует меня сначала в плечо, а потом в губы.

Мерзкая улыбка. Я вижу, как он спускает одну бретельку проклятого платья вниз.

Он... он хочет меня изнасиловать?

Нет, нет, нет, только не это!

– Пожалуйста! – сипло прошу я. Голос сорван.

– Боже, вот это адреналин, детка! Только не говори, что тебе не понравилось! Я хочу тебя прямо здесь.

Он снимает свою кожаную куртку и сдавливая мои запястья. Я обездвижена, но инстинкт самосохранения принимает меры, и я тяну за кольцо в его губе. Если бы я могла совладать со своим телом, то порвала бы ее к чертовой матери, но я не могу. Я даже не чувствую пощечину, которая прилетает мне за неудачную выходку.

– Тварь! Не хочешь по-хорошему, захочешь по-плохому. Ты слишком долго со мной играла. Я все равно получу свое.

И только он собирается замахнуться еще раз, как откуда не возьмись, появляется Джейден. Он мигом оттягивает Хантера и бросает его, как мусорный мешок в траву мордой вниз. После подает руку, и я встаю. Не верится, что все происходит на самом деле.

– Беги отсюда! – Трясет он меня. – Сейчас приедет полиция. Я не хочу, чтобы ты фигурировала в деле. Ты меня слышишь? Беги, Дакота...

И я бегу.

Не зная, куда, зачем, я просто бегу, не разбирая дороги. Черт знает, что со мной. Чувства по щелчку пальцев обостряются (не вовремя). Это похоже на посленаркотическое состояние. Дезориентация, головокружение, тошнота, тревожность. Все сливается, мрачнеет. Я не могу дышать, легкие

сжимает колючей проволокой. Становится нестерпимо жарко, а ступни словно заливает расплавленным горячим воском, поэтому я снимаю кеды и продолжаю нелегкий путь босиком.

Темная безлюдная улица. Ни машин, ни людей. В домах нет света. Наверное, сейчас уже глубокая ночь, но это не точно. Я в душе не гребу, который сейчас час. Здесь даже фонари не везде горят. Вокруг царствует полумрак, и лишь убывающая луна, взгромоздившаяся на небо, нечетко обрисовывает силуэты одиноких деревьев на обочине.

Горло сдавливают спазмы. Я плачу, из меня выходят слезы, как поток пассажиров метро в час-пик. Пугает только тот факт, что я не контролирую свои эмоции и разум. Меня напроць переполняет первое и покидает последнее. Даже будучи вдрызг пьяной, я понимала больше, чем то, что происходит со мной сейчас. Закрадываются смутные подозрения, что меня чем-то накачали.

Ну не сумасшедшая же я на самом-то деле?!

Хотя, кто знает? Возможно, я сейчас вообще сплю, а все это не реально?

Ну не может столько дерьма вылиться в одночасье!

Я сидела за Хантером.

Бац!

Откуда не возьмись, появился Ривз.

Бац!

Копы.

Бац!

Скорость. Мокрая трава. Я бегу! Полное недоумение.
Зачем?!

Вот это меня накрыло...

Яркий свет впереди режет по глазам. Я щурюсь и прикрываюсь рукой. Определенно, на меня кто-то едет, а я и шага в сторону сделать не могу, испуганно глядя на свечение, как гребанный кролик на удава!

Сигнал. Вспышка. Скрежет. Мимо что-то проносится и резко тормозит. От скоростной волны меня уносит. Я падаю на колени. Грудную клетку тут же сдавливает кашель. Тяжело не просто встать, а даже вздохнуть.

Кто-то подает мне руку. Я поднимаю голову. Джейден. Его глаза, нос, рот. Его запах, куртка, байкерские перчатки. Его кровь на щеке и возле носа.

Он поднимает меня и испуганно сверлит взглядом. Я вижу, как двигаются его губы, но не слышу, что он говорит.

Ривз легонько встряхивает меня, как тряпичную куклолку. А я улыбаюсь. Это все, что я могу.

Где-то я это уже видела.

Наша первая встреча была именно такой. Значит, я знаю, что будет дальше...

И я не ошибаюсь, сознание мгновенно покидает меня, и я растворяюсь во мраке, погружаясь в темный морфиевый туман.

Какая ирония!

Боль вместе с кровью течет по венам и является первым признаком жизни. Именно это чудовище ее определяет. Если я вернулась с того света, тогда мое нынешнее состояние находит оправдания. Неприятная резь в висках и горле. Меня словно перекрутили в мясорубке или столкнули с обрыва на острые скалы.

Белая комната. Здесь светло.

Я что, в больнице?

Пока я смотрю в потолок, то так и думаю, но когда поднимаюсь на руки, то понимаю, что медицинским учреждением здесь даже и не пахнет. Я в небольшой комнатке с белыми стенами и черным полом.

Чей же я гость?

Цветы, картины, фото, мебель – все указывает на то, что здесь живет девушка.

– Эй?! Где я и как сюда попала? – шепотом спрашиваю у пустоты.

Тихо, как в морге.

Я стараюсь вспомнить, что произошло ранее, но это сложно. Подробности ускользают от меня, как мелкие рыбки из рук.

Я в чьей-то футболке. Опять. Опять я просыпаюсь, не зная где. Дежавю, мать его!

На ноги встать тяжело, я замечаю, что ступни накрепко забинтованы. Это уже пугает...

Потихоньку подхожу к окну. В этой комнате светло именно из-за него – оно огромное.

Этаж двадцатый. Только это не Филадельфия. Там далеко, через пару кварталов выглядывает макушками старых деревьев Центральный парк, повсюду разъезжают желтые кэбы.

И меня обдает огнем. Нью-Йорк! Гонка. Хантер. Ривз. Все всплывает на поверхность, словно я смотрю трейлер о вчерашней ночи.

Голова прыгает на стремительно раскручивающуюся карусель и меня уносит. Кое-как дохожу до дивана. Закрывать глаза – плохая идея. До всей кучи еще и вертолеты прилетают.

На журнальном столике лежат фотографии. Мои. Преодолевая ноющие боли в виске и тошноту, я беру стопку снимков.

Это работы Эрики. Завораживает. Выгодные ракурсы, выставленный свет. Я в бассейне, в крутом платье от Армани, повсюду лепестки жасмина. На этих фотках я с трудом узнаю себя. Глаза задорно блестят, довольная улыбка.

Хочется крикнуть: «Да не я это!»

По крайней мере, сейчас...

Цвета подобраны так профессионально, что играют не против, а за. Свет струится и переливается, обрамляя мой силуэт.

Наверное, это один из самых лучших снимков. Спина прогнута назад, я смотрю в объектив, положив голову на во-

ду и подняв руки вверх к дорожке мягкого белого свечения. Здесь я спокойна и в ладу с самой собой. Как же мне не хватает этих опций к нынешнему состоянию!

А вот еще одно фото, где я с Кэм... Когда она красила мне губы, Эрика сняла нас. Мы обе смеемся. Такие забавные! Тогда я не знала, что скоро все это счастье закончится.

Стало быть, я у сестры Джейда. Но где же сам Джейд? Где же Эрика?

Дакота проспала почти сутки. В ее крови обнаружили наркотики. Мою маленькую девочку накачали дрянью. Уверен, сама бы она на это не решилась.

Что же с ней происходило за все это время, пока она была далеко от меня?

Мерзкое ощущение, что во всем виноват исключительно я.

Так оно и есть.

Я не защитил ее. Я предал ее. Я сделал ей больно.

Мое сердце кровью облилось, когда я узнал от встревоженной Камиллы, что Дакота уехала вместе с Хантером в Нью-Йорк. Берк все рассказала: и про то, как чертов урод признался в содеянной гадости, и про условие, поставленное Даки. Она согласилась вернуться только ради того, чтобы он от нее отстал. Но это я, именно я должен был позаботиться об этом! Это я должен был навсегда оградить ее от всей чертовщины прошлого. А я, наоборот, сделал ее еще ближе к

ней.

У меня был лишь день, чтобы все исправить. Я собрал около трех байкерских банд. С помощью них удалось нарыть хороший компромат на Лихачей. Этого хватило, чтобы обратиться в полицию. Впервые в жизни доволен, что из состоятельной семьи. Достучаться до копов удалось сразу, благодаря влиянию отцовских адвокатов.

Когда я увидел Даки в коротком красном платье, мне чуть плохо не стало. Она стояла возле Хантера и смотрела на меня стеклянными глазами, но все равно была такой родной и близкой. Я противился реальности и вспоминал ее теплую улыбку, задорный смех, горячие прикосновения. Она все равно была моей, пускай и в надеждах.

Я никогда не участвовал в гонке с Хантером, но в ту ночь это случилось. Мне было страшно за Дакоту, поэтому я гнал на максимальной скорости и достал урода. Он пытался изнасиловать МОЮ девушку. Если бы не копы, я забил его до смерти и не на секунду бы об этом не пожалел.

Прежде чем его отправили за решетку, я отомстил ему за все. За Дакоту, за Эрику, за себя. Теперь я свободен. Я перестал жить жаждой отмщения и очистился от грязи кровью Лихача.

Вернувшись с сестрой из полицейского участка и удостоверившись, что Хантера и еще пару преступников из банды надолго засадят в тюрьму, я неуверенно захожу в комнату, где должна быть Даки.

Простит ли она меня? В любом случае я добьюсь этого, и неважно, на что придется пойти.

– Это самые лучшие фото, которые я когда-либо видел. Эрика скоро устраивает выставку с этими работами, – тихо говорю я, подсаживаясь к ней на диван.

Она бросает на меня мимолетный взгляд, а после убирает снимки и сжимает маленькие ручки в кулаки.

О да, пускай она меня отметелит! Пускай наорет. Ей нужно выпустить пар. Я препятствовать не стану. Я заслужил еще и не такого!

– Прости меня, милая...

– ... замолчи.

Дакота встает на ноги, и я вижу боль в глазах. Она прикусывает губу, но и звука не издает. Ее ступни зверски исколоты камнями и битыми стеклами. Доктору даже швы пришлось накладывать из-за глубоких ран.

Она устраивается на кресле возле окна. И я понимаю, что ей нужно личное пространство. Нарушать границы ее свободы я не буду, да и прав у меня на это нет.

– Что произошло?

Я рассказываю обо всем, что случилось сутки назад. Даки меня слушает с каменным лицом и лишь изредка морщится. Ей противно. Еще бы, такое пережить!

– То есть, Хантер долго не выйдет на свободу? – когда я замолкаю, спрашивает она.

– Да. Суд будет через пару недель, но я уверен, что сидеть

ему до старости. Он связан с наркотиками, а это жестко карается.

– Меня ведь накачали, да?

– Да.

– Мерзкий гад. Это, наверное, когда он дал мне бутылку воды... Я и так была пьяна, а он решил закрепить успех. Так и откинуться можно. – Она подходит к окну и смотрит на город. – Я хочу домой.

– Я могу отвезти тебя.

– Нет. Мне нужна нормальная одежда и такси. Дай мне телефон.

Я улыбаюсь. Мне это напомнило наш первый разговор. Тогда я считал ее стервозной мегерой, а сейчас она самая лучшая девушка на всем белом свете. Тогда я ее не знал, а сейчас знаком со всеми ее причудами, мыслями, чувствами. Тогда я ее отпустил, больше этого не случится.

Она была и будет моей.

– Нет. Никаких телефонов и такси, пока мы не поговорим.

Я становлюсь позади нее, но не прикасаюсь. Она может вспыхнуть, как спичка, если я позволю своим рукам осмелеть.

– О чем нам с тобой говорить?

Дакота поворачивается ко мне лицом, но отстраняется назад, чтобы мы случайно не притронулись друг к другу.

– Ты злишься, и это нормально. Здоровая реакция! Я просто прошу выслушать меня.

– Ах, ты, стало быть, знаешь, что я не сдавала тебя Хантеру?

– Давно. Ты меня презираешь за то, что я поверил ему, а не тебе. Я тварь и предатель. В тот вечер, когда мы расстались, это был не я, а моя наихудшая версия. Я ненавижу Хантера всем сердцем и душой. Эта ненависть мной и управляла. Знаю, глупая отмазка, но она единственная правдивая. Я озверел. Прости меня за это, прошу... Я готов танцевать на раскаленных гвоздях, лишь бы ты никогда, слышишь, никогда не чувствовала боли!

Беру ее за руку и чувствую родное тепло. Я вспоминаю, как был счастлив слышать ее звонкий голос, терпеть ее язвительные шутки. Вспоминаю мурашки по ее коже, когда целовал. Как будто всего этого кошмара и не было... Но когда я поднимаю взгляд на ее изнуренные глаза, то возвращаюсь в настоящее.

– Я устала. Мне нужно время. Знаю, что ты любишь меня. Знаю, что и я тебя люблю. Но сейчас мне не до этого. Я не хочу больше слушать про банды, байкеров и прочее. Меня от этого воротит. Я хочу домой. Повторяю еще раз: принеси одежду и вызови такси.

Она высвобождает свои пальцы из моих, снимает браслет и кладет его на столик, а после выходит из комнаты, оставив последнее слово за собой.

Дакота вернется. В другое я не верю.

Глава 35

В современных сказках конец не всегда счастливый.

Прошла неделя после того, как я вернулась из Нью-Йорка. И она была одной из самых сложных. Я думала, что кошмар уже позади.

Как бы не так...

Пришлось вытерпеть допрос с пристрастиями. Камилла чуть не родила, изведаясь в переживаниях, а Эштон меня едва не задушил. Они орали, обнимали, ухаживали за мной и снова орали. Да, родители из них будут крутыми, ребенок точно не пойдет по наклонной. Мой же отец, слава богу, все это время думал, что я лежала под солнышком в Лос-Анджелесе и бед не знала.

Чтобы себя хоть как-то занять дома, я купила огромную мозаику и принялась ее складывать. Трех дней хватило, чтобы ее закончить. Я собрала пейзаж, но одного пазла так и не досчиталась, поэтому там, где должна была быть птица, вписалась черная дыра.

Прям как в моей жизни – огромный пробел там, где необходима завершенность.

Эта неделя стала моей реабилитацией. Чувства, которые я пережила, согласившись поехать с Хантером, не исчезли бесследно. Я боялась, как огня, вернуться к прошлому, и это произошло. Все аукнулось приличной дозой последствий и

пошатнуло психику. Я ощущала тревогу, мне часто казалось, что дверь откроется, и зайдет Лихач; что я снова окажусь в мерзком логове, надену красную тряпку, сяду за байк, буду лежать на мокрой траве. Теперь это страхи номер один.

Еще один вопрос – Джейден. Я не виделась с ним после того, как уехала. Он каждый день пишет сообщения, забывает голосовой ящик. Я слушаю, как он просит шанса, и не знаю, что ответить, поэтому молчу. Он байкер, а с недавних пор, я ненавижу их. Неизвестно, сколько должно пройти времени, чтобы я перестала чувствовать отвращение, глядя на мотоциклы.

Я люблю Ривза. Я простила его. Но дело в другом – в выборе, и я не хочу заставлять его выбирать. Он не должен отказываться от своего многолетнего увлечения ради меня, но и я не смогу разделить этого пристрастия.

Наши дороги разойдутся, как бы ни было больно.

– Завтра выпускной, Коуэн! Тебя уже сейчас нужно приводить в порядок. – Камилла заходит в комнату и ставит поднос с целым арсеналом масок и кремов прямо на мозаику. – Хватит сидеть за этой дурацкой детской игрой! И только попробуй рот открыть, что тебе не хватает пазла! Вставай!

– Боже, меня когда-нибудь оставят в покое? – воплю я и поднимаюсь с кресла.

– Ага, если тебя оставить, ты опять дерьма наешься!

– Не начинай...

– Что с Ривзом? Вы говорили?

– Берк!

– Коуэн!

– Не говорили, и не будем.

– Я не вправе решать, но он заслуживает еще одну попытку.

– Знаю.

– И?

– Я буду вот эту увлажняющую маску, – показывая на зеленый пакетик, меняю тему я.

– Ладно, не хочешь говорить – не надо. Из тебя прямо источником бьет упрямство.

– У меня хорошие преподаватели по ословедению.

– Тогда я не приглашу тебя на свою свадьбу!

– Что?! Когда? – Я смотрю на довольную подругу, показывающую кольцо на безымянном пальце, и загораюсь улыбкой.

– Ну мы просто распишемся в мэрии по-тихому, а через месяц свалим на Гавайи и закутим по полной.

– Гавайи? По-любому я с вами! Ведь наемся же дерьма, если вы меня здесь оставите!

Размазываю на лице зеленую жижу и показываю язык Камилле. Та в ответ хохочет.

Бесконечно счастлива за своих друзей. Скоро они станут семьей. Хоть какие-то хорошие новости!

– Да, теперь ты еще и манипулятор! Ладно... какое платье на выпускной наденешь?

– Не знаю, нужно искать в шкафу, а мне так лень.

– У-у-у, детка, это не дело! Ничего, время есть, решим...

Эм-м-м, я знаю, что следующий вопрос серьезный, но будь добра, ответь! – Кэм откашливается. – Ты ведь не исчезнешь после того, как нам вручат дипломы? Ну... не свалишь на другой конец страны там?

Вопрос о будущем. Я о нем давно уже не задумывалась. Раньше я планировала окончить университет, а после открыть вместе с Джейденом собственную танцевальную студию и, конечно же, танцевать. Стать как моя мама. Учить детей, выступать на сцене... Но вряд ли теперь все желаемое исполнится. То есть, возможно, план все тот же, но вот не все люди в нем останутся.

– М-м-м, ну как же я брошу свою беременную подружку?! Далеко от тебя я точно не уеду!

– Ты нужна мне. Просто помни об этом.

Она сжимает мою руку и улыбается. Мы не часто бываем серьезными, но если это происходит, то приходится переживать сильнейшие чувства любви и заботы в максимальном их объеме.

– И на будущее, – улыбается подруга, – если услышишь животные крики из моей комнаты, не переживай. Это я буду стараться надеть свои старые джинсы.

– О, может, тогда отдашь мне свои вещи? Скоро они станут тебе не по размеру. Мне нравится то черное облегающее платье...

Остаток дня я провожу с друзьями. Мы смотрим фильмы, танцуем, едим пиццу. Я слышу, как счастливая Камилла смеется, глядя, на испачканное в кетчупе, лицо Эштона. Я вижу, как он вытирается и ругает меня за то, что я его вымазала. Я люблю эту парочку и наблюдаю за тем, как мой шевелюристый друг поглаживает еще плоский животик будущей мамы и что-то бормочет про себя.

Я вновь оживаю. Я вновь радуюсь. Я становлюсь на путь, перечеркивающий все плохое в моей жизни.

– Сходим-ка мы с Эшем за еще одной пиццей! – говорит Кэм.

– Зачем? Можно ведь заказать!

– Я хочу пройтись, да и в магазин тоже нужно. Короче, мы ненадолго, а ты пока покопайся в шкафу. Когда я приду, ты должна стоять в платье, в котором пойдешь на выпускной!

– Что за дурацкая отмазка? Что вы опять задумали? – кричу я вслед, но в ответ слышу лишь хлопок входной двери.

Это они мне говорят о том, что я слишком скрытная?

Завтра важное событие на самом деле, а мне и не до него вовсе. Придется увидеться с Ривзом, а я пока не готова к этому. Но Камилла сожрет меня заживо, если я не являюсь на вручение дипломов.

Зачем вообще это платье?! Все равно за мантией ничего не будет видно, а на праздничный фуршет я точно не останусь.

Открываю шкаф и перебираю десятки нарядов от модных дизайнеров. Посреди всей этой кучи нахожу лишь одно, которое никогда еще не надевала. Серо-голубое атласное платье до колен с двойными рукавами. Я покупала его с Джейденом...

Только-только я успеваю облачиться в него, как слышу тихие шаги за спиной.

– Надо же, как вы быстро! Что, бумажник забыли или твои, Кэм, вкусовые пристрастия отказали пище? – поворачиваясь, смеюсь я.

Представить мое удивление можно, когда вместо друзей в комнате появляется Джейден Ривз. Я чуть ли не взвизгиваю от неожиданности, основательно застыв в ошеломлении.

– Ты?!

– Привет.

Он изменился. За эту неделю произошли кардинальные перемены в его стрижке. Теперь волосы стали короче и вместо челки, которая всегда была зачесана наверх, там появился лишь небольшой ежик. Несомненно, ему идет, но он сразу стал другим. А еще эта борода, прилично отросшая с последней нашей встречи...

– Что ты здесь делаешь?

Стараюсь выглядеть как можно спокойнее, а у самой просыпается вулкан в груди. Я уже и забыла это приятное волнующее чувство.

– Я пришел за тобой.

– Джейд...

– ... молчи! – прерывает меня он и подходит вплотную.

Мигом обдает электрическим разрядом, когда он касается моей руки, а после, не мешкая, впивается в губы. Вместе с поцелуем, полным грусти от разлуки и радости от встречи, он вдыхает в меня силы, забирает слабость, неуверенность, сомнения. Все идет прочь к черту, пока я выпускаю стон в его рот.

Я скучала по этому так, как скучают по теплой погоде в холодные дни, как тоскуют по свободе заключенные.

– Я люблю тебя и не отступлю. В любом случае ты вернешься! Могут пройти годы, да и плевал я на них.

Он смотрит на меня своими красивыми пронизательными глазами и тем самым пытается. Голова кружится, руки потеют.

– Джейд...

– ... я не договорил. – Он достает из кармана пазл и кладет мне в руку.

Птица, та самая деталь, которой мне не хватало, чтобы закончить этот гребанный пейзаж!

– Я купил такую же мозаику, чтобы отдать нужный тебе фрагмент. Не удивляйся, Берк проговорила.

Хочется смеяться.

Джейден Ривз, это слишком романтичный поступок.

Я подхожу к столику и помещаю пазл в отведенное ему место. Пустота заполняется. Картина завершена. Я получаю некое мимолетное самоудовлетворение от проделанной ра-

боты.

– Есть одна история, в которой отсутствуют важные предложения. Есть одна скульптура, в которой не хватает значимых деталей. И есть моя жизнь, в которой не достает одного нужного человека. Тебя.

Чувствую тепло, пробегающее по спине от волнующих слов. Его дыхание шевелит мои волосы и щекочет затылок.

– Я не могу... – безвольно шепчу я, закрыв глаза.

– И я не могу быть счастливым без тебя.

– Чтобы быть счастливым, нужно заслужить.

– Я заслужил... и бросил все, Дакота.

Я поворачиваюсь к нему и встречаюсь с мягким взглядом. Ямочка на щеках, которую хочется проткнуть пальцем, появляется с улыбкой. Как же ему идет улыбаться! Его и без того прекрасное лицо начинает сиять.

– Что ты бросил? – настороженно спрашиваю я.

– Банду и все, что с этим связано.

Ушам своим не верю!

Он оставил то, что так любил, в чем находил свою отдушину.

– Но почему? – чуть ли не пишу я.

– Ради тебя. Понимаю, что после всего случившегося, это для тебя кошмарная тема. И я готов расстаться со всем без сожалений.

– Но ты прогибаешься.

– Нет, я беру то, что мне нужно любым путем.

Вот оно притяжение. Меня тянет к нему, как гравитация притягивает ноги к земле.

Он выставляет руки вперед, чтобы я могла зайти в его объятия. И я, не думая, оказываюсь в них. Я обнимаю его крепкое тело, вдыхаю приятный аромат его волос, закрываю глаза и позволяю железным оковам спастись с души.

Мне больше не нужны ограничения. Хватит!

Я столько раз сдерживала себя, больше не буду.

Я выплесну бурю своих счастливых эмоций.

Я нырну в океан.

Я вернусь на седьмое небо.

Глава 36

Шапочки выпускников летят вверх к лучам летнего солнца и, поддаваясь тяготению, скопом падают на зеленый газон. Повсюду разливаются громкие крики и смех одноклассников. Около сотни бывших студентов вопят во все горло и поздравляют друг друга с окончанием университета.

Кто-то орет, что скоро напьется, кто-то хвастается, что собрал чемоданы, чтобы улететь к океану и оттянуться как следует. А кто-то уже зовет всех на масштабную вечеринку к себе домой.

Учеба подошла к концу, впереди новый этап жизни. И я готова к нему, готова добиться высот.

Я стою посреди толпы и смотрю на папу и Ив. Они сидят на трибуне и лучезарно улыбаются мне. Сестренка машет ручкой, и даже отсюда я слышу, как она выкрикивает мое имя. Я вижу почти улыбку на лице охранника Стива, стоящего возле прохода. Они пришли, чтобы меня поддержать.

Неподалеку Камилла пищит от радости, пока Эштон кружит ее в воздухе. У них тоже впереди очень волнующие и важные моменты, с которыми, уверена, они справятся. Я буду рядом, чтобы помочь, если что.

Джейден стоит поблизости в черной мантии и строит мне смешные рожицы, чтобы я сменила свою сосредоточенную

гримасу.

– Тебе стоит кое-что забрать! – обнимая меня за талию, шепчет он на ухо.

Он достает из кармана браслет, и я краснею. Мне стыдно за то, что было около недели назад. Я оставила его на столе в квартире Эрики. Представляю, как ему было тогда неприятно...

– Спасибо, – смущенно проговариваю я, опуская взгляд. Я рада, что он вернул мне браслет.

– Эй, не надо прятать глаза! Сейчас они такого прекрасного цвета. Дай полюбоваться. – Джейд поднимает мой подбородок и легонько целует в нос.

– И какого же?

– Изумрудного. Обычно они у тебя такие, когда ты восхищена.

– И все-то ты замечаешь!

– Потому что хочу замечать. Мне нравится изучать тебя... Не знаю, как тебе, а мне хочется поскорее сбежать отсюда.

– И мне. В ушах уже звенит от этого сумасшествия.

– Я люблю тебя! – одними губами говорит он.

– Я люблю тебя... – тыкая пальцем в ямочку на щеке, отвечаю я.

– Не передразнивай меня!

– Только не в такие моменты!

Он властно притягивает меня к себе, и мой глухой выдох рассеивается в его поцелуе. В животе разливается тепло, в

груди приятно жжет. Медленная дразнящая попытка прикосновений искушает. Звуки вокруг теряют четкость, словно я погружаюсь под воду.

– Эй, влюбленная парочка! – смеется Грифф, прерывая наше забвение. – Сделаем пару фоток, идите сюда.

Я, Кэм, Эш и Джейден, обнимая друг друга, становимся напротив фотографа и улыбаемся.

Я счастлива. На этот раз во мне нет страха, что что-то пойдет не так. Я знаю, что все в моих руках. И сейчас я стою с теми, с кем хочу стоять. Я благодарю судьбу-проказницу за то, что, несмотря на испытания, падения, потери, она поцарски вознаградила меня верными друзьями и искренней любовью.

– Милая! – Папа идет ко мне вместе с сестрой.

– Мои родные, как хорошо, что вы здесь!

Я крепко обнимаю Ив и целую ее в мягкую щечку. Она говорит, что любит меня и бежит к Джейдену. Оказавшись у него на руках, начинает задорно голосить, а он смеяться. Милая картинка.

Лучшей идиллии и не придумаешь.

– Поздравляю, дочка, ты сделала это!

– Я должна благодарить тебя, ведь если бы не ты, то я, наверное, и не вернулась к учебе.

– Глупости! Только благодаря твоей силе духа это произошло... Здесь для тебя кое-что есть. – Запуская руку в карман пиджака, щурится он.

– Пап, только не нужно дорогущих подарков, я тебя прошу! Ты же знаешь...

– ... это не от меня, а от мамы, Даки.

Моментально вздрагиваю. То, что он сказал, прозвучало очень странно и, признаться, непривычно.

– Она оставила для тебя письмо. – Вкладывает он конверт в мою ладонь. – Отдать я его должен был только после того, как ты окончишь университет. Время пришло.

Я провожаю взглядом отца и дрожащими руками открываю белый конверт. Листок бумаги, сложенный вдвое, начинает нервно прыгать над пальцами.

Прикусив губу, я не решаюсь приступить к чтению.

Вдох-выдох, спокойно...

Я не успела попрощаться с ней. Не увидела ее глаз перед тем, как она их навсегда закрыла. Не услышала ее голоса, прежде чем она навсегда замолчала. А сейчас я узнаю о ее мыслях... Невероятно!

Найдя укромный уголок за деревом, я усаживаюсь прямо на мягкую траву, утапливая носки туфель глубже в зелень, и приступаю к волнительному разговору.

Мой поступок – страшная боль, принесенная с моей стороны. Каждая мать хочет защитить своего ребенка от проблем. И сейчас, когда я пишу это письмо, я знаю, что поступаю наполовину правильно. Я уберегаю тебя от себя, от угнетения, которое посетит тебя, когда я буду немощ-

но лежать в кровати не в состоянии сделать и элементарных вещей. Ты могла бы видеть, как я каждый день, увядая, медленно, но уверенно направлялась на тот свет.

Я не хочу умирать, глядя на твое, сокрушенное от многолетних страданий, лицо. Я хочу уйти, будучи в состоянии сказать, как сильно тебя люблю, крепко обнять, поцеловать. Я хочу видеть твои счастливые глаза, не знающие, что происходит на самом деле. Это важно для меня.

Да, тебе будет очень больно. Прости за это. Я даже понимаю, если ты меня возненавидишь. Это нормально, учитывая обстоятельства, большие похожие на стянутую у шеи удавку. Я оставляю тебя, но когда-нибудь ты поймешь мое страшное решение. Пройдет время, и ты справишься даже с такой утратой. Пустота затянется, раны заживут. Я уверена в этом, ведь ты сильная, упорная. Ты наилучшая версия меня, и я горжусь этим. Ты потрясающая!

А теперь пару слов о твоём «сегодня». Ты будешь читать это письмо, после того, как получишь достойное образование. Это лишь один пункт из огромного списка наших с тобой планов, и ты уже стоишь на пороге своего светлого будущего.

Я представляю тебя в мантии выпускника с шапочкой на голове (тебе идут головные уборы, милая). Я вижу гордое лицо Уэйда, и я тоже горжусь тобой. Ты меня не увидишь, но я буду рядом. Я всегда буду жить в твоей памяти.

Успех ждёт только того, кто готов усердно работать,

встречаться с трудностями, падать, падать и ещё раз падать. Падать столько раз, пока не поймёшь, как правильно вставать. Он встретится с тем, кто будет мокрым от пота, у кого будет болеть каждая мышца, ныть все тело. Ты не бойшься этого, иначе бы не была собой. Ты сделаешь шаг вперёд к тому, о чем грезит каждый, – шаг к победе. Ты добьёшься всего, что намечено.

Когда трудности, преодоленные тобой, будут позади, ты станешь еще сильнее и умнее. Каждая проблема, которую ты встретишь, с которой сможешь справиться, делает из тебя человека лучше, чем ты была вчера.

Мерedit Коуэн – всего лишь прошлое, Дакота Коуэн – будущее. Студия в Нью-Йорке отныне твоя. Я прошу тебя, не отказывайся от нее, ведь только тебе удастся вдохнуть туда новую жизнь, принести что-то гениальное.

Ты – мое продолжение, ты – начало чего-то своего. Я спокойна за тебя. Я уверена в тебе. Я люблю тебя.

И, конечно же, куда без этого: «Не дури!»

Целую и обнимаю, навеки твоя Мама.

Мама.

Ты подарила мне не просто жизнь, ты отдала всю себя ради того, чтобы я смогла осуществить свои мечты. Ты научила меня ходить, говорить, видеть в музыке чувства, выражать их в движениях. Ты подарила столько любви, что ее хватит до конца моей жизни.

Я люблю тебя.

Я прощаю тебя.

Я понимаю тебя.

Ты рядом. Ты всегда будешь рядом.

Поднимаю заплаканное лицо к лазурному небу, и прохладный ветер сдувает горячие слезы, впитавшие волнительные чувства. словно прикосновения родного человека, он вытирает влагу со щек.

Прочитав ее письмо, я выговорила. Я сказала своим сердцем все, что требовалось сказать. Я поставила точку там, где ей по праву место, где она давно должна была стоять.

– Ты как? – Джейден подсаживается ко мне и обнимает за плечи.

– Лучше, чем когда-либо раньше.

– Я тебя потерял. Что это? – глядя на письмо, спрашивает он.

– Это то, чего мне не хватало. – Глубоко вздыхаю я и прижимаю листок к груди.

– Значит, теперь у тебя есть все?

– Абсолютно... Джейден, ты поедешь со мной в Нью-Йорк?

Он мягко улыбается и убирает с моего лица прядь волос, закрывающую глаза. Его сосредоточенный взгляд полон уверенности, силы, авантюризма и готовности. В нем ни на секунду не усомнишься, я и без слов знаю ответ.

– Я собираюсь пойти за тобой куда угодно, и черта с два

ты от меня избавишься!

Мы преодолели трудности, выучили один из самых важных уроков жизни. И теперь возле меня сидит человек, с которым я вижу себя. Испытав с ним весь спектр эмоций, я знаю, что не пожалею о своем выборе, я знаю, что не затухну, не завяну.

Любовь – это частичка его души, что я получила от него. Любовь – это частичка моей души в нем.

– Ну что ж, осталось только уговорить Камиллу и Эштона последовать за нами.

– Что ты задумала?

– На Мэдисон-авеню есть одна студия... И там есть парочка вакансий.

Внутри меня гасли звезды. Я задыхалась, разрушалась, горела. Мне было больно.

Я теряла веру, надежду, любовь. Я превращалась в бездушный камень и становилась уязвимой. Я была сильной и была слабой. Я сдавалась и боролась. Но несмотря на эти противостояния, я всякий раз лишалась светлого источника внутри.

Моя жизнь горела в огне, и я была в нем, тлела, как уголек, но все же не сгорала, цапая больше кислорода, чтобы не затухнуть окончательно.

Я падала в зияющую пропасть, но не разбивалась о землю. Благодаря людям. Тем, кто появился на моем пути и верно

шел следом. Я ценю это сокровище и никогда не закопаю его в глубины своей памяти.

Я буду рядом с ними, буду помогать, переживать, радоваться. Они мое настоящее и будущее. Они – это я.

Внутри меня рождаются звезды.

**В оформлении обложки
использована фотография автора**

Masha

Raymers

«

Human

Skin

» с <https://www.pexels.com>.